

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ РАН —
ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО
УЧРЕЖДЕНИЯ НАУКИ ФЕДЕРАЛЬНОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЦЕНТРА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ

Сборник научных трудов

Выпуск 8

Нестор-История
Санкт-Петербург
2017

УДК 316.014
ББК 60.504/506

*Печатается по решению
Ученого совета Социологического института РАН*

Редколлегия:

И. И. Елисеева, чл.-корр. РАН, д. э. н., проф., засл. деятель науки РФ (гл. ред., СИ РАН);
А. С. Быстрова, к. э. н. (СИ РАН); *К. С. Дивисенко*, к. с. н. (отв. секретарь, СИ РАН);
Д. Б. Тев, к. с. н. (СИ РАН); *О. Н. Бурмыкина*, к. с. н. (СИ РАН); *Г. В. Еремичева*, к. ф. н.
(СИ РАН); *И. Шубрт (Jiřj Šubrť)*, д. социол., доцент (Карлов университет, Прага,
Чехия); *Симо Маннила (Simo Mannila)*, PhD (Национальный институт здоровья
и благосостояния, Хельсинки, Финляндия)

В сборнике представлены результаты исследований адаптации рынка труда к структурным изменениям в экономике Республики Беларусь и роли молодежи на рынке труда. Освещается широкий спектр приватной и социальной жизни россиян. Анализируется трансформация гендерных идеалов молодежи за период 1999–2014 гг. Уделяется внимание исследованию употребления энергетических напитков в молодежной среде. Обобщаются направления социальной политики в постсоветских странах в отношении детей-сирот и детей, оставшихся без родителей. Раскрываются представления молодежи о межпоколенном семейном контракте; затрагиваются некоторые методологические аспекты исследования взаимодействия поколений прямых родственников. Особый интерес могут вызвать исследования в области социального измерения религиозности, неравновесности групп интересов в отношении городского пространства, выявления профессиональных компетенций руководителей сельских муниципальных образований, а также результаты изучения влияния социально-демографических характеристик на численность бездомных животных в российских городах.

Для специалистов и обучающихся в области социологии, культурологии, государственного управления.

Научное ежегодное периодическое издание «Петербургская социология сегодня» выходит с 2009 года. Издание включено в российский индекс цитирования (РИНЦ).

Учредители

Социологический институт РАН — филиал Федерального государственного
бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук

Общество с ограниченной ответственностью «Нестор-История»

Издатель

Общество с ограниченной ответственностью «Нестор-История»

ISSN 2308-3166

УДК 316.014
ББК 60.504/506

© Социологический институт РАН, 2017
© Издательство «Нестор-История», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-------------	---

Социальные структуры и процессы

<i>Л. Г. Титаренко.</i> Модернизационный потенциал студенческой молодежи Беларуси: опыт эмпирического исследования	7
<i>Г. Н. Соколова.</i> Белорусский рынок труда в условиях структурных изменений экономики: эффективность механизмов подстройки	18
<i>О. Б. Божков, С. Н. Игнатова.</i> Профессиональные компетенции руководителей муниципальных образований	36
<i>Е. В. Тыканова.</i> Город как территория неравенства: оспаривание сноса гаражных строений в Санкт-Петербурге	54
<i>И. В. Русакова.</i> Влияние демографических процессов на численность безнадзорных животных в российских городах	73
<i>К. С. Дивисенко, О. В. Дивисенко.</i> Социальное измерение религиозности: опыт эмпирического исследования	91

Семья и общество

<i>В. П. Авдеева, М. М. Русакова.</i> Теоретические основания и результаты исследования социальной политики в отношении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в постсоветских странах	111
<i>К. Ю. Ерицян, О. И. Колтакова.</i> Современные подходы к изучению употребления энергетических напитков	137
<i>О. Н. Бурмыкина.</i> Межпоколенный семейный контракт: представления молодого поколения	150
<i>Н. А. Нечаева.</i> Гендерные идеалы молодежи (1999–2014 гг.)	160
<i>И. И. Елисеева.</i> Изучение взаимодействия домашних хозяйств прямых родственников разных поколений: методологические аспекты	179

Научная жизнь

<i>О. Б. Божков, С. Н. Игнатова.</i> Что сегодня актуально для России? (Впечатления о некоторых социологических конференциях 2017 года)	197
---	-----

In Memoriam

<i>О. Б. Божков.</i> Список наших планов рос быстрее, чем мы могли их реализовать. Светлой памяти Светланы Игнатовой	203
Summaries	206
Сведения об авторах	210
Информация для авторов	212

CONTENTS

Introduction	5
--------------	---

Social Structures and Processes

<i>L. G. Titarenko.</i> Modernization potential of Belarusian students: survey evidence	7
<i>G. N. Sokolova.</i> Belarusian labor market under conditions of structural changes in economy: effectiveness of mechanisms for adjustment	18
<i>O. B. Bozhkov, S. N. Ignatova.</i> Professional competences of rural municipalities heads	36
<i>E. V. Tykanova.</i> The city as a territory of inequality: contestation of garage spots demolition in St. Petersburg	54
<i>I. V. Rusakova.</i> Influence of demographic processes on the number of homeless animals in the Russian cities	73
<i>K. S. Divisenko, O. V. Divisenko.</i> The social dimension of religiosity: the experience of empirical research	91

Family and Society

<i>V. P. Aydeeva, M. M. Rusakova.</i> Social policy for orphans and children left without parental care in post-Soviet countries	111
<i>K. Y. Eritsyanyan, O. I. Kolpakova.</i> Modern approaches to the study of energy drinks	137
<i>O. N. Burmykina.</i> Intergenerational family contract: the views of young generation	150
<i>N. A. Nechaeva.</i> Student youth gender ideals (1999–2014)	160
<i>I. I. Eliseeva.</i> Interaction between direct relatives of different generations: methodological aspect	179

Review of Scientific Events

<i>O. B. Bozhkov, S. N. Ignatova.</i> What is actual for Russia ? (About some sociological conferences 2017)	197
--	-----

In Memoriam

<i>O. B. Bozhkov.</i> The list of our plans grew faster than we could implement them. In Memoriam Svetlana N. Ignatova	203
--	-----

Summaries	206
Information about the Authors	210
Information for the Authors	212

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очередной выпуск сборника «Петербургская социология сегодня» затрагивает широкий спектр исследований приватной и социальной жизни. В представленных статьях поднимаются новые темы, такие как неравные притязания социальных групп на городское пространство (Е. В. Тыканова) или проблема безнадзорных животных в российских городах и влияние на их численность социально-демографических характеристик населения (И. В. Русакова). В той или иной мере содержание статей откликается на процессы глобализации, пространственные характеристики социальных и культурных паттернов.

Особенностью всех статей сборника является сочетание обсуждаемых теоретических концепций с эмпирическими данными. Тематически публикуемые статьи распределены в два раздела: «Социальные структуры и процессы» и «Семья и общество». Отрадно, что сохраняются контакты петербургских социологов с белорусскими коллегами. Сборник включает статьи двух ведущих белорусских социологов — Г. Н. Соколовой и Л. Г. Титаренко. Обе статьи посвящены проблемам рынка труда. В работе профессора Л. Г. Титаренко делается попытка осмысления модернизационного потенциала молодежи Республики Беларусь. Раскрытие потенциала наталкивается на множество стандартных представлений, создающих барьеры, связанные в том числе и с гендерным неравенством. Гендерные идеалы молодежи — какие они и насколько подвержены изменениям — рассматриваются в статье Н. А. Нечаевой, основанной на исследованиях за период 1999–2014 гг.

Проблемам межпоколенного взаимодействия и методологии изучения отношений между поколениями посвящены статьи О. Н. Бурмыкиной и И. И. Елисевой. С точки зрения совершенствования социальной политики значимы статьи В. П. Авдеевой, М. М. Русаковой «Теоретические основания и результаты исследования социальной политики в отношении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в постсоветских странах», а также К. Ю. Ерицян

и О. И. Колпаковой, в которой поднимаются проблемы аддиктивного поведения, влияющего на здоровье и формирующего риски для индивидов, преимущественно в молодежной среде.

К исследованиям новой тематики в полной мере принадлежит статья К. С. Дивисенко, О. В. Дивисенко «Социальное измерение религиозности: опыт эмпирического исследования». Авторами ставится задача разработки релевантного методического инструментария для измерения уровня религиозности, а также объяснения процессов социокультурной трансформации в сфере религиозной жизни современного российского общества. Мало изучены и профессиональные компетенции и практики управленцев, в том числе на муниципальном уровне. Этот сюжет представлен в статье О. Б. Божкова и С. Н. Игнатовой.

Содержание статей отражает направления работ в рамках государственного задания, а также результаты исследований, выполняемых по грантам научных фондов.

Сборник завершает раздел «Научная жизнь», в котором представлен обзор основных научных конференций, проведенных российскими социологами в 2017 г.

СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И ПРОЦЕССЫ

Л. Г. ТИТАРЕНКО

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ БЕЛАРУСИ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье рассматривается модернизационный потенциал студенческой молодежи Республики Беларусь на современном этапе развития. Для успешного включения будущих специалистов в процесс модернизации студенты должны обладать ценностями, соответствующими модернизационным целям белорусского общества. На эмпирических данных показано, что лишь часть студенчества обладает такими ценностями, т. е. может рассматриваться как модернизационный ресурс, остальные студенты являются приверженцами традиционных ценностей, не позволяющих стать авангардом модернизации.

Ключевые слова: модернизационный потенциал, труд, студенты, ценностные ориентации, инновация, развитие, Беларусь.

Государственная политика любой страны предполагает выдвижение привлекательных целей национального развития, которые указывали бы долгосрочные перспективы страны на будущее. В Республике Беларусь, вслед за Россией, одной из таких целей в последние годы объявили структурную модернизацию экономики. Эта цель была ориентирована на доказательство того, что Беларусь успешно входит в глобальный мир и соответствует основным тенденциям современного развития (Бабосов 2014). В свою очередь, высшее образование стало позиционироваться как инструмент подготовки кадров для всесторонней модернизации страны, для построения «общества знаний» или «информационного общества». В рамках этой концепции предполагается,

что белорусская наука и образование вносят весомый вклад в национальное развитие страны (Рыжков 2014). В нашей предыдущей статье мы показали, насколько состояние реальной белорусской экономики и рынка труда далеки от этих целей (Титаренко 2016). В данной статье наша цель — показать, в какой степени система высшего образования формирует модернизационные ценности у современного студенчества, т. е. в какой мере студенчество готово в скором времени влиться в рынок труда и занять в нем инновационные позиции.

Весь опыт мировой культуры показывает, что между целями и возможностями их реализации всегда имеется некоторая — иногда даже непреодолимая — дистанция, поскольку цели реализуются в деятельности большого числа людей — членов общества. Знаток человеческой природы Ф. М. Достоевский в повести «Двойник», появившейся в 1846 г., показал разрыв между ментальностью простого человека, его повседневными стереотипами и вызовами глобальных изменений, в которые втягиваются все страны, неизбежно требуя от человека соответствующих изменений в мышлении и поведении. Этот разрыв может не только вести к личным драмам, но и стать препятствием на пути развития страны. Подобные разрывы между сознанием людей, их повседневными интересами и объективными потребностями развития государства в динамичном мире во много раз возросли в современную эпоху. Для Беларуси сегодня быстрое проведение модернизации экономики является одновременно и одним из глобальных «вызовов», и насущной необходимостью сохранения своего социально-экономического потенциала, обеспечения социально-экономической стабильности страны. Существовая в постсоветском пространстве рядом с экономически более успешными странами-соседями, Беларусь неизбежно должна продвигаться вперед, чтобы не превратиться в придаток одной из них. Модернизация рассматривается как необходимое условие инновационности развития и поэтому становится важной государственной задачей.

В начале XXI в. для всех стран постсоветского пространства большую важность получили их успешная модернизация и переход на более высокий уровень постиндустриального развития. В полной мере это относится к белорусскому обществу, в котором приоритетным направлением развития официально признана технологическая и экономическая модернизация. В целом речь, как и прежде, идет о «догоняющей» модернизации, поскольку передовые западные страны уже давно достигли уровня информационного общества, характеризующегося

такими понятиями, как «сетевое общество», «четвертая технологическая революция», «постматериализм» и т. п. (Кастельс 2000; Инглхарт 2011). В то же время очевидно, что незападные общества не могут и не должны копировать западные образцы: они обязаны учитывать собственный исторический и социально-культурный опыт прошлого и конструировать иные модели модернизационного развития, с учетом западных образцов, но не следуя за ними (Arnason 2003). Социально-культурное своеобразие путей и моделей проведения модернизации важно осознать и реализовать прежде всего в сфере ценностей. Поскольку аспекты научно-технического, экономического, политического и социально-культурного развития связаны между собой, весь модернизационный комплекс перемен должен быть адекватным для своего общества.

Беларусь находится в пограничной зоне между двумя конкурирующими между собой цивилизационными моделями: западной и российской. От каждой из них Беларусь получила некоторые черты, которые вместе образовали своеобразное культурно-историческое единство, одновременно похожее и не похожее на эти цивилизации. В настоящий момент по своему технико-экономическому потенциалу Беларусь ближе к России, хотя по потенциалу человеческого развития несколько обогнала своего восточного соседа и по отдельным показателям (например уровню образования) приблизилась к западным соседям.

Осуществление процессов модернизации невозможно без социальных субъектов, обладающих модернизационными ориентациями и ценностями, инновационным типом мышления. Место отдельной страны в глобализирующемся мире определяется качеством ее человеческого потенциала, способностью населения на микроуровне поддерживать модернизационные инициативы. Поскольку имеется связь между господствующими в обществе ценностями и эффективностью происходящих в нем модернизационных процессов, очень важно определить эти ценности и сделать их доминирующими в белорусском обществе.

Основными социальными субъектами, или агентами модернизации, называют те социальные группы, чьи интересы больше всего связаны с проведением изменений. Прежде всего, это те слои общества, которые заинтересованы в конкурентоспособном государстве и сами готовы конкурировать как внутри страны, так и за рубежом. Объективно более всего под эту характеристику подпадают предприниматели. Однако поскольку модернизация требует использования разнообразных инноваций, творческого подхода к реализации

поставленных задач, те группы, которые более других заняты творческим трудом, также могут быть агентами модернизации. Речь идет об ученых-исследователях в разных сферах науки, прежде всего связанных с экономической сферой. Эти социальные группы, по мнению теоретиков постиндустриального модернизационного развития, количественно расширяются вместе с успехами модернизации, тогда как группы, далекие от инноваций и творчества, типичные для прежней экономики, уменьшаются (Белл 1999).

Поскольку обе указанные социальные группы постоянно обновляются в процессе смены поколений, важной задачей общества становится их качественное пополнение. В этом плане интерес представляет молодое поколение, родившееся в Беларуси уже в период национальной независимости, т. е. люди в возрасте до 25 лет. Среди последних особо выделим студенчество — авангард молодежи, получающий высшее образование и готовящийся к профессиональной деятельности во всех сферах общественной жизни. Исследовательский вопрос состоит в выяснении, каковы базовые устремления этой группы населения и можно ли считать ее сегодня хотя бы потенциально активным агентом модернизации. Для этого необходимо изучить ценности студенчества, делающие эту группу молодежи заинтересованной в модернизационных изменениях.

Под модернизационными ценностями в научной литературе, посвященной проблемам экономического развития, постсоветской трансформации, модернизации разных типов общества, понимают ценности открытости инновациям, стремление к саморазвитию и самореализации, гармоническое соединение заботы о человеке (обществе) и бережного отношения к окружающей среде. По мнению зарубежных и русскоязычных авторов, работающих над данной проблемой (Инглхарт 2011; Лапин 2015; Магун 1996), эти ценности, будучи массовыми, могут существенно ускорить социально-экономическое развитие страны и реализовать его более эффективно, с меньшими издержками, за счет формирования типа личности специалиста, ориентированного на инновации и модернизацию. Вслед за изменением условий жизни меняются ценности всех поколений, однако наиболее сильно это, как правило, проявляется среди молодежи, что и демонстрирует студенчество.

Исследование системы ценностей студентов в контексте инновационного развития страны имеет как научную, так и практическую значимость для совершенствования сферы социального управления, а также эффективной организации идеологической и воспитательной

работы в вузах; в работе молодежных организаций, нацеленных на повышение социальной активности студенческой молодежи.

В социологии имеется много методик измерения ценностей, способствующих модернизации экономики и общества в целом. Одна из них, хорошо обоснованная теоретически и методологически, использует классификацию ценностей Ш. Шварца, применяемую в международных сравнительных исследованиях — Мировом и Европейском исследовании ценностей, Европейском социальном исследовании (European... 2008). Модернизационные ценности, называемые Ш. Шварцем «ценностями роста», объединяют, с одной стороны, ценностную ориентацию на новизну и риск, а с другой — заботу о других людях и о природе. В странах с более высокими показателями экономического развития доля населения, у которой выражен такой ценностный комплекс, сравнительно выше, чем в постсоветских странах.

В Беларуси измерения по сокращенной шкале Шварца в рамках международного исследования ценностей были проведены в 2011 г. (данные в открытом доступе с 2014 г., но публикаций по теме не было). Студенческая молодежь тогда не выделялась отдельно. Поэтому для репрезентативной выборки собранные в этом исследовании общие данные по теме ценностей должны быть дополнены целевыми данными по студенческой молодежи. В настоящей статье использованы как данные международных исследований по Беларуси, так и результаты наших фокусированных исследований студенческой молодежи Минска, которые взаимно дополняют друг друга. Полученные результаты достаточны для разведывательного определения уровня модернизационных ценностей белорусских студентов, рассматриваемых как динамичная социально-возрастная группа, ориентированная в целом на эффективное включение в модернизирующуюся экономику. Сравнительный анализ ценностей разных групп студенчества позволяет сделать вывод, что оно относится к категории населения, имеющей высокий потенциал инновационных ценностей, хотя в настоящее время этот потенциал раскрыт незначительно. В практическом аспекте изучение ценностей студентов помогает оптимизации путей и способов развития ценностного сознания молодежи, соответствующего целям модернизационного экономического развития Беларуси.

Эмпирическое исследование студенчества проводилось нами в 2016 г. Выборка включала 600 минских студентов разных вузов и специализаций. Методы исследования, кроме количественных (анкетный опрос), включали качественные (экспертные интервью, фокус-группы).

Для сопоставимости полученных данных с результатами международного исследования по Беларуси основные понятия получили интерпретацию, соответствующую теории модернизации Р. Инглхарта, лежащей в основе исследований EVS/WVS.

Согласно данной теории, инновационные ценности в сфере труда включают открытость риску, рациональность, ориентацию на карьеру, ответственность и личную инициативность. Вместе взятые, эти ценности соответствуют высокому уровню модернизации и определяются общим термином «постматериализм», тогда как общество, еще не достигшее высокого уровня модернизации, характеризуется доминированием «традиционности», т. е. ценностей, ориентирующих на приоритет стабильности, несамостоятельности в труде, материального благополучия независимо от личной заинтересованности работника в работе, продвижении и т. п. (Инглхарт 2011). Сопоставление выявленных в исследовании ценностей студенческой молодежи с моделями постматериализма и традиционализма позволило сделать выводы, насколько теоретическая интерпретация перемен в трудовых ценностных ориентациях белорусской молодежи в рамках теории модернизации свидетельствует об инновационном потенциале молодежи и ее возможностях внести вклад в модернизационное развитие экономики страны.

В связи с возможной неопределенностью в понимании смысла модернизационных ценностей и статуса гражданских ценностей в контексте инновационного развития Беларуси были проведены экспертные интервью. По мнению белорусских экспертов, модернизационные ценности могут существовать в рамках национальной традиции и не должны с неизбежностью противоречить друг другу. Иначе говоря, такие категории, как «традиция» и «модернизация», по мнению белорусских экспертов, нельзя трактовать как абсолютные противоположности. Модернизацию можно осуществить в рамках переосмысленной национальной традиции, с учетом своеобразия истории и культуры страны. Следовательно, в процессе модернизации экономики важно сохранять баланс между базовыми национальными ценностями и инновационными, соответствующими современной эпохе.

В теории Инглхарта существенными показателями модернизационности и постматериализма выступают удовлетворенность трудом и степень свободы в принятии управленческих решений. Если оба показателя высокие, можно констатировать рост витальной ценности труда и степени свободы личности в обществе, если низкие — инстру-

ментализацию труда, что характерно для стадии индустриализма. Исследования выявили наличие непрямой зависимости удовлетворенности трудом от материальных факторов: мировая тенденция состоит в том, что социальный капитал, связанный с вовлечением в трудовую сферу, оценивается как более значимый фактор, чем материальное вознаграждение. Так, по данным исследований EVS/WVS в Беларуси, молодежь (респонденты 18–29 лет) поставила ценность работы на вторую по значимости позицию. Эта ценность несколько возросла за постсоветский период: в 1999 г. — 49%, в 2008 г. — 54% (European... 2008; World... 2014).

В отношении студентов аналогичным показателем удовлетворенности трудом может выступать удовлетворенность своим выбором специальности, а также ориентация на будущее трудоустройство по получаемой специальности. Эти критерии были взяты в повторном исследовании студенчества, проведенном в конце 2016 г. Как и прежде, в качестве базы проведения исследования был выбран БГУ — один из вузов Беларуси, имеющий высокий рейтинг среди вузов СНГ. Высокий рейтинг БГУ, особенно его наиболее престижных факультетов (юридического, факультета международных отношений), означает, в частности, что сюда поступают наиболее подготовленные абитуриенты, которые проходят сквозь сито «отбора», которое можно условно назвать конкурентным звеном на начальной стадии вхождения в вуз. В выборке были представлены студенты как социально-гуманитарных факультетов, так и других, чтобы включить все профили обучения. Всего было опрошено около 500 студентов старших курсов, что сопоставимо с первой выборкой.

По полученным новым данным, наиболее значимыми критериями выбора работы на рынке труда были названы следующие (в порядке убывания): интересная работа, возможность профессионального роста, хорошие условия труда, высокая заработная плата. Количество студентов, выбравших первые три критерия, оказалось незначительным, в то же время, вместе взятые, все четыре критерия имеют высокую важность. Однако и белорусская молодежь в целом, и студенчество выше всего ценят материальные аспекты труда (настоящего и будущего) — зарплату, стабильность, хороший коллектив, а не его инновационный творческий характер или карьерное продвижение. Видимо, инновационный потенциал студенчества и молодежи пока развит недостаточно, чтобы стать значимым субъектом модернизации общества.

Судя по результатам исследований Беларуси в рамках международных опросов EVS/WVS, у постсоветского поколения белорусов прослеживается рост индивидуализма, что соответствует мировым тенденциям изменения молодежных ценностей в современную эпоху глобализации и потенциальным возможностям ее активного включения в инновационное развитие экономики (European... 2011; World... 2014). Однако данная возможность не является гарантией того, что молодежный трудовой потенциал не будет направлен в другую сторону: все зависит от наличия у молодых людей адекватных ресурсов для реализации данного потенциала. Когда нынешняя молодежь в будущем займет ключевые позиции, очевидно, она будет проявлять намного больше инновационности и индивидуализма, чем поколение, занимающее ключевые посты сегодня и социализированное в советское время.

Среди мотивов получения высшего образования студенчества, выявленных в прежних исследованиях автора (Титаренко 2016), первое место занял личностный мотив (образование как основа личностного развития — 37%), второе — чисто прагматичный, связанный с массовизацией образования мотив («получить диплом о высшем образовании» — 28%). Самый важный, на наш взгляд, мотив получения высшего образования — получение востребованной в обществе специальности — отметили лишь 18%, т. е. менее пятой части респондентов (выпускников вуза). Вполне возможно, что при поступлении в вуз реальные мотивы молодых людей были несколько иные и что выпускники (при отборе первой позиции) руководствовались социально одобряемым вариантом ответа. Однако остается фактом, что ко времени выхода на рынок труда лишь немногие из молодых специалистов осознают важность полученной профессии, возможности трудоустройства в соответствии с профилем образования. Значит, они не ориентированы на полное раскрытие трудового потенциала, сформированного в вузе, что снижает «отдачу» их учебы.

В исследованиях 2016 г. нами были выявлены не только мотивы получения студентами высшего образования, но и их понимание, каким целям оно служит. Здесь на первый план вышли две материальные цели: 1) образование — это хорошая платформа для построения профессиональной карьеры; 2) образование — это залог успешной жизни. Первую из этих позиций отметили более двух третей опрошенных, вторую — менее 10%. Почти шестая часть опрошенных студентов высказалась негативно о высшем образовании, что представляется нелогичным: ведь получение образования — дело добровольное и не-

обязательное. Видимо, именно такие студенты в вопросе о мотивах поступления в вуз называли формальные мотивы (повышение статуса, получение диплома независимо от профессии, обеспечение материального достатка в будущем). И все же на первом месте у респондентов оказалось желание стать высококвалифицированными специалистами в избранной области. Здесь не указывалось, должна ли быть специальность высоко востребованной в обществе, но в любом случае главенство профессионального мотива среди образовательных мотивов студенчества можно оценить в аспекте развития их модернизационного потенциала только позитивно. Лишь профессионалы своего дела смогут проявлять новаторство в своей деятельности и вносить вклад в модернизационное развитие страны.

Наши эмпирические исследования не были репрезентативными для белорусского студенчества в целом, однако они позволили провести типологизацию студенчества престижного вуза страны по критерию преобладающих ценностей, т. е. по ориентации студентов на модернизационные либо традиционные ценности. На основании полученных данных и выявления доминирующих ценностей респондентов они были разделены на три основные группы: «традиционалисты», «предприниматели» и «исследователи». Это разделение было проведено с использованием кластерного анализа базовых терминальных ценностей, характеризующих наиболее общие и фундаментальные устремления молодых людей. Для «традиционалистов» характерно доминирование коллективистских и семейных ценностей и политический консерватизм. Для «предпринимателей» — материалистичные и индивидуалистские ценности, а также инициативность, открытость новизне и готовность к риску. Для «исследователей» — индивидуалистические и интеллектуальные ценности в профессиональной карьере, а также самостоятельность, готовность к рискам, открытость новизне. К типу традиционалистов можно отнести около 32% студентов (практически одинаково среди юношей и девушек), к типу предпринимателей — 20% юношей и 52% девушек-студенток, к исследователям — более 36% юношей и только 10% девушек. Часть студентов не определилась со своими собственными ценностями и представляет потенциал для воспитательной работы в вузе. В количественном плане при повторном проведении исследования студентов через шесть месяцев на аналогичной выборке подтвердилось только соотношение юношей и девушек среди исследователей и традиционалистов, тогда как среди предпринимателей соотношение полов полностью

нивелировалось. Эти изменения требуют дальнейших исследований, однако важно, что подтвердилось доминирование среди студентов традиционалистов (их оказалось в этот раз чуть менее 50% опрошенных).

Что касается восприятия студенчества как движущей силы инновационного развития Беларуси, менее трети студентов поддержали такое мнение. Почти четверть опрошенных затруднились с ответом, а остальные высказали противоположную позицию. В то же время предпринимателей признает такой силой также лишь треть студенчества. Другими силами инновационного развития были признаны руководители и государственные чиновники (15%), работники науки (13%), творческая интеллигенция (8%). Среди тех, кто признал студенчество одной из главных сил инновационного развития, оказалось большинство «предпринимателей», что логически следовало из их собственного понимания гражданской роли студенчества. Половина «традиционалистов» и «исследователей» высказалась против, т. е. для них социальные роли студенческой молодежи, видимо, не включают в себя действий по инновационному развитию страны, либо они не задумывались об этом. Более глубокое выяснение причин невысокой самооценки студенчества как движущей силы инновационного развития предстоит провести в последующих исследованиях. В целом в социально-экономической и культурно-образовательной сферах жизни около половины респондентов высказали модернизационные взгляды, но лишь небольшая часть студентов высказала модернизационные взгляды в гражданско-политической сфере. Видимо, в этом вопросе и проявляется специфика национального баланса традиционализма и модернизма современного молодого поколения белорусов. Учитывая, что студенты БГУ относятся к числу лучших в Беларуси, можно считать, что полученные данные характеризуют авангард студенчества, тогда как в репрезентативной выборке результаты могут быть ниже.

В целом наши эмпирические исследования подтвердили результаты многих предыдущих исследований, что современная белорусская студенческая молодежь отличается высоким уровнем познавательной мотивации, работоспособностью, активным «поиском себя», а также сочетает качества социальной и интеллектуальной зрелости с коммуникативной и социальной активностью. Это подтверждает, что студенческая молодежь может стать одним из ресурсов модернизационного развития страны. Современное студенчество обладает модернизационным потенциалом, особенно в предпринимательской сфере. Однако использование этого потенциала в реальности зависит во многом

от социально-экономических условий, имеющих место в обществе в конкретный исторический момент времени.

Полученные данные дают основание для разработки практических рекомендаций в воспитательной работе со студенческой молодежью. Вероятно, для развития молодежной активности необходимо предоставлять студенчеству больше самостоятельности, развивать студенческое самоуправление, стимулировать студентов к участию в общественно-политической жизни на разных уровнях.

Источники

- Бабосов Е. М.* Основные социально-политические факторы структурной модернизации экономики Республики Беларусь // Социологический альманах. Вып. 5. Минск: Беларуская навука, 2014. С. 17–28.
- Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. М.: Academia, 1999.
- Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
- Инглхарт Р.* Модернизация, культурные ценности и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое изд-во, 2011.
- Лапин Н. И.* Социоэкономическая и социокультурная модернизация регионов России // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 5–10.
- Магун В. С.* Революция притязаний и изменения жизненных стратегий молодежи. 1985–1995 // Социологический журнал. 1996. № 3–4. С. 29–48.
- Рыжков Н. И. Роль науки и образования в формировании национальной идеи // Социология. 2014. № 2. С. 16–25.
- Титаренко Л. Г.* Ценности труда молодежи в белорусском обществе: потенциал инновационности и традиционности // Социологический альманах. Вып. 7. Минск, 2016. С. 134–145.
- Титаренко Л. Г.* Социальная политика Республики Беларусь в сфере труда и социальной модернизации: проблемы и достижения // Перспективы социологии. Ядовские чтения. Сборник научных докладов конференции, СПб., 14–16 декабря 2015 г. / Под ред. О. Б. Божкова, С. С. Ярошенко, В. Ю. Бочарова. СПб.: Эйдос, 2016. С. 126–135.
- Arnason J. P.* Civilizations in Dispute: Historical Questions and Theoretical Traditions. Leiden; Boston: Brill, 2003.
- EVS. 2008. European Values Study 1981–2008 [Electronic resource]. URL: <http://www.europeanvaluesstudy.eu/> (date of access: 30.12.11).
- WVS. 2014. World Values Survey. Wave 6 (2010–2014) [Electronic resource]. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp> (date of access: 05.01.17).

БЕЛОРУССКИЙ РЫНОК ТРУДА В УСЛОВИЯХ СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ЭКОНОМИКИ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕХАНИЗМОВ ПОДСТРОЙКИ

В статье анализируются механизмы подстройки рынка труда к структурным изменениям экономики. Выявлено, что механизмы количественной подстройки, связанные с сохранением избыточной рабочей силы, ослабляют конкуренцию за рабочие места; механизмы качественной подстройки не обеспечивают реакцию рынка образовательных услуг на структурные изменения экономики; механизмы заработной платы не стимулируют в достаточной мере переход рабочей силы в новые сферы экономики; механизмы институциональной подстройки не способствуют согласованности действия названных механизмов. Для успешной адаптации рынка труда к структурным изменениям экономики необходимы: сокращение неэффективных рабочих мест; социально ответственная реструктуризация (включая опережающее переобучение и современные методы кадровой работы); согласование рынка образовательных услуг и рынка труда; реализация заработной платой функции, стимулирующей работников на производительный и качественный труд; повышение институциональной гибкости рынка труда.

Ключевые слова: рынок труда, механизмы количественной подстройки, механизмы качественной подстройки, механизмы ценовой подстройки, механизмы институциональной подстройки.

Проблемное поле исследования

Рассмотрение рынка труда как социального феномена связано с тем, что в сфере рынка труда не только переплетаются интересы работника и работодателя, но и как в зеркале отражаются все социально-экономические отношения и процессы, происходящие в обществе. Социальные проблемы и тенденции в сферах занятости и безработицы на белорусском рынке труда связаны с переходом от эволюционного к инновационному пути развития, заложенному в программах социально-экономического развития на 2005–2015 гг. и 2016–2020 гг. Эволюционный путь создал условия для устойчивого развития Беларуси, обеспечив необходимую инерцию движения. Вместе с тем эволюционный путь порождает социальные проблемы, связанные с замедленным формированием институтов рыночной инфраструктуры и затрудняющие переход от экстенсивной к интенсивной экономике рыночного типа в русле трансформационных процессов. Тенденции, связанные

с поворотом государственной социальной политики в направлении инновационного развития, внутренне противоречивы. Внешне они положительны, но внутри отягощены грузом социальных проблем навазшихся преобразований.

Так, *позитивная тенденция* улучшения материального благосостояния и социального настроения в обществе основана на проведении курса социально-ориентированной экономики рыночного типа. Государственный выбор республики в пользу социально-ориентированной экономики характеризуется позитивными тенденциями в социальном настроении практически всех групп общества. Однако эти тенденции сопровождаются рядом социальных проблем, главная из которых — проблема баланса социального и экономического компонентов, так как издержки, сопровождающие внедрение неэкономических ценностей, предполагают потерю экономической эффективности производства. В экономической практике поднятие денежных доходов бедных слоев населения до уровня бюджета прожиточного минимума и создание определенных гарантий для социально уязвимых слоев населения связывается, с одной стороны, с темпами повышения ВВП и, соответственно, — повышением заработной платы. С другой стороны, это связано с перераспределением денежных доходов между обеспеченными и бедными слоями населения в пользу последних. Социальным следствием этих в целом позитивных процессов является: снижение трудовой мотивации в силу выравнивания оплаты труда разной природы и разного уровня квалификации, а также смещение профиля экономической стратификации общества в сторону малооплачиваемых слоев населения.

Позитивная тенденция наблюдается в отраслевой структуре занятости в процессе перераспределения рабочей силы по отраслям производства; это касается прежде всего перетока работников из производственной в непроизводственную сферу. Однако это движение лишь отчасти свидетельствует об увеличении доли умственного труда по сравнению с физическим, что является основным показателем научно-технического и социального прогресса. В основном оно связано с возрастанием доли рутинного труда, не касающегося расширения НТП. Несмотря на рост занятости в непроизводственной сфере в целом, темпы прироста здесь не превышают 1% в год. Причины этому можно назвать следующие. Во-первых, наблюдается сокращение расходов государственного бюджета на развитие социальной сферы экономики; многие предприятия не имеют средств для финансирования

социальной инфраструктуры. Во-вторых, приватизация ряда предприятий сферы услуг в условиях невысокой платежеспособности населения зачастую ведет не к росту, а к сокращению числа рабочих мест. В-третьих, приток работников в эту сферу сдерживается более низким, по сравнению с производственными отраслями, уровнем оплаты труда и низким уровнем социальных гарантий, связанных с условиями труда.

Имеет место *позитивная тенденция*, проявляющаяся в снижении уровня регистрируемой безработицы. Однако эта позитивная тенденция может смениться негативной тенденцией роста как общей, так и структурной безработицы. Санация экономики, направленная на снижение доли убыточных предприятий, неизбежно вызовет рост общей безработицы, а модернизация производства — возникновение и рост структурной безработицы, следовательно, снижение уровня жизни временно высвобожденного населения. Приоритетное развитие производств, в которых страна имеет конкурентные преимущества, не может не сопровождаться свертыванием других, неэффективных производств, что чревато возникновением структурной безработицы. В конечном счете структурная безработица повышает эффективность производства, способствует улучшению качества рабочей силы за счет возникновения спроса на новые профессии, стимулирует развитие профессионального образования. Но ее социальные последствия необходимо предвидеть и просчитывать, в частности, с помощью такого инструментария, как социологическая экспертиза экономических преобразований.

Позитивная тенденция проявляется и в уменьшении структурных диспропорций между спросом и предложением рабочей силы, несоответствие наблюдается лишь в количественном отношении (в республике — в 2 раза больше, а в Минске — в 6 раз больше вакансий, чем безработных). В качественном аспекте структура спроса на рабочую силу существенно не изменилась. Рынок труда по-прежнему ориентирован на рабочие профессии, которые составляют до 70% от общего числа вакансий. И такая ситуация остается устойчивой в течение ряда лет.

Проблемы обеспечения баланса спроса и предложения рабочей силы на рынке труда

В белорусской экономике к факторам, снижающим экономическую эффективность занятости, относятся: наличие избыточной численности персонала на предприятиях, что сопровождается снижением производительности труда; сохранение структурных диспропорций

между спросом и предложением рабочей силы по профессионально-квалификационному составу; сохранение низкой конкурентоспособности лиц, особо нуждающихся в социальной защите. Но эти же факторы прямо или косвенно, в кратко- и среднесрочной перспективе способствуют повышению социальной эффективности занятости, потому что спасают работников от увольнения и состояния безработицы. По существу, мы имеем конфликт между необходимостью достичь экономической эффективности занятости и не допустить при этом снижения ее социальной эффективности. Поэтому возникает необходимость поиска таких способов повышения экономической эффективности занятости, которые были бы не в ущерб ее социальной эффективности (Рынок труда... 2014: 254–267).

Отметим, что под экономически эффективной занятостью мы понимаем деятельность, на результаты которой есть платежеспособный спрос в обществе и доход от которой позволяет занятому населению успешно воспроизводить свой человеческий капитал. Социально эффективная занятость рассматривается нами как деятельность, которая способствует удовлетворению социальных и духовных потребностей людей, гарантирует высокий уровень и качество жизни.

Проблемы несбалансированности спроса и предложения рабочей силы на белорусском рынке труда вызываются целым рядом факторов, связанных со снижением как экономически, так и социально эффективной занятости. Так, территориальная неравномерность размещения трудовых ресурсов и их низкая мобильность выступают основными факторами трудоизбыточности в одних регионах и дефицита кадров в других, а также дисбаланса профессионально-квалификационной структуры локальных рынков труда. Так, более 37% трудовых ресурсов приходится на центральную часть страны — г. Минск и Минскую область, в то время как, например, в Гродненской области — 10,6%, Могилевской — 11%. Более 2/3 трудовых ресурсов (82,6%) сосредоточены в городской местности. Одним из направлений решения данной проблемы является разработка и применение эффективных мер по стимулированию трудовой мобильности граждан (Государственная программа... 2014: 7).

Наблюдается дисбаланс спроса и предложения рабочей силы по профессионально-квалификационному составу, причинами которого являются недостаточная согласованность рынка образовательных услуг и рынка труда. Структура профессионального образования в настоящее время смещена в пользу высшей школы. Снижается охват

молодежи профессионально-техническим образованием, растет охват высшим образованием, в то время как рынок труда ориентирован на рабочие профессии, которые составляют около 70% от общего числа заявленных нанимателями вакансий (Там же: 10).

Имеется наличие избыточной численности работников на ряде предприятий, что ведет к снижению производительности труда. Так, вынужденная неполная занятость в 2013 г. составила 5,7% от списочной численности работников. При этом в промышленности в режиме вынужденной неполной занятости работали 16,5% от списочной численности работников; в строительстве 11,4% от списочной численности (Там же: 10).

Имеет место низкое качество рабочей силы, что приводит к недостатку квалифицированных кадров при избытке рабочей силы на рынке труда. Ситуация отягощается отсутствием у нанимателей заинтересованности в повышении профессионального уровня работников. Так, профессиональное обучение в 2013 г. прошли 10,8% работников, в то время как в 2010 г. — 13,4% от общей численности работников (Там же: 11).

Наблюдается низкая конкурентоспособность отдельных категорий граждан (молодежи в возрасте 16–29 лет, инвалидов, женщин, имеющих малолетних детей, и др.), которые составляют 1/4 часть состоящих на учете безработных. Проблема конкурентоспособности обостряется отсутствием мотивации к труду, а также снижением престижа рабочих профессий у молодежи, одной из причин которого является недостаточно развитая система профессиональной ориентации (Там же: 11).

Вместе с тем за период 2000–2014 гг. в сфере рынка труда проявился ряд новых тенденций: увеличение спроса на труд информационного типа и на работников сферы обслуживания; формирование растущей потребности в работниках по так называемым актуальным рыночным профессиям; рост спроса на работников ряда традиционных профессий, но способных выполнять работу на качественно ином уровне под влиянием более высоких требований работодателей; снижение спроса на неквалифицированную рабочую силу. Наблюдается значительное снижение потребности в работниках индустриального типа (специалистов и рабочих), но, не будучи подкрепленным технологическими изменениями и ростом производительности труда, оно свидетельствует скорее о размывании индустриального типа занятости, чем о реальном становлении ее нового типа. Решение данных проблем требует

государственного вмешательства и регулирования отношений между сферой образования и рынком труда.

В ближайшие годы в Республике Беларусь предстоит решить задачу по поддержанию устойчивого экономического роста в условиях сокращения населения в трудоспособном возрасте, что сможет обусловить нарастание дефицита рабочей силы на рынке труда, усиление имеющихся структурных диспропорций и в конечном счете выступить барьером, сдерживающим инновации. В этой связи необходимо принятие действенных мер по повышению эффективности использования имеющихся трудовых ресурсов Республики.

Механизмы подстройки рынка труда к изменяющимся социально-экономическим условиям

Основные векторы структурных изменений экономики обусловлены переходом к новым технологическим укладам, изменением соотношения в сферах рыночных и нерыночных услуг, диверсификацией различных форм хозяйствования. Экономистами выделяются два вида реструктуризации экономики: защитная, связанная с различными формами государственной поддержки нерентабельных предприятий, и селекционная, связанная с системной реструктуризацией с помощью банкротства и ликвидации нерентабельных производств. Соответственно, механизмы адаптации рынка труда к структурным изменениям, способствующие решению различных аспектов проблемы баланса, многообразны и включают *количественную, качественную, ценовую и институциональную* подстройки. Количественная подстройка означает изменение объемов используемых трудовых ресурсов, которые могут быть измерены через численность работников или ресурсы рабочего времени. Качественная подстройка отражает функциональную и профессиональную мобильность рабочей силы, т. е. реакцию рынка образовательных услуг на структурные изменения экономики. Ценовая подстройка предполагает дифференциацию заработной платы в разрезе отраслей (видов экономической деятельности). Это обеспечивает перелив рабочей силы между секторами экономики и обуславливает изменение ее структуры. Институциональная подстройка предполагает оптимизацию сравнительных издержек, которые сопровождаются названными механизмами адаптации. Элементами институциональной подстройки рынка труда являются: ставка минимальной заработной платы; индексация заработной платы; бюджет прожиточного

минимума (БПМ), минимальный потребительский бюджет (МПБ)¹ и др. (Капелюшников 2001: 29–156; Ванкевич 2013: 41–56).

Механизмы количественной подстройки белорусского рынка труда связаны с сохранением избыточной рабочей силы, с использованием инструментов, обеспечивающих стабильность занятости. Это вторичная занятость, различные формы гибкой занятости, занятость в условиях трудового контракта и другие, которые изучаются в ходе социологических опросов. В целом занятость в Беларуси характеризуется традиционностью форм. Так, почти 90% работников трудятся по найму и примерно столько же работают полный рабочий день / неделю. Несмотря на преобладание контрактной формы найма (по трудовым контрактам работают 2/3 респондентов), занятость у одного работодателя нередко приобретает постоянный характер (табл. 1).

Таблица 1

Формы найма мужчин и женщин (% ответивших)

Показатель	Мужчины	Женщины	Итого
Работают по найму	82,8	89,4	86,0
Работают самостоятельно (самозанятость)	10,2	3,8	6,9
Являются работодателем, учредителем, акционером	4,2	4,2	4,4
Другое	2,8	2,6	2,7
Итого	100,0	100,0	100,0

Источник: Данные социологического исследования, 2016.

Примечание: В социологическом исследовании, проведенном в ноябре 2016 г., выборочная совокупность составила 2100 чел. Предельная ошибка выборки по оценочным показателям, гарантированная с 95%-ной вероятностью, составила $\pm 2\%$. С учетом данной погрешности выводы исследования можно экстраполировать на генеральную совокупность, т. е. занятое население Республики.

¹ Минимальный потребительский бюджет (МПБ) — основной социальный норматив, представляющий стоимость набора материальных благ и услуг, необходимых для удовлетворения минимальных физиологических и социальных потребностей человека. МПБ в 2015 г. — 2417,0 тыс. руб.; бюджет прожиточного минимума (БПМ) — 1538,0 тыс. руб.

Отметим, что руководство белорусских предприятий и организаций, по данным опроса работающего населения, практически не прибегает к сокращению штата работников, а использует такие ценовые стратегии поддержания стабильной занятости, как снижение или несвоевременность оплаты труда, вынужденные социальные отпуска, сокращение рабочего времени. Однако такие меры не являются повсеместными и затрагивают относительно небольшую (примерно 15 %) долю работающих белорусов (Таранова 2014: 121–127).

Оценки размера избыточной численности работников различны в зависимости от того, что сюда включают (неполную вынужденную занятость, трудовое измерение произведенной, но невостребованной и неконкурентной продукции, потенциал избытка на основе пересмотра норм труда и трудоемкости производственной программы и др.). Поддержание избыточной численности работников обусловлено институциональной средой, так как целесообразность ее сокращения определяется разницей между издержками ее сохранения и затратами при высвобождении. Неполная вынужденная занятость обходится дешевле, а для безусловного выполнения плановых заданий по росту объема производства сохранение избыточной численности работников на микроуровне в краткосрочном периоде выгоднее.

Но применительно к макроуровню (в условиях усиления глобальной конкуренции), особенно в среднесрочном и долгосрочном периодах, такая адаптация необходимого результата не дает. На отдельных государственных предприятиях сохраняется значительное количество неэффективных с экономической точки зрения рабочих мест (с низкой производительностью труда и низким уровнем заработной платы). Их сохранение защищает работников от высвобождений, но снижает экономическую эффективность занятости и тормозит структурные преобразования в экономике. Кроме того, неполная занятость является основанием для поиска дополнительных работ. Доля респондентов, имеющих дополнительную работу, включая случайные приработки и заработки, достигает 1/4 от всех респондентов, ответивших на данный вопрос; и с 2012 по 2016 г. эта тенденция почти не меняется (табл. 2).

В качестве главной причины, побуждающей работников иметь вторичную занятость, назван низкий уровень оплаты труда на основной работе (до 80% респондентов); вторая по значимости причина — относительно высокий уровень заработков на дополнительной работе. Считается, что наличие вторичной занятости ухудшает отношение работников

к труду, так как уменьшает их интерес к основной работе и снижает эффективность трудовой деятельности. Вместе с тем признается, что вторичная занятость является способом адаптации людей к условиям структурных изменений в экономике. Распространенность вторичной занятости среди разных социально-демографических групп дана в табл. 3.

Таблица 2

Распространенность вторичной (дополнительной) занятости
(% ответивших)

Формы дополнительной занятости	2012 г.	2014 г.	2016 г.
Регулярная дополнительная работа по основному месту работы	3,0	4,0	3,4
Регулярная дополнительная работа в другом месте	4,9	4,1	5,3
Случайные приработки, заработки	16,3	14,5	16,5
Не было дополнительной занятости	75,8	77,4	74,8
Итого	100,0	100,0	100,0

Источник: Данные социологических исследований, 2012, 2014, 2016.

Таблица 3

Распространенность дополнительной занятости среди разных социально-демографических групп занятых (% ответивших)

Показатель	Доля респондентов, у которых за последние 2–3 месяца, предшествующих опросу:			
	была постоянная дополнительная работа	были случайные дополнительные заработки	не было дополнительной занятости	Итого
В среднем по выборке	8,8	16,7	74,5	100,0
<i>Гендерные группы</i>				
Мужчины	9,4	21,7	68,9	100,0
Женщины	8,2	11,7	80,2	100,0
<i>Возрастные группы</i>				
До 30 лет	13,8	20,3	65,9	100,0
От 31 до 40 лет	8,1	20,6	71,3	100,0
От 41 до 50 лет	6,6	16,0	77,4	100,0
51 год и старше	6,7	10,2	83,1	100,0

Источник: Данные социологического исследования, 2016.

Характеризуя механизмы количественной адаптации белорусского рынка труда, нельзя не сказать об особенностях безработицы, которая является важным макро- и микроэкономическим индикатором, позволяющим принимать эффективные решения. Обратим внимание на то, что государственной статистикой учитываются в общем объеме трудовых ресурсов 4,6% потенциальных работников (не включенных в производственную деятельность). Среди них наиболее значима по своему удельному весу группа лиц, не имеющих работы, но активно ее ищущих и готовых приступить к ней. По республике в целом она составляет 3,5% от трудовых ресурсов (212 тыс. чел.) (Трудовые ресурсы... 2016: 6–7).

На микроуровне существование (в социально допустимых пределах) реальной безработицы является мощным мотиватором к труду, стимулирует конкуренцию за рабочие места и стремление к повышению индивидуальной конкурентоспособности (корректирует трудовое поведение, способствует непрерывному профессиональному образованию). Между тем субъективные оценки вероятности потери работы показывают, что более 2/3 занятых белорусов считают, что им не грозит потеря работы (табл. 4).

Таблица 4

Оценки вероятности потери работы (% ответивших)

Варианты ответов на вопрос: «Существует ли лично для вас угроза потери работы?»	2012 г.	2014 г.	2016 г.
Да	4,0	5,2	8,3
Скорее да	7,1	8,9	8,9
Скорее нет	36,0	32,4	32,8
Нет	34,4	36,2	36,0
Затрудняюсь оценить	18,5	17,3	14,0
Итого	100,0	100,0	100,0

Источник: Данные социологических исследований, 2012, 2014, 2016.

Сформированное при помощи реальной безработицы ощущение ценности рабочего места и ценности образования является главным звеном в системе мотивации и способствует росту производительности и качества труда на предприятиях. Однако социальные обязательства государства по обеспечению максимального трудоустройства и минимальной безработицы ослабляют такие мощные сигналы. Это

формирует завышенный спрос на труд со стороны государства, который поддерживается законодательством о защите занятости и означает фактическое отсутствие количественной подстройки в средние и долгосрочном периодах.

Механизмы качественной подстройки выявляются в расширении рынка образовательных услуг, в первую очередь, расширении сферы высшего образования, связанного с формированием отраслей пятого технологического уклада. По данным статистики Республики Беларусь, охват молодежи высшим образованием постоянно возрастает: в 2005/2006 гг. он составлял 47,9%, а в 2014/2015 гг. — 72,8% к численности населения в возрасте 17–21 год (Образование... 2016: 143).

В этой связи в республике все активнее поднимается вопрос о переизбытке специалистов с высшим образованием. Казалось бы, выпускники вузов должны сталкиваться с ростом безработицы; однако в реальности этого не происходит. По данным государственной статистики, уровень занятости среди лиц с высшим образованием выше, а уровень безработицы ниже, чем в других группах (табл. 5).

Таблица 5

Структура безработных по уровню образования в регионах
Республики Беларусь, 2016 г.

В среднем за год	Брестская	Витебская	Гомельская	Гродненская	Минская	Могилевская	Минск	Республика Беларусь
Уровень зарегистрированной безработицы, % к численности экономически активного населения	0,9	0,7	0,7	0,6	0,4	0,6	0,2	0,5
Структура безработных по уровню образования, %								
Высшее	9,1	8,4	8,6	10,1	6,4	9,0	24,7	10,3
Среднее специальное	40,9	35,4	40,0	37,7	38,4	45,0	32,8	38,6
Общее среднее	42,4	35,2	39,8	44,2	44,1	36,9	32,5	39,6
Общее базовое	7,6	21,0	11,6	8,0	11,1	9,1	10,0	11,5
Итого:	100	100	100	100	100	100	100	100

Источник: Статистический ежегодник... 2016: 108, 110.

Объяснением данного явления может служить тот факт, что, по данным опроса 2016 г., имеет место относительно высокий уровень занятости не по специальности, полученной в учебном заведении (около 30% занятого населения). Очевидно, что этот разрыв заложен в целевой структуре отношения к высшему образованию как средству получения диплома, связанному с расширением возможностей трудоустройства.

Анализ количества и структуры свободных рабочих мест и вакансий в Республике Беларусь показал, что в течение 1991–2016 гг. более 70% вакансий были предназначены для рабочих; порядка половины этих вакансий формируют промышленность и сельское хозяйство, т. е. традиционный сектор экономики. Получается, что расширение сферы высшего образования в направлении традиционных профессий происходит независимо от состояния экономики, которая не генерирует спрос на возросшие объемы подготовки специалистов по этим профессиям. Рассогласование профессионально-отраслевого взаимодействия на белорусском рынке труда обнаруживает проблему консервативности рынка образовательных услуг, что сдерживает формирование поля стимулов, связанных с мотивами достижения, признания и продвижения, возможностями творческого роста. Вопросы, растет ли при этом в экономике спрос на высококвалифицированную рабочую силу, какие рабочие места создаются в процессе реструктуризации белорусской экономики, пока остаются открытыми.

Механизмы ценовой подстройки рынка труда к структурным изменениям в экономике предполагают дифференциацию заработной платы в разрезе отраслей (видов деятельности), что обеспечивает перелив рабочей силы между секторами экономики и обуславливает изменение структуры занятости. Основным механизмом, регулирующим структуру занятости, способствующим или препятствующим межотраслевым перемещениям рабочей силы, выступает заработная плата. Смысл заработной платы как механизма отраслевых перемещений состоит в том, чтобы заинтересовать работников в таких трудовых перемещениях, которые соответствуют прогрессивным тенденциям отраслевой структуры занятости. При этом наиболее приоритетные отрасли должны финансироваться в большей мере, чем отрасли меньшей значимости. Отраслевые и региональные коэффициенты заработной платы должны подчиняться главной цели — желаемой мобильности кадров. Однако действие механизма отраслевых перемещений стимулируется в этом плане со знаком минус. Так, заработная плата

в таких отраслях, как здравоохранение, образование, культура, искусство, намного ниже, чем в среднем в экономике республики.

Особенностью адаптации белорусского рынка труда является жесткая ценовая подстройка на макроуровне в сочетании с гибкой на микроуровне за счет отсутствия долгосрочной количественной подстройки. В совокупности со слабой конкуренцией за рабочие места это не создает достаточных сигналов для обогащения поля стимулов, способствующих мотивации работников к качественному и производительному труду. В экономическом контексте заработная плата является центральным инструментом действия законов спроса и предложения на рынке труда. В контексте социальной политики заработная плата должна мотивировать экономическое поведение индивида как перебор экономических альтернатив с целью рационального выбора, через реализацию воспроизводственной, стимулирующей, регулирующей и социальной функций (Соколова 2007: 309–317).

Воспроизводственная функция призвана обеспечивать удовлетворение сложившегося в обществе уровня физических и духовных потребностей работников. Показателем успешной реализации воспроизводственной функции может служить превышение среднедушевого денежного дохода над минимальным потребительским бюджетом (в расчете на душу населения в месяц). По данным статистики, успешность реализации воспроизводственной функции заработной платы повышается начиная с 2005 г. В 2015 г., по сравнению с 2005 г., доля населения с уровнем располагаемых ресурсов ниже МПБ уменьшилась в 2,4 раза, в том числе доля населения с уровнем располагаемых ресурсов ниже БПМ уменьшилась в 2,5 раза, составив, соответственно, 18,2 и 5,1% от всего населения (Статистический ежегодник... 2016: 116).

Реализация воспроизводственной функции заработной платы связана со структурой денежных доходов домашних хозяйств. Если доля заработной платы (по основному месту работы) увеличивается в структуре денежных доходов населения, то возрастает и мотивация к основной работе. Если же доля заработной платы (по основному месту работы) уменьшается в структуре денежных доходов населения, то снижается мотивация людей к основной работе и повышается мотивация к разного рода подработкам, именуемым «вторичной занятостью».

Стимулирующая функция заработной платы предусматривает зависимость заработной платы от индивидуальных и коллективных результатов труда. В более широком смысле заработная плата должна стимулировать перелив рабочей силы из производственных в непро-

изводственные сферы экономики, из традиционных в инновационные сферы хозяйственной деятельности. Реализация стимулирующей функции заработной платы выступает важнейшим механизмом повышения производительности труда, формирования инновационных сфер деятельности и межотраслевых перемещений в русле научно-технического прогресса. Однако действие механизма отраслевых перемещений заблокировано тем, что эти перемещения стимулируются со знаком минус. Так, заработная плата работников непроизводственной сферы намного ниже средней в экономике республики. Внутри непроизводственной сферы заработная плата в сфере управления выше, чем в сфере науки и образования, тогда как в экономически развитых странах все происходит наоборот. В результате подобного «стимулирования» темпы прогрессивных отраслевых перемещений низки и имеют тенденцию к замедлению.

Регулирующая функция заработной платы проявляется в том, что она выступает механизмом формирования спроса на продукцию и услуги конечного потребления, а также на труд. Само по себе повышение номинальной заработной платы сопровождается ростом цен на потребительские товары, что не позволяет повысить покупательную способность заработной платы и, соответственно, реализовать в полной мере ее регулируемую функцию. Для современного этапа характерен низкий уровень средней заработной платы и отсутствие стабильности в росте ее реальной величины. Об относительно низком уровне номинальной среднемесячной заработной платы свидетельствует и ее соотношение с МПБ (3,1) и БПМ (5,0), характеризующими стоимость жизни (Статистический ежегодник... 2016: 119, 125).

Социальная функция заработной платы нацелена на обеспечение социально справедливой дифференциации оплаты труда и, соответственно, избегание значительной социально-экономической дифференциации общества. Реализация социальной функции заработной платы является одним из основных механизмов социально ориентированной рыночной экономики в Республике Беларусь, согласно которой конечной целью развития должен выступать не сам по себе экономический рост, темпы и размеры накопления, а человек, обеспечение его материальных и духовных потребностей. Особое внимание при этом уделяется государственному регулированию оплаты труда; именно заработная плата становится одним из ведущих факторов повышения эффективности производства и основой роста уровня жизни населения.

Анализ функций, через реализацию которых заработная плата влияет на материальное положение и ценностные ориентации индивидов, позволяет заключить, что в условиях структурных изменений в экономике заработная плата как бы «выходит» из рамок собственно условий труда и становится одним из главных мотивирующих факторов экономического поведения индивидов. Само же экономическое поведение индивидов, в силу несоответствия низкой оплаты труда и высокой стоимости жизни, приобретает вынужденный характер и определяется по критериям количества и качества дополнительных работ и подработок. Очевидно, данное положение вещей сохранится до тех пор, пока оплата труда не придет в соответствие со стоимостью жизни, и у людей не сформируется личное представление о хорошей работе, связанное прежде всего с ее содержательными аспектами, при наличии достойной оплаты.

Механизмы институциональной подстройки обеспечивают оптимизацию сравнительных издержек, вызванных действием количественного, качественного и ценового механизмов в ходе реструктуризации экономики. Амортизируя риск высокой безработицы и высвобождений, институциональная среда способствует замедлению структурных преобразований белорусской экономики, препятствует перераспределению рабочей силы по критерию *экономической* эффективности занятости. Сочетание высокой гибкости основных элементов рынка труда и низких темпов структурных преобразований экономики объясняется особенностями институционального строения белорусского рынка труда и механизмами его институциональной подстройки.

Несмотря на то что созданный институциональный каркас белорусского рынка труда соответствует международным стандартам и рекомендациям МОТ, в нем присутствуют основные участники и правила (органы по труду, занятости и социальной защите, профсоюзы, объединения нанимателей и др.), именно механизм институциональной подстройки белорусского рынка труда создает возможность его ослабленного стимула к реструктуризации экономики. Такие элементы институциональной настройки белорусского рынка труда, как индексация заработной платы (административный контроль за ее динамикой), высокий уровень налогообложения фонда оплаты труда, жесткая регламентация процедур найма и увольнения, наличие неявных социальных контрактов (недозанятость — недооплата — вторичная и неформальная занятость — теневая оплата), слабый инфорсмент трудовых отношений на негосударственных предприятиях и у пред-

принимателей, амортизируют скорость и глубину процессов реструктуризации (Ванкевич 2013: 53–54).

В краткосрочном периоде это может быть оправдано, но в долгосрочной перспективе необходимо внести коррективы в систему мер государственной политики занятости и ее институциональное сопровождение, поскольку условия глобальной конкуренции не позволят сохранять такой тип равновесия рынка труда. Миграция трудовых ресурсов (прежде всего в Россию) и снижение конкурентоспособности белорусских производителей на внешних рынках обуславливают необходимость реальной реструктуризации рынка труда, модернизации производств, что сопряжено с внедрением новых трудосберегающих технологий и повышением требований к качеству рабочей силы.

Выводы

Особенности подстройки белорусского рынка труда к структурным изменениям экономики состоят в следующем: доминирует краткосрочная количественная подстройка, что ослабляет конкуренцию за рабочие места; в механизме качественной подстройки присутствует формальный сигнал, что способствует накоплению избытка образования, не подкрепленного соответствующими рабочими местами в экономике; механизм заработной платы не способствует переходу рабочей силы в новые сферы экономики; гибкость ресурсов рабочего времени сочетается с институциональной жесткостью и означает перенос издержек приспособления на микроуровень, что препятствует процессам реструктуризации и модернизации производств на предприятиях. Это влияет на скорость и результаты структурных преобразований в экономике, обеспечивает социальную эффективность занятости, но снижает ее экономическую эффективность. Меры по регулированию рынка труда при осуществлении структурных преобразований (снижение уровня безработицы за счет сохранения коллективов, увеличение ресурсов рабочего времени, финансовая помощь государства и пр.) в реальности препятствуют этим преобразованиям.

Для того чтобы рынок труда стимулировал структурные преобразования в экономике, связанные с повышением экономической эффективности занятости, без ущерба для ее социальной эффективности, необходимо перейти к долгосрочной количественной и качественной подстройкам, поддержав их соответствующими институтами. Основными векторами усилий должны стать: повышение эффективности

использования рабочей силы на микроуровне; согласование рынка образовательных услуг и рынка труда; диверсификация инфраструктуры рынка труда, повышение его институциональной гибкости.

Основными векторами усилий в создании поля стимулов, мотивирующих работников к повышению производительности труда, конкурентоспособности, непрерывному профессиональному образованию, должны стать: дифференциация заработной платы с учетом индивидуальных и профессиональных достижений работников (образование, квалификация, обладание разносторонними техническими и научными знаниями); введение непрерывного профессионального обучения и опережающего обучения работников, находящихся под риском увольнения; расширение использования гибких форм занятости, особенно для лиц, имеющих ограниченную конкурентоспособность на рынке труда; содействие профессиональной мобильности рабочей силы.

Ключевая роль по обеспечению активизации механизмов количественной, ценовой и качественной подстройки принадлежит механизмам институционального типа адаптации. Они включают в себя повышение гибкости рынка труда за счет принятия нормативных документов, регулирующих формы высвобождения и современные формы занятости, содействие профессиональной мобильности рабочей силы. Принимая современные вызовы и пытаясь сохранить социальную ориентацию экономики, белорусскому рынку труда предстоит повысить свои адаптационные способности, изменив их направление.

Источники

- Ванкевич Е. В.* Структурные изменения экономики и рынок труда: эффективность элементов подстройки // Белорусский экономический журнал. 2013. № 3. С. 41–56.
- Государственная программа содействия занятости населения Республики Беларусь на 2014 год. 30 с. Постановление Совета министров Республики Беларусь 31.01.2014. № 93. Нац. прав. Интернет-портал Респ. Беларусь, 08.02.2014, 5/38396.
- Капелюшников Р. И.* Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации. М.: ГУ ВШЭ, 2001.
- Образование в Республике Беларусь, 2016: стат. сб. Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2016.
- Рынок труда Республики Беларусь в социологическом измерении / Г. Н. Соколова [и др.]; науч. ред. Г. Н. Соколова. — Минск: Беларуская навука, 2014.

Соколова Г. Н. Мотивация и стимулирование рынка труда в контексте мотивационно-гигиенической теории Ф. Херцберга // Экономическая психология в России и Беларуси: сб. науч. работ / Под ред. А.Л. Журавлева и В.А. Поликарпова. Минск: Экономпресс, 2007. С. 298–317.

Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2016: стат. сб. Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2016.

Таранова Е. В. Стабильность занятости населения Беларуси: социологический анализ // Иппокрена. 2014. № 2 (23). С. 121–127.

Трудовые ресурсы и занятость населения Республики Беларусь: стат. бюллетень. Минск: Нац. стат. ком. Республики Беларусь, 2016.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Муниципальные органы власти являются важнейшим институтом российской управленческой системы. Государство осуществляет контроль экономической и социальной сферы общества на низовом уровне именно через эти органы. Личность и профессиональная компетенция их руководителей становятся одними из основных факторов поддержания и сохранения социума, а в некоторых случаях его развития. Изучение профессиональных компетенций проводилось на основе выделения трех критериев компетенции: личностного, когнитивного и организационного в рамках анализа повседневных практик профессиональной деятельности руководителей сельских муниципальных служб.

Ключевые слова: муниципальные органы власти, компетентностный подход, профессиональные компетенции, повседневные практики.

Проблемы современного положения местных органов власти

Проблемы местного самоуправления все больше интересуют социальных исследователей. В значительной степени это связано с тем, что многочисленные реформы, постоянно меняющееся законодательство так и не сделали местные органы власти самостоятельным агентом управления территорией при постоянной декларации необходимости такой самостоятельности. Не созданы условия финансового самообеспечения территориальных административных органов, необходимые для выполнения ими законодательно закрепленных функций. Значительная доля муниципалитетов не генерирует бюджетных доходов и вынуждена жить за счет межбюджетных трансфертов вышестоящих уровней. В ситуации острого бюджетного дефицита речь идет о полной зависимости низовых органов власти от руководства районов и областей: они не свободны в выборе приоритетов развития, именно вышестоящие структуры определяют размеры бюджетных статей для реализации мероприятий инфраструктурного и социального характера. Создание бизнес-среды на территории также осуществляется исключительно при поддержке районного руководства. В результате органы местного самоуправления стали почти беспомощными дополнениями областных и районных органов власти. Большинство их полномочий разрешительного и контрольного характера по факту перешло в ведение районов, чьи финансовые и административные возможности значительно шире.

В сложившихся условиях изучение повседневных рабочих практик администраций муниципалитетов становится особенно актуальным. На фоне отсутствия рычагов управления территорией местные власти вынуждены выполнять те функции, которые требуют минимального финансового сопровождения и максимального личного участия, включенности самих администраторов. Возрастает роль их руководителей в организации работы администраций, осуществлении формального и неформального взаимодействия с вышестоящими инстанциями. Личность и профессиональная компетенция руководителей становятся одними из основных факторов поддержания сельского социума, его сохранения и развития (последнее встречается крайне редко). Возможность изучения таких компетенций обусловлена признанием на уровне Федерального Закона («Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» № 131 от 6 октября 2003 г.) муниципальной службы как профессиональной деятельности на постоянной основе в органах местного самоуправления по исполнению их полномочий. Этим же законом определена правовая (нормативная) регламентация муниципальной службы, включая требования к должностям. Так что правовая основа муниципальной службы создана, хотя можно согласиться с рядом авторов, считающих, что профессия эта новая и находится в стадии становления (Бажин 2013; Фомин, Байдалова 2012).

Компетентностный подход и понятие компетенции

Любая профессия требует особых знаний, навыков, правил поведения. Понятие компетенции используется в качестве характеристики индивидуального соответствия специалиста требованиям профессии. Оксфордский словарь английского языка раскрывает это понятие (competence, англ.) как способность сделать что-то успешно или эффективно (Hornby 2005). Словарь русского языка Д. Н. Ушакова дает следующее определение слова «компетенция»: круг вопросов, явлений, в которых данное лицо обладает авторитетностью, познанием, опытом (Толковый словарь 2000). Наиболее полно компетентностный подход применяется в рамках психологии труда и менеджмента (Овчинников 2014). Профессиональная компетенция подразумевает наличие у индивида достаточного уровня знаний, умений, способностей, квалификации в соответствующей области, подкрепленного дипломами или опытом работы (Boyatzis 2008). При этом должна присутствовать

готовность и возможность актуализировать все вышеперечисленное в реальной профессиональной ситуации. Индивида можно считать компетентным, когда потенциальная компетенция реализуется в действии, для этого важно понимание им успешности, полезности своей профессиональной деятельности. Впервые изучение компетенций для прогнозирования уровня эффективности выполнения работы было предложено американским психологом Д. МакКлелландом, который в 1973 г. опубликовал статью «Измерение компетентности вместо измерения интеллекта» (McClelland 1973). В рамках функционального подхода важным элементом компетенции является способность действовать в соответствии с профессиональными, должностными стандартами или закрепленными функциями (Winterton, Delamare Le Deist, Stringfellow 2006). Личностный подход исходит из персональных характеристик индивида, которые позволяют успешно выполнять свои функции (Chivers, Cheetham 1996).

Психология в данной области в значительной мере ориентирована на тестовые проверки компетенций индивидов по множеству параметров и не отвечает на вопрос, как формируется такая компетенция, как она проявляется на уровне повседневных практик. Социологический подход к вопросу профессиональных компетенций в первую очередь связан с исследованиями Л.М. Спенсера. Компетенция понимается им как характеристика личности индивида, которая и предопределяет возможность успешного решения рабочих задач, выполнения рабочих функций. Знания, умения, навыки относятся к поверхностным компетенциям, а психофизиологические характеристики, способности и мотивы — к глубинным (Спенсер, Спенсер 2005). «Компетенция — это базовая характеристика индивида, которая причинно связана с критериями эффективного и / или успешного действия в профессиональных или жизненных ситуациях. “Базовая характеристика” подразумевает, что компетенция — это глубокая и устойчивая часть личности, по которой можно предсказать поведение человека в достаточно широком круге ситуаций, как жизненных, так и профессиональных. Причинная связь означает, что компетенция обуславливает поведение или действие» (Спенсер, Спенсер 2005: 9). R. Boyatzis также указывает, что в понятие компетенции входят мотивы, особенности, навыки, знания, видение себя и социальная роль (Boyatzis 2008). С точки зрения Дж. Равена, мотивации превалируют над способностями, они связаны с системой личностных ценностей, независимо от места, которое занимает индивид в социальной структуре общества. Дж. Равен изучал государственных

служащих, их роль в управлении современным обществом. Один из наиболее значимых его выводов интересен для нашего анализа: он указывает, что государственные служащие ответственны и за качество жизни общества, и за качество жизни каждого человека, которого они обслуживают (Равен 2002). Социальный конструктивизм исходит из того, что индивиды конструируют свою реальность, взаимодействуя с другими. В рамках такого подхода компетенции тесно связаны с контекстом, нормами и ценностями той группы, с которой человек взаимодействует. В этой связи можно рассматривать вопрос о том, может ли компетенция быть перенесена на группу, правомерен ли такой перенос (Stoof, Martens, Jeroen van Merrienboer 2004). Социологический анализ показывает, как индивиды сами представляют свою профессию и уровень компетенции, способы и пути ее формирования, какие цели они преследуют в своей профессиональной деятельности, какие ценности наиболее значимы (Уидетт, Холлифорд 2004; Миллс 2004). Компетенцию также связывают с выполнением предписанных стандартов (Parry 1996). При этом, как отмечал E. Derous, в изучение профессиональной компетенции можно ввести контекст действия, фактор среды как основополагающую характеристику, помогающую совершаться эффективно, успешному действию в профессиональной деятельности индивида (Deraus 2000).

Российские социологи также обращаются к компетентностному подходу в изучении профессий: анализируются национальные концепции компетентности (Михалкина, Скачкова, Усатенко 2011); исследуются компетенции представителей той или иной профессиональной группы, например педагогов, страховых агентов, социальных работников (Рыболовлева 2015; Шишова 2012; Исламгалиев 2003). Однако данный подход только начинает развиваться в российском социологическом сообществе. Можно выделить работы, включающие изучение компетенций работников местного самоуправления. Однако эти работы, затрагивая в основном теоретические вопросы, не анализируют сложившиеся практики (Богадырева 2016; Магомедов 2012; Марченко, Марченко 2010; Саркисян 2011; Юрьева 2009; Бурганова, Юрьева 2008). На уровне микропроцессов чаще всего анализ проводится в рамках отдельного города или муниципального образования, при отсутствии сравнительных исследований (Ильиных, Алтухова 2013; Руденко 2007; Попов, Чертенко 2006).

В исследовании мы опирались на определение понятия «компетенция», данное Л.М. Спенсером, учитывая общий контекст его формирования. Анализ проводился на основе изучения биографических данных (уровень образования, базовая профессия, управленческий

опыт) и повседневных практик реализации профессиональной деятельности руководителей сельских муниципальных служб. Проект локализован в четырех областях Северо-Западного региона — Тверской, Новгородской, Вологодской и Ленинградской, в периферийных, по преимуществу сельскохозяйственных районах, максимально удаленных от областных центров. Базой данных представленного исследования являются 100 глубинных интервью, взятых у руководителей администраций сельских поселений. Изучение их профессиональных биографий дало возможность проследить процесс формирования данной социальной группы: как рекрутируются руководители муниципалитетов, какими навыками и знаниями они обладают для реализации возложенных на них обязанностей. Сплошное обследование руководителей низового звена позволило исключить влияние погрешностей выборки, когда из поля зрения исследователей могут выпадать те или иные проблемы или важные кейсы, а также сравнить ситуацию в похожих муниципальных образованиях нескольких областей.

Анализ профессиональных компетенций

В научной литературе присутствует множество классификаций критериев профессиональных компетенций. Например, используют функциональные компоненты: информационный, поведенческий и направленный на принятие решений; а также уровни компетенции: рефлексивный, активный, мотивационный и личностный (Зникина 2013) или когнитивный, деятельностно-интегративный и коммуникативно-мотивационный (Грабчук, Филатова 2011). Для целей нашего исследования мы выделили три типа критериев:

- личностные критерии компетенции: социально-демографические показатели; уровень знаний, квалификации, подкрепленный дипломами или опытом работы; характеристики личности индивида, которые определяют возможность успешного выполнения рабочих функций;
- когнитивные критерии компетенции: способность, готовность, мотивация актуализировать все вышеперечисленное в реальной профессиональной ситуации;
- организационные критерии компетенции: способность действовать в соответствии с профессиональными, должностными стандартами или закрепленными функциями; технология и практики работы.

Личностные критерии профессиональной компетенции

В соответствии с социально-демографическими характеристиками руководители сельских администраций в подавляющем большинстве женщины ($\frac{3}{4}$ глав поселений), с высшим или средним специальным образованием (46,3% имеют неполное высшее и высшее образование, 40,7% — среднее специальное) в возрасте 40–50 лет и предпенсионной возрастных группах. Их образовательный уровень довольно высок для сельской местности. В профессиональном плане главы администраций в прошлом учителя, воспитатели детских садов, продавцы, работники клубов, сельскохозяйственные специалисты (зооинженеры, ветврачи, механизаторы) или работники сельских администраций, т. е. сельская интеллигенция. Около половины респондентов работали в местных органах власти. Одни много лет выполняли обязанности руководителей — бывшие председатели исполкомов (17 чел.), были назначены еще партийными (КПСС) органами власти, — или являются главами администраций в течение последнего десятилетия (20 чел.). Другие до назначения были специалистами, экономистами, бухгалтерами или секретарями сельских администраций (17 чел.). Именно эта группа обладает опытом управления территорией и более-менее достаточным уровнем знаний в данной области: *«работа уже знакома», «была в курсе всех вопросов»*. Остальные респонденты ранее к административной работе отношения не имели, за исключением двух директоров школ, директора Дома культуры, начальника цеха и начальника управления сельского хозяйства. Главами сельских администраций также оказались фермер, ветврач, лесник, прораб в строительной сфере, несколько местных предпринимателей и даже кадровый военный и председатель благотворительного фонда.

Типичная карьера главы администрации сельского поселения — должность секретаря, бухгалтера или специалиста, потом заместителя главы администрации и затем уже главы. Однако у большинства базовая профессия никак не связана с управлением; это те же учителя, продавцы, различные специалисты с высшим или специальным образованием. Подобное формальное перемещение по кадровой лестнице выдвигает в руководители не тех, кто имеет опыт руководства, административные способности, а тех, кто удобен, понятен, приемлем для вышестоящего начальства или кто понимает специфику работы в администрации поселения. Таким образом, многие наши респонденты в плане формальных квалификационных характеристик

непрофессионалы в той области, где им в данный момент приходится работать. В сложившихся условиях главным капиталом для выполнения ими законодательно закрепленных функций является жизненный опыт, а также социальные связи, приобретенные на данном и / или прежнем месте работы. Кроме того, роль представителя власти на селе требует постоянной включенности в нужды сельских жителей, мобильности в плане перемещения по территории, умения общаться с населением и вышестоящим руководством. Респонденты отмечают, что это *«работа не благодарная, трудная»*, с людьми работать *«интересно, но тяжело»*. Граждане, не склонные к бескорыстной и ненормированной занятости, просто не смогли бы работать в подобной ситуации.

Руководители испытывают огромную потребность в получении знаний, необходимых для осуществления своих рабочих функций. Во всех районах проводятся регулярные краткосрочные курсы, на которых разбираются актуальные проблемы муниципального управления. Руководители администраций говорят о том, что *«хотелось бы учиться»*, необходимо, чтобы самые проблемные моменты *«более подробно рассматривали»*, *«с учетом того, что законодательство меняется очень быстро»*, но часто на курсах рассказывают то, что они уже знают. В некоторых районах руководителей направляют учиться заочно в высшие учебные заведения для повышения квалификации и получения дополнительного специального образования (менеджмент, экономика, юриспруденция, муниципальное управление). Респонденты считают, что такое образование на данной должности просто необходимо — его не хватает для понимания правовых и экономических вопросов управления округом: *«потому что очень много идет документов, связанных с разными законами»*. Им приходится сталкиваться с проблемами *«с точки зрения хозяйственной деятельности»*, и здесь ощущается отсутствие знаний в области строительства, землеустройства. Получается, что круг решаемых администраторами проблем настолько широк, что узкого образования недостаточно: *«...здесь каких только образований не надо!»* Необходимость высшего образования отмечали почти все — *«для руководителя сельской администрации, конечно, необходимо высшее образование»*, но также нужен широкий кругозор, умение решать любые житейские проблемы, активная жизненная позиция и умение устанавливать контакты как с населением, так и с вышестоящими органами управления. Правда, не совсем ясно, насколько успешно проходит подобное обучение. Скорее всего, квалифицированными экономистами и управленцами респонденты не ста-

новятся, но минимум знаний, который необходим для выполнения своих функций, они получают. Сложные вопросы помогает решать районная администрация. Некоторые администраторы — люди предпенсионного возраста — признают, что у них нет способностей и желания получать специальное образование, они просто дорабатывают до пенсии и ограничиваются семинарами-учебами: *«Так теперь уже мой возраст вышел — образование куда, учиться»*. Другие отмечают, что в их ситуации никакое образование и курсы не помогут, потому что нет возможности уследить за постоянно меняющимися законами, при этом многие нормативные документы противоречат друг другу или отменяют только что принятые.

Село является значимым фактором выстраивания жизненной стратегии наших респондентов. Они идентифицируют себя как крестьян, подчеркивают, что все их предки жили на селе и вели сельский образ жизни, им нравится заниматься сельским трудом. В подавляющем большинстве респонденты никогда не хотели уезжать из сельской местности, для них невозможна сама эта мысль. Здесь сложились их трудовые, экономические и социальные установки. Можно говорить об особом складе характера, так как сельская жизнь требует качеств, которые трудно применить в других жизненных обстоятельствах. Способность непротиворечиво существовать в этих условиях является важным ресурсом наших респондентов.

Большая часть руководителей относится к обеспеченным слоям сельских жителей. До последнего времени их зарплаты были на уровне прожиточного минимума или чуть выше, однако последние законодательные изменения увеличили доходы работников сельских администраций. Возросший престиж должности, занять которую в прежние времена односельчан буквально уговаривали, так как высокая степень ответственности не сопровождалась соответствующей оплатой труда, привел к тому, что в последние несколько лет на селе появилась конкуренция за получение работы в администрации. Если до 2010 г. главами сельских поселений были в основном женщины, то после повышения заработных плат доля мужчин-руководителей значительно увеличилась, и в настоящий момент в некоторых районах они составляют более половины глав администраций. Однако средний доход руководителя (от 20 до 40 тыс. руб. в зависимости от бюджета поселения) все равно не позволяет делать серьезные накопления, и практически все наши респонденты ведут личное подсобное хозяйство, которое обеспечивает дополнительный доход семьи.

Когнитивные критерии профессиональной компетенции

За исключением короткого промежутка времени, когда руководителей администраций выбирали жители сельского округа, должность главы поселения всегда была назначаемой, кадры подбирает руководство района: им *«предложили»*, их *«уговорили»*, *«позвали»*, *«попросили»*, *«назначили»*, выдвинули кандидатуру на выборах как альтернативную без вероятности победить (*«просто предложили в выборах поучаствовать»*). Поэтому руководители сельских администраций — скорее представители чиновничьего аппарата на селе, чем представители жителей округа во властных структурах. Они не являются аналогом сельского, общинного старосты. Некоторые главы поселений пользуются вполне заслуженным авторитетом и глубоким уважением у населения, но здесь, как правило, примешивается изрядная доля сочувствия. Сельские жители считают, что должность эта *«выдуманная»*, что это *«власть без власти»*, *«для галочки»*.

Для большинства респондентов руководящая должность такого уровня — значимая вертикальная мобильность. Кто-то был готов к подобной мобильности — *«мне организатором надо было»*, *«были способности»*, *«всегда были на руководящих местах»*, — но совсем не многие стремились занять высокую статусную позицию. Если исходить из мотивационной составляющей (Ребров 2008), то респонденты оказались руководителями *«совершенно случайно»*, *«стечением обстоятельств»*, *«волею случая»*, *«пришлось идти»* в муниципальные органы власти. Они совершили сознательный и непростой выбор, имея возможность отказаться, понимая степень сложности и ответственности предлагаемой работы. Значимым мотивом явилось и то, что человеческий ресурс в сельской местности сильно исчерпан, это диктует свои пороги в плане выбора претендентов в главы администрации сельского поселения. Респонденты соглашались, поскольку иной кандидатуры не было: *«если не я, то кто»*, *«никто не соглашался»*. В сельскую администрацию респонденты попадали по принципу *«там была свободная должность»*, *«нужно было где-то работать»*, *«боялся этой работы»*, *«не очень хотела идти»*, *«особенно желания не было»*, поскольку *«понятия не имела, что это за должность»*. Многие отмечают, что *«долго сомневались»*, *«думали, что не получится»*, но *«решили попробовать»*. Некоторые, выделяя трудности в работе, особенно административного и юридического характера, считают, что *«справились»* и в принципе руководящая работа *«понравилась»*. Характерно замечание одного из респондентов: *«всегда*

любил работать на конечный результат... ставил цель и всегда добивался, чтобы тот или иной вопрос решить положительно».

Таким образом, уровень подготовленности к подобной работе у наших респондентов в целом невысокий, тем более вызывает сомнение их способность к административной работе, возможность управлять хоть и небольшим, но коллективом подчиненных, решать сложные управленческие задачи, касающиеся планирования развития поселения, организации его повседневной жизни, за исключением тех, кто имел опыт руководящей работы. Также стоит учитывать, что формальное обучение новым компетенциям руководители начинают только в процессе осуществления профессиональной деятельности. Постоянный скрининг сайтов районных администраций и сельских поселений в исследуемых нами областях показал, что подобный способ отбора управленческих кадров сохраняется и сейчас.

Система выборов или назначений глав муниципалитетов из разных слоев населения предполагает, что рядовой гражданин, обладая собственной профессией, может стать руководителем небольшого коллектива работников местной администрации и успешно пройти переобучение в совершенно иной области деятельности. Респонденты сами отмечают, что это *«новая профессия»*. На время выполнения административных функций они прервали профессиональный путь, для кого-то это потеря квалификации. Отсюда следующая особенность трудовых биографий руководителей местных администраций: если они и являются профессионалами, то совсем не в той области, в которой в данный момент работают. Следует учитывать, что должность главы администрации временная, вместо нашего респондента могут назначить или выбрать другого, муниципальные округа постоянно объединяются, и руководителя могут просто сократить. Нестабильность занятости является определенно негативной стороной. При этом респонденты не уверены, смогут ли они вернуться в прежнее профессиональное поле в случае, если их не выберут (назначат на следующий срок) или если муниципальный округ будет упразднен как самостоятельное образование. Ограниченность рабочих мест на селе может стать барьером для продолжения профессиональной карьеры.

В ходе анализа интервью ведущей для наших респондентов оказалась ценность труда, практической деятельности. В процессе беседы респонденты постоянно противопоставляли понятия *«труд»*, *«работа»* и *«лень»*, человека занятого и *«тунеядца»*, безработного или просто не работающего. Они сами много и плодотворно трудились на прежних

местах работы, ведут личное подсобное хозяйство, зачастую довольно обширное, что отделяет их от некоторых односельчан, которые *«ничего не делают», «нигде не работают», «даже на огороде ничего не выращивают»*. В работе важно, чтобы было *«интересно работать»*, работа должна *«нравиться»*. Многие респонденты отмечают, что основная профессия была очень любима, они долго размышляли, прежде чем согласиться на административную работу: *«я от души работала, мне нравилась моя профессия. Я мечтала об этом с первого класса, что учительницей буду», «я всегда хотела работать в медпункте», «я все равно до сих пор люблю школу. Это действительно моя работа», «мне нравилось работать агрономом»*. Поскольку большинство респондентов по основной профессии постоянно общались с жителями (директор школы, учитель, продавец, воспитатель детского сада, работник местной администрации), то и в текущей занятости они выделяют свою способность быстро и успешно устанавливать контакт, взаимодействовать с населением: *«нужен индивидуальный подход к каждому человеку»*. В *«новой профессии»* респонденты реализуют ту же ценность позитивного и общественно значимого труда. Большинство из них в целом гордятся, что сумели занять столь важную и ответственную должность, даже если такая мобильность была вынужденной и не вполне желанной. Многие хотели бы переизбраться (быть назначенными) на следующий срок, но не уверены в реализации этой перспективы. Включенность респондентов в сельский социум, участие в нем как рядовых жителей создает условия для стремления максимально реализовать свои возможности в административной роли.

Организационные критерии профессиональной компетенции

В законе о муниципальной службе, подзаконных актах и инструкциях функции, нормы, правила, стандарты, которым должна соответствовать деятельность руководителей и специалистов местных органов власти, прописаны довольно подробно (ФЗ «О муниципальной службе в РФ» № 25-ФЗ от 02.03.2007). Однако в повседневной профессиональной жизни индивиду зачастую приходится выходить за рамки формальных правил для решения различных проблем, возникающих в ходе реализации заданных целей. В сельской культуре неформальные институты играют важную роль в силу общности процессов организации жизнедеятельности, близости ежедневных контактов. Здесь достаточно высокий уровень доверия между людьми, который позво-

ляет менее жестко формализовать социальные отношения. Поэтому мы включили в анализ как формальные аспекты профессиональной деятельности респондентов (нормы, регламенты, инструкции), так и неформальные (стереотипы поведения, привычки, традиции, повседневные рутинные практики). На данный момент органы местного самоуправления отвечают лишь за принятие и организацию выполнения планов и программ по развитию муниципального образования. Четких правил, как осуществлять такие полномочия, нет (Стародубовская, Миронова 2010).

Можно выделить установленные законом административные функции руководителей местных органов власти, однако часто в интервью они не могли сформулировать свои обязанности, ссылаясь на необходимость обратиться к тексту устава муниципального образования. Местная администрация — самый близкий населению уровень власти, и жители села обращаются к ней со всеми житейскими проблемами, в том числе за моральной поддержкой, и знают, что вопрос *«будет все равно решен хоть как-то»*, глава *«отвечает за все, что происходит на территории»*. Тесное общение в рамках локального сельского социума, давние родственные или соседские связи создают условия неформальных взаимоотношений населения с представителями власти на селе, когда многие вопросы можно решить на ходу, в личном общении, минуя установленные рамки и ограничения. В то же время сюда может обратиться и любая организация, *«и каждая организация подведет под то, что виновата останусь я, но только не они, начиная со всего, что касается света, телефона, дороги, работы магазинов, снабжения, людей, автотранспорта»*. Неясная ситуация с определением формальных функций связана с тем, что на словах декларируется самостоятельность и независимость местного самоуправления, а в реальности *«шаг вправо, шаг влево ступить нельзя»*. Нет четкого разделения полномочий между местными и районными администрациями, руководителей поселений можно легко обвинить в их превышении. Они находятся в двойственном положении, когда хотят что-то сделать, но по формальным критериям не могут, вроде бы имеют право, но не имеют ресурсов. Именно трудности работы с законодательной базой являются наиболее значимыми ограничениями в реализации административных функций. Средств на проведение жизненно необходимых для муниципалитетов мероприятий (ремонт дорог, обновление и развитие социальной и инженерной инфраструктуры, строительство) у местной администрации нет, поэтому приходится постоянно генерировать

практики повседневного взаимодействия с населением, различными организациями и властными структурами, не предусмотренные никакими регламентами и уставами. Как пишет Дж. Скотт, «...письменные руководящие принципы никогда не могут объяснить, почему данное учреждение справляется со своими задачами», наиболее актуальными в данном случае являются «неявные соглашения», «практические взаимозависимости», которые «нельзя выразить в письменном виде» (Скотт 2005: 245). Таким образом, система формальных правил достаточно эффективно дополняется системой неформальных норм и отношений, что позволяет оптимизировать работу формальных процедур, «артикулировать интересы субъектов, ограниченные или полностью блокированные в рамках формальной системы отношений» (Барсукова, Карачаровский 2004: 99).

Среди руководителей местных администраций можно выделить два основных подхода к пониманию своей роли. Это условно нами названные «функционеры» и «массовики-затейники». Первые ограничивают деятельность четким выполнением поставленных перед ними задач и обязанностей — проведение социальной работы с населением, выдача различного рода справок, свидетельств, составление списков, заявок, отчетов для районной администрации, взаимодействие с районным руководством и предпринимателями в плане обслуживания объектов инфраструктуры, землепользования и т. д. Их возможности в данном случае сильно ограничены бюджетом, выделяемым муниципальным образованиям, но от качества работы зависит существование сложного социального механизма сельского сообщества. Вторые помимо вышеуказанных функций стараются максимально раскрасить довольно бесцветную жизнь сельского жителя. При той же скудости ресурсов они значительную часть времени уделяют проведению социально-культурных мероприятий на территории муниципального округа, психологической поддержке населения, личному участию в жизни каждого конкретного жителя. Это работа со школой, церковью, организация разнообразных кружков (шахматы, хоровое пение, вышивание, вязание, плетение и т. д.), краеведческих музеев, проведение праздников (местных и государственных), спортивных мероприятий. Подобная деятельность требует от глав местных администраций привлечения средств инвесторов. Таким образом, они честно выполняют возложенные на них законом обязанности и оказывают расширенную социально-психологическую помощь населению в решении возникающих вопросов, что является практикой, выходящей за рамки нормы.

И в том, и в другом случае деятельность органов местной власти очень прозрачна для односельчан и может быть непосредственно оценена.

При этом в текущих законодательных условиях фактически невозможно создание местными администрациями базы для роста муниципальной экономики. Некоторыми ресурсами обладают районные администрации, и вся ответственность за благополучие малых территориальных образований ложится именно на них. Получается, что функция организации культурного досуга населения единственно возможная на уровне местной власти помимо выполнения мелких административных обязанностей. Однако все равно конкретные мероприятия должны быть одобрены на уровне района, а далее они презентуются более высокому управленческому аппарату (область, регион) как достижения местных властей. Для этого используются и административные каналы (отчеты, докладные записки и проч.), и более современные методы коммуникации через сайты местных и районных администраций, форумы и т. д.

В ходе анализа повседневных рабочих практик наших респондентов было отмечено наличие ассиметричных сетевых структур, когда глава местной администрации связан дружескими или семейными отношениями с руководителем района и ведущими предпринимателями на территории. В результате поселения получают преференции при распределении финансовых или материальных ресурсов, консультационную помощь района, поддержку местных предпринимателей сельскохозяйственного или иного профиля. В некоторых случаях такие отношения выходят на уровень патрон-клиентских, когда осуществляется постоянная прямая опека районным руководством руководителей местных администраций, а поселение получает «статус» образцово-показательного, что может быть связано и с наличием значимого предприятия на данной территории, и с личными контактами и связями между руководителями. Изучение данных об экономическом положении муниципалитетов показало, что лучше ситуация складывается в тех сельских поселениях, где администраторы в полной мере используют возможности формальных и неформальных контактов с районными руководителями и руководителями предприятий, находящихся на их территории, с любыми социальными институтами от школы до церкви. Неформальные отношения помогают организовать на более высоком уровне медицинские пункты, торговлю, социальное обслуживание, образование (принятие решение о том, будет ли в муниципалитете существовать школа, детский сад и какая помощь

им будет оказываться), получать финансовую помощь для реализации неотложных хозяйственных и социально-культурных проектов. Такие взаимоотношения добавляют руководителю администрации значимости, формируют положительную репутацию, могут отразиться на улучшении его финансового положения. «Радивого» хозяйственника и администратора может отметить районное и областное начальство, выдвинуть в депутаты, предложить должность более высокого уровня в районе или области. Хотя в целом должность руководителя муниципального образования можно считать вершиной карьеры жителя села.

Заключение

Анализ биографий и повседневных практик взаимодействия глав муниципальных образований с населением показал невысокий уровень профессиональной компетенции респондентов. С одной стороны, наши герои при вступлении в руководящую должность оказались в ситуации, когда им пришлось без существенной предварительной подготовки осваивать новую для них профессию, иными словами, осваивать неизвестные им ранее компетенции. С другой стороны, респонденты обладают небольшими возможностями для их совершенствования: профессиональная подготовка начинается в процессе работы, нет достаточных ресурсов для осуществления своих функций. Возвращение к основной профессии оказывается проблематичным, так как в процессе освоения новых компетенций старые подчас были существенно утрачены. Профессионализм требует постоянной поддержки. Главными ресурсами муниципальных руководителей становятся крестьянская идентичность, жизнь в сельской местности, опыт взаимодействия с сельским населением, сформированный на прежнем месте работы, наличие неформальных связей с районным руководством и сельскими предпринимателями. В результате потери финансовой самостоятельности, законодательной, нормативной неопределенности главы администраций вынуждены быть новаторами в изобретении форм и способов решения постоянно возникающих перед ними проблем, уходить в своей деятельности с административного уровня на уровень «социальных работников», где личностные контакты с жителями села выходят на первый план. Культурно-массовая работа становится основной для администраторов на селе, в то время как материальная составляющая отдана на районный уровень, где учет нужд конкретной местности в целом минимален. В таких условиях очень немногие становятся

профессионалами высокого уровня. При существующем механизме управления территориями это, скорее всего, проблематично.

Источники

- Бажин И. И.* Проблемы профессионализации служащих органов власти // Власть. 2013. № 2. С. 34–37.
- Барсукова С. Ю., Карачаровский В. В.* Неформальные структуры в организациях как феномен и ресурс управления // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII. № 3. С. 99–115.
- Богатырева И. В.* Формы и методы оценки профессиональной деятельности муниципальных служащих: современные тенденции и перспективы совершенствования // Власть. 2016. № 3. С. 40–44.
- Бурганова Л. А., Юрьева О. В.* Профессиональная деятельность в сфере государственного управления: компетентностный подход // Вестник экономики, права и социологии. 2008. № 1. С. 103–109.
- Грабчук К. М., Филатова Е. В.* Профессиональная компетентность и оценка ее сформированности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. № 1 (45). С. 65–70.
- Зникина Л. С.* Лингводидактические основания профессионально-коммуникативной компетенции // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2 (54). Т. 2. С. 220–223.
- Ильиных С. А., Алтухова Т. А.* Исследование профессиональных компетенций представителей местного самоуправления // Теория и практика общественного развития. 2013. № 11. С. 67–69.
- Исламгалиев Э. Г.* Профессиональная компетентность педагога: социологический анализ: дисс... к. социол. н.: 22.00.06. Екатеринбург, 2003.
- Магомедов К. О.* Профессионально-адаптационные проблемы в муниципальной службе Российской Федерации // Вопросы государственного и муниципального управления. 2012. № 1. С. 99–105.
- Марченко И. П., Марченко А. И.* Профессиональная подготовка муниципальных служащих: проблемы и пути решения // Вопросы государственного и муниципального управления. 2010. № 2. С. 185–195.
- Миллс Р.* Компетенции / Пер. с англ. М.: НИППО, 2004.
- Михалкина Е. В., Скачкова Л. С., Усатенко Н. В.* Компетенции и компетентность: эволюция национальных концепций и синтез теоретических подходов // Terra economicus. 2011. Т. 9. № 4. Ч. 2. С. 12–17.
- Овчинников А. В.* О классификации компетенций // Организационная психология. 2014. Т. 4. № 4. С. 145–153.
- Попов В. Г., Чертенко А. Л.* Формирование социальной компетентности муниципальных служащих в современной России: социологический анализ. Екатеринбург: УраГС, 2006.

- Равен Дж. Компетентность в современном обществе. Выявление, развитие и реализация / Пер. с англ. М.: Когито-центр, 2002.
- Ребров А. В. Влияние мотивационной структуры на результативность труда работников различных профессий // Социологические исследования. 2008. № 5. С. 74–84.
- Рыболовлева О. А. Социологический анализ компетенций страховых агентов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 6–1. С. 202–205.
- Руденко А. В. Оценка успешности профессиональной деятельности муниципальных служащих // Социология власти. 2007. № 6. С. 96–101.
- Саркисян Ю. В. Проектная компетентность государственных и муниципальных служащих как объект социологического анализа // Власть. 2011. № 5. С. 123–127.
- Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Университетская книга, 2005.
- Спенсер С. М., Спенсер Л. М. Компетенции на работе / Пер. с англ. М.: НІРРО, 2005.
- Стародубровская И., Миронова Н. Проблемы сельского развития в условиях муниципальной реформы в России. М.: Ин-т Гайдара, 2010.
- Толковый словарь русского языка. Т. I / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Астрель, АСТ, 2000.
- Уидетт С., Холлифорд С. Руководство по компетенциям / Пер. с англ. М.: НІРРО, 2004.
- Фомин О. Н., Байдалова О. В. Социологический портрет муниципального служащего // Власть. 2012. № 6. С. 135–139.
- Шишова Ж. О. Профессиональная компетентность социального работника как предмет социологического анализа // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2012. № 1. С. 36–38.
- Юрьева О. В. Профессиональная компетенция в сфере государственного и муниципального управления: социологический анализ: автореф. дисс... к. социол. н.: 22.00.08. Казань, 2009.
- Boyatzis R. E. Competencies in the 21st century // J. Manag. Dev. 2008. Vol. 27, N1. P. 5–12.
- Chivers G., Cheetham G. Towards a holistic model of professional competence // J. Eur. Industrial Training. 1996. Vol. 20, N5. P. 20–30.
- Derous E. The C-story: Clarifying Stories... Actual Approaches and Threads in Competence Literature [E-resource. 2000] // Angela Stoof. Tools for the identification and description of competencies. Open Universiteit Nederland. Heerlen, 2005.
- Hornby A. S. Oxford advanced Learning dictionary of current English (7th Edition). Oxford University press, 2005. P. 307.

- McClelland D. C.* Testing for Competence Rather than for Intelligence // American Psychologist. 1973. N28. P. 1–14.
- Parry S. B.* The quest for competencies: competency studies can help you make HR decision, but the results are only as good as the study // Training. 1996. N3. P. 48–56.
- Stoof A., Martens R., Jeroen van Merrienboer J.* Что есть компетенция? Конструктивный подход как выход из замешательства / Пер. с англ. Е. Орел. URL: <http://www.ht.ru/cms/component/content/article/1-articles/426-1?directory=36> (дата обращения: 31.05.2017).
- Winterton J., Delamare Le Deist F., Stringfellow E.* Typology of knowledge, skills and competences: clarification of the concept and prototype. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2006.

ТЫКАНОВА Е. В.

ГОРОД КАК ТЕРРИТОРИЯ НЕРАВЕНСТВА: ОСПАРИВАНИЕ СНОСА ГАРАЖНЫХ СТРОЕНИЙ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

В статье рассмотрены возможности гражданского участия населения в принятии городских политических решений. Теоретической основой статьи выступают прагматическая социология Л. Тевено и «лестница человеческого участия» Ш. Арнштейн. Эмпирической базой работы послужила серия полужформализованных интервью с активистами — владельцами гаражей, выступающими против их масштабного сноса в Санкт-Петербурге. Автор приходит к выводу, что владельцы гаражей прибегают к широкому спектру инструментов оспаривания городского пространства ввиду того, что действия в рамках легального поля оказываются малорезультативными. Сильные группы интересов (городские власти и строительные девелоперы) в большей степени апеллируют к законам, однако также обращаются к спектру других инструментов легитимации своих действий. В итоге взаимодействие городских активистов и властей происходило на уровне «заботы», «информирования» и «манипуляции», согласно теории Арнштейн.

Ключевые слова: оспаривание, городское пространство, конфликт, группы интересов, гражданское участие.

В данной статье под *сильными группами интересов* будут подразумеваться группы, обладающие значительным доступом к пространственным ресурсам, а также обширными возможностями распоряжения городскими пространствами, их трансформации, принятия градостроительных решений и внедрения градостроительных инициатив. Данные ресурсы сильных групп интересов конвертируются в дискурсивные ресурсы оспаривания городского пространства: доступ к СМИ, владение информацией, не доступной слабым группам интересов, возможность решения вопросов в рамках приватного дискурса членов группы. В число таких групп могут входить компании-инвесторы и девелоперы и / или городские администрации и парламенты, в редких случаях — горожане.

Слабым группам интересов, напротив, свойственен чрезвычайно ограниченный доступ к пространственным ресурсам, и возможности принимать решения о судьбе городских территорий они зачастую лишены. Вследствие этого им доступны незначительные дискурсивные возможности борьбы: низкая информационная поддержка (владение

законами, закрытыми данными о проектах и т. д.), а также нерегулярный доступ к СМИ. Поэтому такие группы вынуждены оспаривать решения и проекты в области городского (ре)девелопмента, навязанные им сильными группами интересов. В число слабых групп интересов могут входить представители локальных сообществ, НКО, лоббисты интересов горожан, но в определенных ситуациях и представители строительного бизнеса.

Состав представителей той или иной группы интересов не является заранее установленным и ситуативен, т. е. зависит от множества социальных условий, в контексте которых происходит борьба за городское пространство.

Как правило, в число групп интересов не включают городские и иные власти (Heuwood 2011; Monibot 2011), однако мы оправдываем включение городских властей в состав сильных групп интересов предположением наличия симбиоза политических элит и строительных компаний, осуществляющих градостроительную политику в Санкт-Петербурге, действующих сообща и извлекающих обоюдные выгоды.

При анализе процессов оспаривания городских территорий как сильными (задействованными в процессах социального производства пространства), так и слабыми (вовлеченными в социальное конструирование пространства) группами интересов необходимо различать основания действий, к которым прибегают акторы конфликтов. В качестве подобных уровней легитимации позиций могут выступать:

- практические,
- стратегические,
- дискурсивные основания.

Основу теоретического инструментария изучения процесса оспаривания городского пространства сильными и слабыми группами интересов в данной статье составит *прагматическая социология*.

Согласно прагматизму Л. Тевено, от вовлеченности актора в тот или иной тип действия зависит, какие у него будут сформированы представления о реальности. Данные представления порождаются в результате своеобразной проверки реальности действиями в неожиданных ситуациях. Таким образом, актор, действуя в ситуациях неопределенности, множество раз сопоставляет полученные данные опыта, и социальной реальности в конечном итоге придается объективность (Тевено 2006: 6). Впервые подобных вопросов коснулся Э. Дюркгейм, который в своей работе «Элементарные формы религиозной жизни» подчеркнул, что знание не является априорно данным

и имеет свое происхождение из социального опыта: «Нет таких различий, вплоть до различения правой и левой сторон, которые, отнюдь не будучи заложены в природе человека вообще, не были бы весьма вероятным образом продуктом религиозных, стало быть, коллективных представлений» (Дюркгейм 1998: 188). Согласно Дюркгейму, для своего неproblemатичного существования в качестве «объективного» институциональный порядок должен пройти своеобразное испытание реальностью, сопоставление с «природой вещей»: «В действительности основной постулат социологии состоит в том, что созданный человеком институт не может базироваться на заблуждении и обмане: иначе он не смог бы существовать достаточно долго. Если бы он не основывался на природе вещей, он встретил бы в вещах сопротивление, которое не смог бы преодолеть» (Дюркгейм 1998: 176). В своем исследовании ритуала Дюркгейм показывает возникновение категорий познания. Тем не менее, как утверждает Л. Тевено, Э. Дюркгейм сосредоточен на изучении того, как социальные институты соотносятся с устойчивыми социальными практиками, подобные испытания реальностью в дальнейшем легли в основу теории прагматизма, однако новый подход в большей степени исследовал не устойчивые практики, а более динамичную составляющую — опыт действия «как источник знания» (Тевено 2006: 10). Таким образом, процесс познания в теории Дюркгейма происходит посредством коллективной практики ритуала, тогда как у прагматистов — в рамках решения практических проблем повседневной жизни. Как отмечает Л. Тевено, разница в теориях Дюркгейма и прагматистов заключается в том, что «Дюркгейма интересует сопротивление реальности, ощущение того, что есть нечто, что превосходит индивида, что является ему в виде коллективных представлений и чем прагматисты вообще пренебрегают» (Тевено 2006: 13).

Теория режимов вовлеченности Л. Тевено призвана найти баланс между номинализмом теории Дюркгейма и субъективизмом социального конструктивизма: «В социологическом объяснении задача проверки их (форм социальных знаний) реальности обычно связана именно с практикой, посредством которой и устанавливается реальность знаний. Однако проверка может откладываться до бесконечности, когда социальные практики настолько близки общественным представлениям, что едва ли с ними не смешиваются, и тогда появляется столь распространенная в социальных науках метафора кода (символического, культурного, эмоционального и т. д.). Возникает огромное искушение... низвести объективное к коллективному и тем самым еще

сильнее укрепиться в социальном конструктивизме. А чтобы избежать ошибки вытекающего из него реализма, следовало бы обратить внимание на проверку коллективных представлений и динамику их пересмотра в процессе проверки реальности» (Тевено 2006: 20).

В основе прагматической социологии Л. Тевено лежит традиция философского прагматизма, восходящая к таким теоретикам, как У. Джеймс и Дж. Дьюи, которые утверждают, что категории понятий всегда опосредованы социальной практикой, а главной целью философии выступает не учения о бытие или познании, а поиск репертуара инструментов для решения практических задач (Джеймс 1997; Dewey 1906). Таким образом, в основании философского прагматизма лежит понимание реальности как неоднократно переживаемого многогранного опыта. Как подчеркивает исследователь теории Л. Тевено О. Ковенева, философский прагматизм выдвигает постулат непосредственного эмпиризма, который обозначает, что «вещи... суть то, как они переживаются в опыте. Поэтому, если кто-то желает дать какой-либо вещи истинное описание, его задача заключается в том, чтобы сказать, как эта вещь переживается в качестве сущего» (Ковенева 2008: 8). Отсюда следует, что социальная реальность конституируется в результате многогранного опыта индивидов, который формируется под воздействием решения множества практических задач, опытного испытания, проверки тех или иных объектов реальностью. Следовательно, Л. Тевено интересует то, каким образом акторы действуют, попав в нестандартную ситуацию, и каким образом происходит проверка и дополнение социальной реальности посредством полученного опыта (Thévenot 2006).

Особое внимание Тевено уделяет материальному миру, который выступает в качестве важных объектов координации в кризисных ситуациях: «Для понимания того, как знания находят продолжение во внешних объектах, дающих общие ориентиры, полезно рассмотреть вопрос об общих знаниях и представлениях с точки зрения координации социальных акторов в проблемных ситуациях» (Тевено 2006: 33). Данное обстоятельство имеет ценность для изучения процессов оспаривания городского пространства в Санкт-Петербурге, потому что борьба сильных и слабых групп интересов происходит в условиях неопределенности: отсутствия традиции гражданского участия, которая уже выработалась в течение десятилетий борьбы за различные виды прав в Западной Европе и США, непрозрачности рычагов принятия решений относительно трансформации городского пространства, множественности режимов прав собственности и правовой

нестабильности. В конечном итоге как локальные активисты, так и городские власти и инвесторы в каждой ситуации оспаривания городского пространства вынуждены постоянно решать возникающие прагматические проблемы, в результате чего их действия не всегда продиктованы устоявшимися рутинами и зачастую являются креативными (Йоас 2005). Теория Л. Тевено значима для нашего исследования и потому, что его концепция учитывает взаимодействие не только акторов, но акторов, предметов и вещей, оказавшихся в контексте возникающих проблемных ситуаций.

Для объяснения процессов оспаривания городского пространства в условиях его агрессивного девелопмента и выбора инструментов борьбы и отстаивания прав на территорию как со стороны локальных сообществ, так и со стороны администрации Санкт-Петербурга и инвесторов мы обратимся к теории режимов вовлеченности Л. Тевено (*régimes d'engagement*) (Thévenot 1994: 72–101). *Режимы вовлеченности* — социальные действия, в основе которых лежит прагматическое испытание — «испытание реальностью», исход которого заранее не известен (Тевено 2006: 297). Это обстоятельство важно для изучения оспаривания городского пространства, поскольку эти процессы в постсоветском городе зачастую происходят в ситуациях неопределенности. Необходимо отметить, что каждый режим вовлеченности характеризует «направленность на ту или иную форму блага большей или меньшей степени обобщения, определяющую оценочное суждение» (Ковенева 2008: 12). Данный вид блага может выступать в форме «общего блага, или результатом запланированного действия, или даже более ограниченного блага, способствующего приспособлению к привычному окружению» (Тевено 2000: 85). Как отмечает Л. Тевено, понятие режима вовлеченности имеет отличия от понятия социального действия, которые заключаются в том, что режим вовлеченности «акцентирует внимание на типичных свойствах, приписываемых и агентам окружающей среды, и вовлеченному [в действие] “актору”, и формат “информации”, который применяется при понимании этих свойств» (Тевено 2006: 25).

Таковыми режимами, согласно Л. Тевено, будут выступать режим близости, или режим привычного, режим планового действия и режим публичного оправдания.

Режим близости, или режим привычного (*régime de familiarité*), — режим, «в рамках которого человек постоянно использует локальные ориентиры в целях регуляции своей вовлеченности в близкие отноше-

ния со своим окружением», причем не только по отношению к людям, но и к привычным вещам: «Привычное обращение со знакомыми вещами... связано с перцептивной и кинестетической информацией о привычных и освоенных “тропах” в местном окружении» (Тевено 2006: 11). Действия в рамках данного режима тяготеют к практикам, имеющим в основе фоновое знание и обладающим зачастую нерелексивной, повседневной природой. Как отмечает исследователь гражданской активности горожан в защиту историко-культурного наследия Санкт-Петербурга Б. Гладарев: «В “режиме близости” человек крепко вписан в свое окружение, а близкие ему вещи, подобно облаку, продолжают его собственное тело. Этот режим основан на привязанностях и связан с ощущением простоты и уюта в привычном мире» (Гладарев 2011: 77).

Режим планового действия, или интенционального действия (*action en plan*), согласно Тевено, предполагает взвешенное рациональное действие индивидуального агента, связанное с функциональным восприятием мира, необходимого для достижения непосредственной цели индивида (Ковенева 2008: 16). Так, по словам Б. Гладарева, действие в рамках этого режима «ориентировано на здравый смысл, на следование общим правилам и инструкциям, которые часто подразумевают инструментально организованное оценивание ситуации» (Гладарев 2011: 77). Данный режим вовлеченности тяготеет к определению целерационального действия, согласно определению М. Вебера: «Наиболее понятный тип смысловой структуры действий представляют собой действия, субъективно строго рационально ориентированные на средства, которые (субъективно) рассматриваются в качестве однозначно адекватных для достижения (субъективно) ясно и однозначно понимаемых целей» (Вебер 1990: 499). Действия в рамках такого режима вовлеченности будут в большей степени соответствовать интенциональным, рациональным стратегическим действиям акторов в противовес порою не рефлексивно проявляемым практикам.

Режим публичного обоснования (*régime de justification*), по теории Л. Тевено, характеризуется активными действиями в публичном пространстве, публичным обоснованием своей позиции и связан с общими принципами и общими для всех благами. Данный тип социального действия выступает в качестве «более коллективного, чем другие, поскольку оно открыто для публичной критики и оправдания» (Тевено 2000: 86). Действие акторов в контексте режима публичного действия «предполагает переход от единичного к общему, выработку способностей к обобщению, к аргументации своей позиции

с точки зрения разделяемых ценностей и шкалы оценивания (*ordres de grandeur*)» (Гладарев 2011: 78).

В фокусе внимания Тевено находится то, с какой успешностью взаимодействуют режимы вовлеченности, а также способы «переключения» с одного режима на другой в той или иной ситуации (Ковенева 2008: 17).

Для оценки того, в какой степени горожане способны участвовать в принятии решений относительно процессов, которые протекают в городском пространстве и инициаторами которых являются власти, нам будет полезна шкала участия горожан Ш. Арнштейн. Данная шкала предложена Арнштейн в ее труде «Лестница человеческого участия» на примере взаимоотношения муниципалитета как органа власти и населения. Автор представляет нам «лестницу», на каждой ступени которой в иерархическом порядке (от уровня, когда граждане могут самостоятельно принимать решение, до полного отсутствия этой возможности) располагаются: «манипуляция», «забота», «информирование», «консультации», «учет мнения», «партнерство», «делегирование власти», «контроль граждан».

Манипуляция — действия властей, которые направлены на создание видимости, что они учитывают мнение горожан: посредством организации публичных консультаций, собраний и т. д.

Забота состоит в том, что власти делают определенный акцент на последствиях проблемной ситуации, но не на ней самой. Власти, получив жалобы от горожан, стремятся успокоить и уверить их, что последствия проблемы будут устранены, но саму проблему не решают.

Информирование: граждане информируются властями о своих возможностях, правах и т. д., но не в полной мере, а в том объеме, в каком это обладание информацией гражданами удобно властям, либо информация предоставляется только тем гражданам, которые сами заинтересованы в ее получении.

Консультации — «происходит выяснение мнения граждан, что является законным шагом к реализации возможности их полного участия» (Arnstein 1969: 218). Однако это не предполагает и не гарантирует, что проблемы граждан будут в действительности решены. Выяснение мнений чаще всего происходит посредством фокус-групп, общественных слушаний и проведения социологических опросов. Однако в результате «люди прежде всего воспринимаются как статистические абстракции, и их участие можно измерить: тем, сколько граждан являются на встречи с властями, забирают с собой брошюр или заполняют анкету» (Arnstein 1969: 219).

Учет мнения: в данном случае некоторые представители общественности привлекаются к участию в органы власти, при этом они не обладают правом окончательного голоса или принятия решения — они могут лишь выразить свое мнение, принятие или непринятие которого происходит в недрах комитетов планирования, комиссий и т. д. Другими словами, право быть услышанным предоставляется здесь лишь отчасти.

Партнерство предполагает, что происходит перераспределение властных полномочий между гражданами и властями. Власти и горожане сообща принимают решение на основе переговоров, а также договариваются о создании совместных властных структур.

Делегирование власти — власть передает принятие решений в большей мере в руки граждан, которые образуют органы, в дальнейшем уполномоченные принимать решения. Эти структуры обладают правами и определенными ресурсами.

Контроль граждан: этот уровень отличается от предыдущего возросшей степенью участия и веса голоса общественности. Примером таких организаций являются самоуправляемые территориальные единицы (Arnstein 1969: 216—224).

На эмпирическом материале конфликта вокруг случая масштабного сноса гаражей в кооперативе «Парнас» (2009—2012 гг.) мы рассмотрим, к каким режимам вовлеченности Л. Тевено обращаются сильные (городские власти и девелоперы) и слабые (владельцы гаражей и их лоббисты) группы интересов и каким образом меняется взаимодействие акторов конфликта согласно шкале Ш. Арнштейн. Эмпирической базой данного исследования послужили 16 полуструктурированных интервью с активными владельцами гаражных боксов в КАС «Парнас», включая председателя и заместителей председателя профсоюза по защите прав владельцев гаражей «Рубеж», изучение дискурсивных и практических оснований сильных групп интересов основано на анализе релевантных теме исследования открытых материалов информационного портала fontanka.ru, содержащего прямые цитаты.

Стратегии и практики оспаривания гаражей КАС «Парнас» слабыми группами интересов

В 2009 г. городская администрация предоставила компании «Главстрой-СПб» земельные участки в промзоне «Парнас» для строительства крупного жилого комплекса «Северная долина». В радиус застройки попали гаражные кооперативы «Парнас-1, 2, 3, 4», которые

не были обозначены на картах, предоставленных строительной компанией. Это означало, что де-юре гаражей «не существует» и земля отдана «без обременения». Проект «Северная долина» был реализован в рамках стратегии «накопления путем лишения прав владения», поскольку строительство комплекса планировалось непосредственно на месте гаражных кооперативов «Парнас-1, 2, 3, 4». За два года до этого инцидента владельцам гаражей было отказано в «бессрочной» аренде и предоставлены «срочные» договоры аренды земельного надела. 17 апреля 2009 г. владельцам гаражей было дано предписание освободить боксы от имущества и вывезти автомобили, поскольку через месяц планировался снос гаражных боксов во всех четырех кооперативах.

В результате собственникам 8500 снесенных гаражных боксов, на месте которых строительным гигантом «Главстрой-СПб» был построен микрорайон «Северная долина», не было предоставлено никакой компенсации. Городские власти предложили «гаражникам» обеспечить места для организации открытых стоянок за счет потерпевших, каждый из которых должен был выкупить место в паркинге, цена на которое могла в несколько раз превышать стоимость автомобиля, а также отказали в какой-либо денежной компенсации ущерба.

Некоторые владельцы гаражей попытались воспользоваться возможностью смены делегированного субъекта принятия решений относительно оспариваемого пространства в виде приватизации земельного участка под гаражом, однако эта опция, доступная еще несколько лет назад, была уже заблокирована:

«У нас тогда была объявлена приватизация, у нас был в городе Саушин председателем, умудрились проскочить. Ну, маленькие КАСики совсем. И они приватизировали и землю под гаражами. Умудрились. Через полгода, как только объявили приватизацию, через полгода спохватились, приватизацию под гаражами вообще прикрыли. Сколько раз толкались в КУТИ: “Дайте приватизировать. Мы по закону имеем право”. “Нет, железобетонный гараж — совсем не капитальное строение”. “Ну, как же так? Гражданский кодекс, статья 30”. “Нет, у нас есть инструкция”» (Интервью 10. Мужчина. Заместитель председателя профсоюза «Рубеж»).

Ранее обращение владельцев боксов КАС «Парнас» к действиям по приватизации гаражных строений не являлось востребованной и необходимой мерой, поскольку права собственности на эти строения не проблематизировались сильными группами интересов: *«Невозможно, да. То есть это уже не оформлено. У кого-то что-то, они сейчас*

побежали в ПИБ оформлять, а оформлять на то, чего уже нету, тоже нечего, вот» (Интервью 12. Мужчина).

Воспользоваться возможностями ухода от ситуации сноса не удалось даже тем, кто успел оформить гараж в ПИБе: приватизация боксов и наличие соответствующих документов, подтверждающих частную собственность на гаражи, не оградили их от сноса:

«И: Те, кто успел приватизировать, они являются сейчас собственниками?»

О: Один КАС уже нет.

И: Это как?

О: А так.

И: Ничего себе! У них документы на все. Это за гранью добра и зла...» (Интервью 7. Мужчина).

Некоторые владельцы бокса в КАС «Парнас» предпринимали действия по продаже гаража. Однако эти попытки не увенчались успехом, поскольку собственники не смогли найти покупателей.

Поэтому инициативные владельцы гаражей для отстаивания своего права на достойную, по их мнению, компенсацию ущерба в виде денежного эквивалента рыночной стоимости бокса или гаража в ином месте, а также для защиты гаражей от сноса обратились к публичному протесту, который развернулся в поле всех трех режимов вовлеченности, в терминологии Л. Тевено: режима планового действия, публичного оправдания и режима близости (Thévenot 2006). Изначально «гаражники» пытались индивидуально отстаивать свои права в контексте планового действия. Однако по ходу разворачивания протеста инициативные владельцы гаражей выбрали стратегию самоорганизации и кооперации в рамках коллективного действия, посчитав ее лучше соответствующей поставленным целям: *«То есть, когда мы все это начинали, то первое время это делали для себя, а потом пошло-поехало, мы уже это делали для людей. Мы пытались как-то собрать людей. Мы прекрасно понимали, что интересы наши неотделимы от интересов других гаражников. А вместе эти интересы защищать проще»* (Интервью 11. Председатель профсоюза владельцев гаражей «Рубеж»).

Инициативные владельцы гаражей подчеркивали необходимость решать вопрос в первую очередь легальными способами защиты прав собственности на имущество в рамках режима планового действия. Тем не менее, как будет показано ниже, подобные попытки не имели значительного успеха:

«Оружие? Ну, да, было оружие. Но мы не призывали к восстанию, мы как раз призывали всегда: “Давайте жить по закону”. Вот. “Вам нужна эта земля? Мы не против. Но дайте нам то, что положено”» (Интервью 10. Мужчина. Заместитель председателя профсоюза «Рубеж»).

Таким образом, гаражники обратились к широкому репертуару стратегий в рамках режима планового действия. Предъявляя свои претензии городским властям и инвесторам, они:

— подавали прошения в различные инстанции:

«...а в Москве все правление. Судебные приставы главные в Москве, министр МВД в Москве, мы ему еще не писали, вот. Президенту еще нынешнему не писали, не радовали» (Интервью 10. Мужчина. Заместитель председателя профсоюза «Рубеж»);

— обращались с исковыми заявлениями в суд и милицию. Однако в связи с тем, что ответчиками являются сильные группы интересов, принимающие решения по поводу заявок владельцев гаражей, подобные действия не имели успеха:

«На самом деле, в судах говорят... судебная практика только отрицательная. Ну, знаю, что были и выигранные, но, правда, ждать им до сих пор еще долго. Хорошо, а кто должен все это? Судебные приставы, которые имущество воровали? Кто эти судебные решения будет исполнять? Мы пришли к судебному приставу: “Вот”. “Да, хорошо. Я напишу представление. Вот тебе представление, иди”. “Братан, это твои обязанности”. Ничего. С этим уже сталкивались» (Интервью 10. Мужчина. Заместитель председателя профсоюза «Рубеж»);

— выдвигали в качестве депутата-конкурента Валентине Матвиенко в муниципальном округе одного из своих представителей:

«Турухтанские острова — это вообще уже давно, еще до выборов Валентины Ивановны. Ну, она там что-то прокудахтала, но это слова. Как ее выбирали? Нам рассказали, что она будет избираться в Александровке. Мы решили своего ей в противники. Все, нашли человека, нам помогали из партии там. Его кандидатом. И вот узнаем, что она в какой-то Речке» (Интервью 10. Мужчина. Заместитель председателя профсоюза «Рубеж»);

— лоббисты интересов владельцев гаражей в ЗакСе (Борис Вишневский, Сергей Малков) прилагали усилия по разработке и утверждению закона, который учитывал бы потребности и требования слабых групп интересов:

«И все инициативы, они, ну... когда обсуждался первый закон, в 11-м году это было, осенью. Я наблюдал это в Смольном. Все поправки, которые пытался протолкнуть Нилов, они были отмечены. Даже поправку,

что в законе нету ни одной ссылки на федеральный закон. “Так давайте мы напишем, что, ссылаясь на Конституцию...” Отклонили» (Интервью 10. Мужчина. Заместитель председателя профсоюза «Рубеж»).

Лишь одно из действий в рамках попыток легального решения возникшей проблемы возымело успех: это наложение кратковременного моратория на снос гаражных кооперативов новым губернатором Георгием Полтавченко после письменного обращения к нему членов профсоюза владельцев гаражей «Рубеж»:

«Я лично (не слышно), договорился, написал жалобу Полтавченко, поехал к ребятам, там подписал, оттуда поехал в приемную, отдал. Ее не брали: “Все некогда”. И Полтавченко наложил мораторий. До принятия закона. Ну, закон приняли достаточно быстро, еще до выборов. Мораторий уже закончился до выборов» (Интервью 9. Мужчина. Заместитель председателя профсоюза «Рубеж»).

Параллельно немногочисленные активисты, защищавшие интересы владельцев гаражей на «Парнасе», действовали в рамках режима близости:

— строили баррикады на территории кооператива: *«Ну, и потом уже начались, они уже с первого “Парнаса” эти все битвы. Когда-то там что-то сдерживали. Баррикады. Ворота снесут, едут, мы поставим. Тракторы приедут, мы подходим, говорим: “Сейчас ты поедешь и будешь крошить. Кто тебя поставил? Вот, смотри, мы тебя сейчас сфотографируем. Везде будешь фигурировать ты. Когда подадут в суд, везде будет твоя, извини, рожка. Твое начальство уволит тебя задним числом. От тебя там быстро все отмажутся. Так что думай!”»* (Интервью 9. Мужчина. Заместитель председателя профсоюза «Рубеж»);

— прибегали к всевозможным маневрам и тактикам сопротивления: *«Мы отбили у них газовые баллоны. Потом пошли с другой стороны резать, вот. Они испугались, эти работяги, удрали, газовые баллоны побросали, мы пошли их и утопили в болото, значит. Там, горелку отобрали, согнули узлом»* (Интервью 9. Мужчина. Заместитель председателя профсоюза «Рубеж»);

— восстанавливали разрушенные постройки при помощи подручных материалов, что свидетельствует об использовании техники «бриколажа», подробно описанной К. Леви-Строссом как использование средств, предметов, которые имеются в наличии, но не предназначены напрямую именно для совершения с ними подобных действий (Леви-Стросс 1994): *«Кто-то там надывбал шлагбаум, кто-то подарил, кто-то сказал, что: “Да мне гараж железный не нужен”, затащили этот гараж,*

таскали балки, фундамент там выкладывали. Сделали очередную будку для сторожей» (Интервью 10. Мужчина. Заместитель председателя профсоюза «Рубеж»);

— на своих автомобилях перекрывали движение на близлежащих улицах, используя локальное знание о территории и ее транспортных потоках: *«Ну, там ребята посоветовали: давайте поставим машины, движение достаточно напряженное, мы сократим движение в один ряд, и пробки будут до Финляндского вокзала, а там до Кольцевой. И от Кольцевой и еще не известно докуда»* (Интервью 9. Мужчина. Заместитель председателя профсоюза «Рубеж»);

— прибегали к скрытым тактикам сопротивления и запугивания, своеобразной партизанской войне против представителей сильных групп интересов: *«Делается это так. Узнается, где человек живет. Вывешивается фотография. Черным по белому, в парадное, ночью эта фотография: “Этот человек сделал то-то, то-то, то-то. Акт недоверия”. Типа того. Ну, естественно, у этого человека есть машина. На багажнике вот так вот. У него есть квартира. Пока он на работе, можно подойти потихонечку и “макрофлексика” ему в замочную скважину. Пускай открывает. И вот так вот несколько раз»* (Интервью 9. Мужчина. Заместитель председателя профсоюза «Рубеж»);

— закрывались в гаражах и тем самым препятствовали сносу: *«Мы заперлись в гараже. Это была такая самооборона как бы. Но не тут-то было. Подъехал такой “уазик” и случилось невообразимое. Газами из выхлопной трубы он стал нас оттуда чуть ли не выкуривать»* (Интервью 3. Мужчина).

Следуя сетевому принципу самоорганизации локальных сообществ, оспаривающих городское пространство, активные владельцы гаражей инициировали организацию пространственных тактик (Certeau de 1984) сопротивления другой инициативной группы, которая защищала сквер на улице Ивана Фомина от уплотнительной застройки: *«Я подъехал туда. И они там, как бы ходят... Мы-то уже как бы сорганизованы, а эти еще... Я смотрю, с администрацией... А тут две женщины, говорят: “А что мы тут стоим и стоим. Все согласны, жители-то, что сквер нужен”. “А давайте пойдём, перекроем”. Пошли. А они говорят: “Так никто не идет”. “Так пошли. Главное, чтобы первый кто-то пошел”. Ну, мы троём первые вышли, а за нами еще десять человек. А потом еще. Толпа стоит, транспорт не ходит, люди не знают, что делать. Народ тут уже вышел»* (Интервью 10. Мужчина. Заместитель председателя профсоюза «Рубеж»).

Стратегии и практики оспаривания гаражей КАС «Парнас» сильными группами интересов

Депутаты Законодательного собрания, следуя режиму публичного оправдания, инициировали импровизированное заседание, посвященное возможным путям разрешения конфликта, пригласив на него неактивных владельцев гаражей, среди которых не было представителей профсоюза «Рубеж». Таким образом, сильные группы интересов создали видимость публичного обсуждения и учета мнения горожан (Arnstein 1969).

Однако необходимо подчеркнуть, что в ходе реализации решений властей о сносе на местах представители сильных групп интересов в борьбе с владельцами гаражей также прибегали к тактикам: например, в случае, когда «гаражники» запирались в своих боксах, ОМОН подъезжал на «УАЗе» и выхлопными газами «выкуривал» людей из гаражных строений: *«Практиковалась вот такая процедура: тех, кто заперся в гаражах, выкуривали выхлопными газами “уазиков”, которые подгоняли омовцы»* (Интервью 14. Мужчина).

Также сильные группы интересов активно прибегали к режиму планового действия в помощи по реализации градостроительного проекта «Главстрой-СПб»: они блокировали возможности оформления владельцами гаражей их боксов в частную собственность, игнорировали или отвечали отказом на запросы слабых групп интересов, составляли постановления и инструкции по предоставлению компенсации, отказывали в удовлетворении исков гаражников и т. д.

Решение вопроса о предоставлении компенсаций бывшим владельцам гаражей, а также о форме предоставления этих компенсаций имело несколько последовательных стадий, выраженных в увеличении уступок со стороны сильных групп интересов (в первую очередь — властей).

Первая стадия: городские власти отказываются платить компенсации, поскольку собственность на гаражи — «неформальная», юридически не закреплённая, а гаражи — временные и движимые объекты. В ответ на это владельцы гаражей апеллируют к мифу о неприкосновенности частной собственности на Западе и требуют легализации частной собственности на гараж.

Вторая стадия: власти заявляют, что гаражники могут выбрать натуральную компенсацию в виде земельного надела для организации паркинга или стоянки. В ответ гаражники утверждают, что подобная

компенсация не эквивалентна понесенным потерям, а данный земельный надел не будет легализован: *«Ну, прощались по всей этой территории. Буераки, болота, свалка. Все это было нужно за свои деньги очищать, грунт завозить. Ну, перед тем как туда можно было машину поставить, нужно было вложить с человека, мы считали, с человека 50 тысяч, два месяца работать. А через три года, по нашим сведениям, “Северная долина” растет и развивается, и ей нужны будут выезды... По нашим сведениям, тут должна будет пройти дорога как раз по гаражам. И получается, что мы... обсыпку-то мы с собой не заберем. А они радостно на этой обсыпке положат асфальт, и будет дорога. И экономят свои бабосы. А разницу положат себе в карман. И опять нас кинут»* (Интервью 9. Мужчина. Заместитель председателя профсоюза «Рубеж»).

Третья стадия: городская администрация настаивает на том, что в случае конфискации земельного надела под гаражами под реализацию региональных проектов выплаты будут производиться из средств городского бюджета, в то время как в ситуации передачи земли бизнес-структурам бремя выплат ляжет на плечи инвесторов. Эта система зафиксирована в законе «О мерах по обеспечению имущественных прав граждан, являющихся владельцами гаражей на территории Санкт-Петербурга» от 21 октября 2011 г. Примечательно, что в данной ситуации государство склонно к сохранению своеобразного «патернализма» по отношению к владельцам гаражей, характерного и для СССР. Однако инвесторы отказываются решать имущественные вопросы с владельцами гаражей, поскольку приобрели земельные участки «без обременения». В этой ситуации владельцы гаражей заявляют о несправедливости разделения снесенных гаражей на те, которые были уничтожены для государственных нужд (что означает большую вероятность получения компенсации), и те, которые снесли для инвестора. В последнем случае получение компенсации затруднено или вообще невозможно. Более того, закон от 2011 г. не имел обратной силы, поэтому большая часть потерпевших вообще не могла рассчитывать на субсидии.

Четвертая стадия: под давлением инвесторов и в результате протестов горожан принят закон, согласно которому из городского бюджета будут по твердой схеме (с учетом износа, возраста и материала, из которого был изготовлен бокс) выплачены компенсации всем владельцам, чей гараж был снесен после 11 октября 2008 г. Это закон «О мерах по обеспечению имущественных прав граждан, являющихся владельцами гаражей на территории Санкт-Петербурга» от 19 сентября 2012 г.

Однако горожан не устраивает размер выплат за снесенные боксы, потому что он не соответствует рыночной стоимости строений. Некоторые гаражники выступают за выделение натуральной компенсации в виде земельного надела и требуют его легализации как частной собственности бывших владельцев гаражей.

Между тем, по мнению председателя КУГИ Дмитрия Куракина, окончательный закон принят для избавления от социальных издержек, а не для удовлетворения юридически обоснованных прав собственников. Гаражи остаются нелегальными и будут и впредь подвержены сносу: *«Мы считаем, что проблема сноса гаражей и выплата компенсаций за них не столько гражданско-правовая, сколько социальная, и поэтому вносимые нами изменения в действующее законодательство, как нам кажется, позволят снизить социальную напряженность при решении имущественно-правовых вопросов с владельцами гаражей»* (http://www.neva24.ru/a/2012/03/28/Smolnij_zaplatit_za_snes/).

Таким образом, можно утверждать, что сильные группы интересов были вынуждены постепенно разворачивать действия в рамках стратегии забот (Arnstein 1969), свидетельством чему служит решение о предоставлении компенсаций.

Однако, по мнению владельцев гаражей, реализация закона на практике крайне затруднена. Так, по словам Бориса Карпова, существует неточность в определении характеристик гаража (особенно снесенного) и вообще владения боксом в ситуации, когда все гаражи уничтожены. Эти обстоятельства свидетельствуют о недостаточном информировании слабых групп интересов городскими властями:

«То есть непонятно, на каких основаниях, документах, должны давать компенсацию. На основании документов из ПИБа? Из того же “Парнаса” из 8500 имеют, ну, процентов 10. А остальные как? У них просто паспорт на гараж, который не имеет никакого юридического основания. А как родственники, которым принадлежал гараж и которые лет 30 не могут вступить в права наследования? У каждого такие ситуации. Первое, непонятно, на основании каких документов будут все это платить, на основании чего будет рассчитываться компенсация, будет рассчитываться коэффициент. Да, вот, когда у вас гараж стоит, его можно посмотреть. А когда гаража нет, как можно доказать, какой у тебя был гараж?» (Интервью 11. Председатель профсоюза владельцев гаражей «Рубеж»).

Выводы

В ходе описанных выше «гаражных войн», разворачивающихся на оспариваемых территориях и в судах, собственность превращается из простого объекта в сложную совокупность отношений между владельцем территории и претензиями всех остальных на обладание этой территорией. Собственническая модель распоряжения городским пространством, навязываемая администрацией и инвесторами и основанная на «праве исключать», постоянно оспаривается рядовыми горожанами, которые претендуют на «право не быть исключенными» (Blomley 2003). В ситуации неопределенности прав собственности на гаражные строения и неоднозначного статуса земельных участков под ними права собственности проблематизируются и становятся «договорной категорией», ориентированной на прецедент. Индикатором этого процесса является факт выплаты компенсации бывшим владельцам боксов за принудительный снос гаража. Компенсация на всем протяжении конфликта в одних условиях назначается, хотя для этого действия нет никаких юридически закреплённых оснований, как нет и формализованной процедуры подсчета стоимости гаражного бокса, в других — отменяется, в одних используется рыночный эквивалент стоимости гаража, в других — нерыночный.

Владельцы гаражей в промзоне «Парнас» имели потенциальную возможность воспользоваться опцией смены делегированного субъекта принятия решений в виде оформления бокса в частную собственность. Большинство владельцев гаражей не предприняли этих действий до сноса, поскольку статус гаражного строения не проблематизировался сильными группами интересов. Тем не менее возможность оформления гаража в частную собственность была заблаговременно заблокирована городской администрацией. Параллельно данной опции существовала и альтернативная ей стратегия — в виде быстрой продажи гаража. Впрочем, и данная стратегия оказалась неудачной в связи с отсутствием спроса.

Ввиду невозможности реализации защитных действий в рамках опции смены делегированного субъекта принятия решений владельцы гаражей на КАС «Парнас», вынужденные защищать свои права собственности на строение, консолидировались в сообщество, осознающее свои интересы и потребности, и приняли форму организованной группы. Слабые группы интересов развернули крупномасштабные акции, обратившись к публичному протесту в контексте режимов планового и действия, публичного оправдания и близости. Между тем действия соглас-

но режиму планового действия, для легитимации которых «гаражники» апеллировали к административно-бюрократическому миру, оказались в наименьшей степени результативными. Исключение составили лишь некоторых из них: наложение временного моратория на снос в период смены губернатора города, одно выигранное судебное дело. Поэтому активные владельцы гаражей были вынуждены обратиться к другим представителям кооперативной автостоянки на «Парнасе» с целью солидаризации и самоорганизации группы, а также оправдания своей позиции перед СМИ, сильными группами интересов и широкой общественностью. В ходе непосредственного сопротивления сносу, а также в рамках публичного протеста и своеобразных партизанских действий владельцы гаражей обратились к маневрам на территории, а также к пространственным тактикам (Certeau de 1984) и бриколажу. Необходимо подчеркнуть, что множество защитных действий, к которым прибегали владельцы гаражей, находились на границе двух или более режимов вовлеченности. Так, например, для осуществления действий в контексте режима близости слабые публики обращались к ресурсам публичного оправдания (приглашение СМИ для фиксации борьбы на баррикадах), а для более успешного решения задачи в контексте публичного протеста — задействовали возможности режима близости (монтирование карикатурного плаката на городской магистрали).

Сильные группы интересов, а именно городские власти и фирма-застройщик ООО «Главстрой-СПб», для осуществления сноса гаражей и реализации градостроительных планов на месте бывшего КАС «Парнас» обратились к режиму планового действия, легитимируя свою позицию в рамках административно-бюрократического мира. В контексте режима планового действия «сильные» апеллировали к нормам и законам, согласно которым гаражи не являются капитальным объектом недвижимости, а также к миру рынка, ссылаясь на необходимость осуществления рентабельного «для города» проекта. Во взаимодействии (Arnstein 1969) со слабыми группами интересов городские власти прибегли к стратегии манипуляции, организовав публичное заседание ЗакСа совместно с неактивными владельцами гаражей. Они также воспользовались некоторыми возможностями стратегии заботы: не учитывали последствия сноса, выдвигали проекты по предоставлению компенсации, которые дискриминировали активных владельцев гаражей. Наконец, применялась и стратегия информирования: владельцы снесенных гаражей не в полной мере информировались о возможностях и препятствиях для получения компенсаций.

Источники

- Вебер М. Избранные произведения / Под ред. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990.
- Гладарев Б. Историко-культурное наследие Петербурга: рождение общест-венности из духа города // От общественного к публичному / Под ред. О. Хар-хордина. СПб.: изд-во ЕУСПб, 2011. С. 71–304.
- Джеймс У. Прагматизм / Пер. П. С. Юшкевича // Джеймс У. Воля к вере. М.: Республика, 1997.
- Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религие-ведения. Антология. М.: Канон+, 1998.
- Йоас Х. Креативность действия. СПб.: Алетейя, 2005.
- Ковенева О. В. Французская прагматическая социология // Социологический журнал. 2008. № 1. С. 5–21.
- Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994.
- Тевено Л. Какой дорогой идти? Моральная сложность «обустроенного» чело-вечества // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. С. 84–111.
- Тевено Л. Креативные конфигурации в гуманитарных науках и фигурации социальной общности // Новое литературное обозрение. 2006. № 1 (77). С. 285–313.
- Тевено Л. Прагматика познания. Введение: исследование связи между позна-нием, коллективностью и практикой // Социологический журнал. 2006. № 1–2. С. 5–39.
- Arnstein S. R. A ladder of citizen participation // Journal of the Royal Town Planning Institute. 1969. № 35 (4). P. 216–224.
- Blomley N. Unsettling the City: Urban Land and the Politic of Property. New York: Routledge, 2003.
- Certeau de M. The Practice of Everyday Life. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1984.
- Dewey J. Reality as experience // The Journal of Philosophy, Psychology and Scien-tific Methods. 1906. Vol. 3. № 10. P. 253–257.
- Heywood A. Politics. London: MacMillan, 2007.
- Monibot G. The Captive State: The Corporate Take-Over of Britain. London: Pan, 2011.
- Thévenot L. L'action au pluriel. Sociologie des régimes d'engagement. Paris: La Dé-couverte, 2006.
- Thévenot L. Le régime de familiarité: des choses en personnes // Genèses. 1994. № 17. P. 72–101.

ВЛИЯНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА ЧИСЛЕННОСТЬ БЕЗНАДЗОРНЫХ ЖИВОТНЫХ В РОССИЙСКИХ ГОРОДАХ¹

В статье рассматривается связь демографических последствий глобализации с ростом численности безнадзорных животных. Обзор публикаций по данной тематике позволяет сделать вывод об отсутствии данных о численности безнадзорных животных в большинстве регионов, а следовательно, необоснованности затрат на мероприятия по ее регулированию. Необходима разработка единой методики учета безнадзорных животных в населенных пунктах и контроль ее применения по определенным показателям. Предлагается метод косвенной оценки численности безнадзорных животных по демографическим показателям. Выявлена корреляционная связь относительной численности безнадзорных собак в городах Российской Федерации с относительной численностью детей младшего возраста и лиц в возрасте старше трудоспособного, а также с показателями рождаемости и смертности населения.

Ключевые слова: численность безнадзорных животных, рождаемость, смертность, миграционный прирост, численность населения.

Процессы глобализации оказывают влияние на все стороны жизни человека. Одним из главных последствий глобализации английский социолог Б. Уилсон назвал замену традиционных социальных связей между людьми связями глобального масштаба — множественными, безличными и функциональными (Трофимова 2007: 111). Среди важнейших демографических последствий глобализации — рост миграции, вызванный урбанизацией и стягиванием населения в города, снижение рождаемости, старение населения. Со всеми этими явлениями тесно связана проблема одиночества, которую немалая часть населения пытается решить, обзаведясь домашним питомцем. Таким образом, растет спрос на домашних животных и расширяется зообизнес. Механизмы контроля и регулирования этого процесса в нашей стране практически не развиты, вследствие чего на рынке домашних животных возникает перепроизводство, которое, в совокупности с не-

¹ Исследование выполнено в рамках магистерской диссертации «Учет и регулирование численности безнадзорных животных в городском пространстве с позиций концепции общественного блага», программа «Мониторинг и диагностика социально-экономических систем», кафедра статистики и эконометрики СПбГЭУ, научный руководитель — И. И. Елисеева, д. э. н., проф., член-корр. РАН.

высокой ответственностью владельцев, приводит к увеличению численности бездомных животных.

Наличие бездомных животных на территории городов угрожает безопасности населения и благополучию санитарной обстановки, а также указывает на недостаточный уровень культуры содержания домашних животных. Последний фактор, возможно, играет важную роль в увеличении численности бездомных животных на территориях городов РФ, и меры, направленные на повышение ответственности населения, могли бы способствовать решению задачи по снижению численности безнадзорных животных.

В предлагаемой статье под безнадзорными (бездомными) животными понимаются только собаки, как представляющие опасность для населения, и к тому же существующая практика такова, что именно на них направлены мероприятия по регулированию численности. Более точным определением представляется «безнадзорные», так как в эту категорию попадают и домашние собаки, находящиеся в свободном выгуле, которые также являются и источником опасности, и источником следующих поколений безнадзорных собак.

В ряде стран существуют системы контроля численности и содержания домашних животных, объединяющие муниципальные службы контроля и общественные организации (Рыбалко 2006: 12). Основным методом регулирования численности безнадзорных животных — безвозвратный отлов и помещение в приюты, где животное содержится от 5 дней до двух недель, затем при не востребоованности усыпляется. Для снижения численности бездомных животных и, следовательно, количества усыплений стимулируется и пропагандируется предотвращение размножения владельческих животных. В частности, вводится снижение налогов с владельцев стерилизованных животных, проводятся мероприятия по бесплатной стерилизации животных малоимущих владельцев, вводятся меры по противодействию бесконтрольному выгулу владельческих собак (чипирование). Наиболее эффективна стерилизация владельческих животных: при достижении доли стерилизованных владельческих животных 70–80% от общего количества число бездомных животных, попадающих в приюты, начинает значительно сокращаться (Рыбалко 2006: 13). Указанные меры в последние годы начали практиковаться в России (В Смоленской области... 2013; Закон... 2015), при этом чипирование и бесплатная стерилизация воспринимается обществом в целом положительно, но по поводу умерщвления не востребоованных животных поднимаются протесты. Таким

образом, западный опыт в российских условиях не может быть перенят в полной мере, и для решения задач по регулированию численности безнадзорных животных следует искать альтернативные способы.

Вне зависимости от выбора способа регулирования численности безнадзорных животных в основе планирования и проведения мероприятий должны лежать данные об этой численности. Во многих странах сбор статистических данных о количестве бездомных животных закреплен законодательно. Например, в каждом городе США с 70-х гг. XX в. действует специальная программа надзора за животными, включающая в себя ряд компонентов, одним из которых является ведение статистики. В России вопрос о сборе подобных данных был поднят относительно недавно. В законодательных актах, принятых в последние годы на региональных уровнях (Закон Иркутской области 2016; Закон Санкт-Петербурга 2015), говорится о необходимости учета как домашних, так и бездомных животных, поскольку для реализации мероприятий по регулированию численности безнадзорных животных требуются достоверные данные о количестве таких животных на территории города. В частности, Законодательным собранием Санкт-Петербурга 29 февраля 2008 г. был принят закон № 64–13 «О безнадзорных животных в Санкт-Петербурге», устанавливающий в числе полномочий Правительства города определение порядка учета безнадзорных животных в Санкт-Петербурге (Закон Санкт-Петербурга 2015). В 2011 г. в ходе Круглого стола на тему «Кому и зачем нужны мифы о безнадзорных животных? Ищем пути решения социального конфликта» с участием депутатов городского ЗакСа и ведущих специалистов в области зоологии было отмечено, что выделение государственных дотаций на приюты как очередное «спасительное» средство для решения вопроса с безнадзорными животными может стать очередным коррупционным механизмом. «Прежде чем закладывать в бюджет подобные расходы, необходимо как минимум обладать той статистикой, которая не собиралась более 25 лет: количество домашних и безнадзорных, коэффициент корреляции между этими группами с учетом миграции и многое другое» (Круглый стол 2011).

Проведенный обзор научных публикаций и материалов СМИ (Березина 2015; В Смоленской области... 2013; Как в сибирских... 2012; Костицина 2016) показывает, что данные о количестве бездомных животных в большинстве регионов отсутствуют. При этом ежегодно из государственного бюджета на мероприятия по регулированию численности бездомных собак и кошек выделяется около 2 млрд руб.,

из которых примерно 90% расходуется на уничтожение животных (Нодельман 2016).

Расходы на мероприятия по регулированию численности безнадзорных животных в настоящее время распределяются через проведение торгов по принципу предложения минимальной цены. Открытость закупочной документации дает возможность заинтересованной общественности оценивать ситуацию с отловом бездомных животных и реагировать в рамках своих возможностей. Из петиции против жестоких методов регулирования численности бездомных животных, например, в Краснодаре, следует, что подсчет их численности ведется силами волонтеров, но результаты имеют большой разброс: подсчет количества бесхозных животных в Краснодаре с применением различных методик дает численность в диапазоне от 1,5 до 7 тыс., тогда как в контрактах на отлов ежегодно фигурируют цифры от 9 до 14 тыс. особей (Надежкина 2016).

Суммы расходов на отлов одной собаки варьируют от 500 руб. до 5 тыс. руб. в зависимости от применяемых методов. При этом практически невозможно проконтролировать, осуществлялись ли все необходимые шаги при применении выбранного метода, например, ОСВ (отлов — стерилизация — возврат к месту обитания): была ли собака осмотрена, привита, стерилизована или сразу выпущена в городскую среду либо даже уничтожена. Порой в докладах ответственных лиц встречаются фантастические цифры, как, например, в отчете главы Асбестовского городского округа за 2016 г., где указано, что на отлов 15 собак потрачено 700 тыс. руб. (Костицина 2016).

Иногда подсчет числа животных идет от обратного — от выделенных средств, что выглядит достаточно нелепо. В качестве примера такого рода приведем статью в «Смоленской газете» за 2013 г.: «Если учесть, сколько средств сейчас выделяется на утилизацию отстрелянных животных, получаются, что в области приблизительно 10 тысяч бездомных собак» (В Смоленской области... 2013).

Приведенные факты подчеркивают необходимость разработки и использования единой методики учета численности безнадзорных животных в населенных пунктах и контроля ее применения по ряду показателей.

Обобщение опыта применения существующих методов учета бездомных животных в российских условиях (Верещагин 2006; Ивантер 2008; Поярков 2012; Поярков 2013; Рыбалко 2010; Седова 2007) показывает, что основным препятствием к их широкому применению

является трудоемкость. В качестве альтернативного метода предлагается оценка численности безнадзорных животных по социально-экономическим показателям населения.

Заметим, что возможность косвенной оценки наличия домашних животных по социально-демографическим показателям была подтверждена в исследовании «Сохраним воду вместе», проведенном в 2011–2012 гг. силами преподавателей и студентов СПбГЭУ (руководитель — к. э. н., доц. Н. А. Флуд) по заказу «Водоканала». Регистрировались состав семьи, наличие и вид домашнего животного. В результате установлена корреляция между составом семьи и наличием домашних животных, а также между наличием животных, в первую очередь собак, и расходом воды.

Для проведения исследования возможности оценки численности безнадзорных животных по социально-экономическим показателям на территориях городов Российской Федерации из интернет-источников различной степени достоверности собраны данные о численности безнадзорных собак по 29 административным центрам РФ за период 2013–2015 гг.

В связи с тем, что количество данных о численности безнадзорных собак невелико, приняты следующие допущения:

- изменения социально-демографических показателей в течение трех-четырёх лет незначительны для выявления взаимосвязей с численностью безнадзорных животных;
- численность безнадзорных животных остается неизменной в определенных пределах в течение ряда лет.

Социально-демографические показатели городов взяты по данным Росстата на 01.01.2014 (Регионы... 2014). В качестве факторов, влияющих на численность безнадзорных животных, были выбраны площадь города, численность и плотность населения, рождаемость, смертность, относительный миграционный прирост, относительная численность детей от 1 до 6 лет, относительная численность населения старше трудоспособного возраста.

Выбор показателей относительной численности детей до 6 лет, относительного миграционного прироста, рождаемости и смертности обусловлен тем, что рождение ребенка, смерть хозяина, переезд могут являться причинами избавления от домашнего питомца. Выбор показателя относительной численности лиц старше трудоспособного возраста обусловлен наблюдаемой склонностью указанной категории лиц заводить домашних питомцев.

Таблица 1

Сведения о численности безнадзорных собак и социально-экономические показатели на 01.01.2014
в административных центрах Российской Федерации

	Город	Площадь, кв. км	Численность населения, тыс. чел.	Плотность населения, чел. на кв. км	Рождаемость, промилле	Смертность, промилле	Относительный миграционный прирост, промилле	Относительная численность детей в возрасте от 1 до 6 лет, промилле	Относительная численность лиц старше трудоспособного возраста, промилле	Численность безнадзорных собак, тыс. особей	Плотность безнадзорных собак, особь на кв. км	Относительная численность безнадзорных собак, особь на тыс. чел.
1	Владимир	125	350,1	2800,8	10,8	13,6	8,97	63,12	281,1	0,50	4,00	1,43
2	Воронеж	600	1014,6	1700,9	11	12,7	12,55	56,48	252,0	8,00	13,33	7,88
3	Курск	190	431,2	2283,7	11,9	12,6	6,29	62,85	242,8	0,35	1,84	0,81
4	Рязань	200	530,3	2370,8	10	13	7,63	56,19	258,9	0,90	4,50	1,70
5	Тамбов	91	285	3131,6	10,4	13,8	14,34	55,44	266,0	2,50	27,47	8,77
6	Ярославль	200	602,4	2927,1	12,1	14,1	7,29	63,91	93,6	7,00	35,00	11,62
7	Петрозаводск	113	272,1	2408	11,4	11,8	12,00	67,25	230,1	2,00	17,70	7,35
8	Сыктывкар	700	242	351,9	13,6	10	3,85	80,17	206,2	2,00	2,86	8,26
9	Архангельск	294	350,4	1213,6	11,8	11,4	-2,09	69,35	235,2	7,00	23,77	19,98
10	Уфа	700	1096,7	1563	15,8	11,4	13,25	73,40	208,1	10,60	15,14	9,67
11	Казань	614	1190,9	1939	15,4	11,3	8,27	71,79	228,0	16,70	27,20	14,02

12	Пермь	800	1026,5	1283,6	13,7	11,9	10,42	71,99	224,7	5,00	6,25	4,87
13	Н. Новгород	400	1263,9	3099,1	11,7	14,1	5,48	62,66	252,2	7,00	17,50	5,54
14	Пенза	290	521,3	1798	10,6	12,5	4,62	60,43	256,1	1,10	3,79	2,11
15	Самара	500	1169,2	2157,4	11,9	14,5	3,23	59,19	259,2	9,20	18,40	7,87
16	Ульяновск	300	616,7	2055,6	11,7	12,2	2,84	63,73	250,4	10,00	33,33	16,22
17	Тюмень	500	679,9	1436,4	16,6	9	27,10	81,92	180,5	8,00	16,00	11,77
18	Горно-Ал- тайск	92	61,4	667,6	18,4	10,7	1,99	97,72	161,2	2,50	27,17	40,72
19	Улан-Удэ	377	421,5	1117,6	16,2	9,9	6,46	90,39	174,9	4,00	10,61	9,49
20	Кызыл	200	114	569	19,9	8,8	-5,31	116,67	109,6	4,00	20,00	35,09
21	Абакан	100	173,2	1541,2	15,4	11,3	15,89	81,99	198,0	0,30	3,00	1,73
22	Барнаул	900	632,8	740,1	12,9	11,1	5,26	74,43	243,2	5,00	5,56	7,90
23	Чита	534	335,8	629,7	14,2	10,9	9,87	80,70	179,0	8,00	14,98	23,82
24	Красноярск	400	1035,5	2929	14,2	10,4	14,93	69,24	194,9	7,00	2,96	6,76
25	Иркутск	300	613	2210,1	15,3	11,7	7,64	77,65	196,4	1,10	3,67	1,79
26	Новосибирск	500	1547,9	3095,8	13,5	12	14,02	65,44	227,1	18,00	36,00	11,63
27	Омск	600	1166,1	2057	13,4	12,2	3,44	68,43	226,7	20,00	33,33	17,15
28	Томск	277	557,2	2085,6	12,7	9,7	13,23	72,51	196,3	4,00	14,44	7,18
29	Благовещенск	321	220,1	751	12,7	10,5	8,89	69,51	198,5	1,30	4,05	5,91
	Коэффициент вариации	0,58	0,63	0,46	0,14	0,12	0,74	0,18	0,37	0,88	0,73	0,88

Источник данных: (Регионы..., 2014).

В данной статье рассматриваются только демографические показатели, но в исследование были включены и другие: средняя заработная плата как индикатор уровня жизни, уровни занятости и безработицы, число завершенных строительных объектов (ввиду того, что стройплощадки могут быть источником безнадзорных собак). Однако значимой корреляции относительной численности и плотности безнадзорных собак с указанными показателями не выявлено, поэтому результаты расчетов с учетом названных факторов не приводятся.

Данные для расчетов представлены в табл. 1. Статистический анализ полученных совокупностей показал, что коэффициенты вариации абсолютной и относительной численности безнадзорных собак одинаковы и довольно велики ($V = 0,88$). Однако группировка по этим признакам с целью выявить корреляцию в малых однородных совокупностях не привела к желаемым результатам. Как видно на рис. 1–8, корреляция наблюдается лишь на полной совокупности.

Поля корреляции абсолютных показателей, представленные на рис. 1 и 2, отражают среднюю интенсивность корреляции численности бездомных собак с площадью территории города ($R^2 = 0,25$, т. е. $R = 0,5$) и высокую — с численностью населения ($R^2 = 0,57$, т. е. $R = 0,75$).

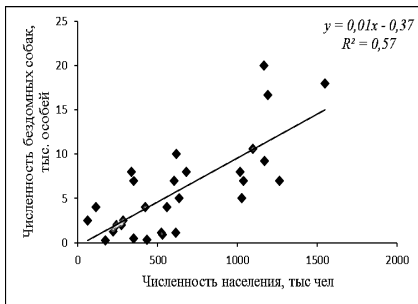

Рис. 1. Поле корреляции численности бездомных собак и численности населения

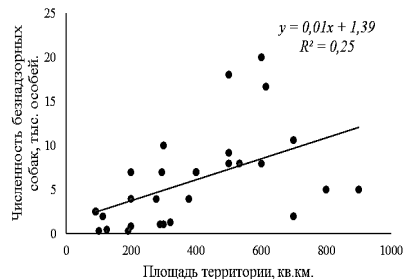

Рис. 2. Поле корреляции численности бездомных собак и площади территории

Связь абсолютных показателей достаточно предсказуема, и можно отметить, что абсолютная численность в большей степени зависит от численности населения, чем от площади территории, а значит, подтверждается обоснованность выбора демографических показателей в качестве факторов для оценки относительной численности безнадзорных собак.

В табл. 2 представлена матрица корреляции относительной численности бездомных собак на основе данных 29 городов.

y — относительная численность бездомных собак, особь на тыс. чел.

x_1 — плотность населения, чел. на кв. км

x_2 — рождаемость, промилле

x_3 — смертность, промилле

x_4 — численность детей в возрасте 1–6 лет, на тыс. чел.

x_5 — численность населения в возрасте старше трудоспособного, чел. на тыс. чел.

x_6 — относительный миграционный прирост, чел. на тыс. чел.

Таблица 2

Матрица корреляции относительной численности бездомных собак и социально-экономических показателей областных центров

	y	x_1	x_2	x_3	x_4	x_5	x_6
y	1						
x_1	–0,45	1					
x_2	0,61	–0,52	1				
x_3	–0,38	0,66	–0,71	1			
x_4	0,65	–0,66	0,91	–0,76	1		
x_5	–0,21	0,20	–0,22	0,22	–0,36	1	
x_6	–0,42	0,29	–0,04	–0,10	–0,23	0,02	1

Построенная матрица выявляет среднюю корреляцию между относительной численностью безнадзорных собак и численностью детей младшего возраста ($R = 0,65$) и, соответственно, рождаемостью ($R = 0,61$). В отношении смертности корреляция очень слабая ($R = 0,21$), с остальными переменными — слабая. Поля корреляции представлены на рис. 3–8, и можно сказать, что во всех случаях корреляция хорошо выражена графически.

На всех графиках наблюдаются области с выраженным трендом (верхняя часть графиков, высокая относительная численность безнадзорных собак) и области, где тренд отсутствует (нижняя часть графиков, низкая относительная численность безнадзорных собак).

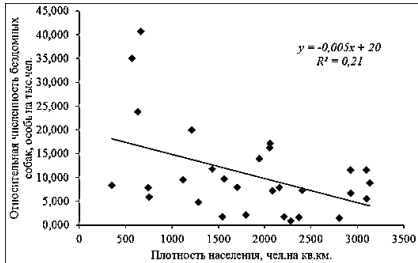

Рис. 3. Поле корреляции относительной численности бродячих собак и плотности населения

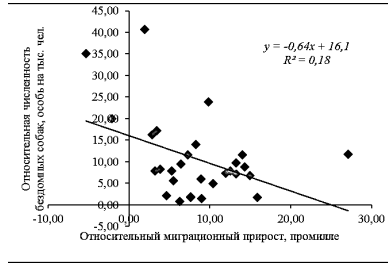

Рис. 4. Поле корреляции относительной численности бродячих собак и относительного миграционного прироста

Рис. 5. Поле корреляции относительной численности бродячих собак и рождаемости населения

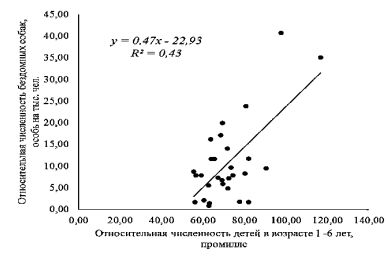

Рис. 6. Поле корреляции относительной численности бродячих собак и относительной численности детей в возрасте от 1 до 6 лет, промилле

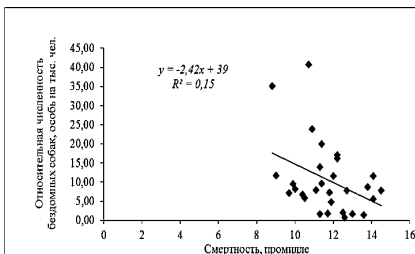

Рис. 7. Поле корреляции относительной численности бродячих собак и смертности населения

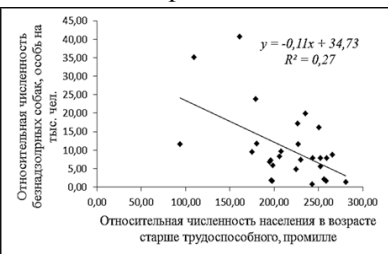

Рис. 8. Поле корреляции относительной численности бродячих собак и относительной численности населения в возрасте старше трудоспособного

Вероятно, зависимость относительной численности безнадзорных собак от показателей населения начинает проявляться после достижения определенной величины (приблизительно 5 особей на 1000 чел.). Наблюдается схожесть корреляционных полей относительной численности безнадзорных собак с рождаемостью и относительной численностью детей до 6 лет, а также корреляционных полей относительной численности безнадзорных собак со смертностью и относительной численностью лиц старше трудоспособного возраста. Последние два графика (рис. 7 и 8) иллюстрируют любовь к животным именно со стороны лиц старшего возраста, и, видимо, тенденция подбирать брошенных животных этой части населения настолько сильна, что перекрывает влияние такого явления, как выставление животных за дверь после смерти хозяина.

Исследование связи между плотностью бездомных собак и социально-экономическими показателями областных центров не выявило значимой корреляции. Матрица корреляции представлена в табл. 3. Обозначения в табл. 3 соответствуют обозначениям табл. 2, за исключением переменной y . В табл. 3 в качестве переменной y принята плотность бездомных собак, т. е. число особей на кв. км.

Таблица 3

Матрица корреляции плотности бездомных собак
и социально-экономических показателей

	y	x_1	x_2	x_3	x_4	x_5	x_6
y	1						
x_1	0,25	1					
x_2	0,08	−0,52	1				
x_3	0,19	0,66	−0,71	1			
x_4	−0,02	−0,66	0,92	−0,76	1		
x_5	0,07	0,20	−0,23	0,23	−0,37	1	
x_6	−0,15	0,29	−0,04	−0,11	−0,24	0,03	1

Корреляционная матрица относительных показателей, представленная в табл. 2, позволяет предположить возможность построения множественной регрессии. В качестве факторов выбраны переменные, имеющие умеренную корреляцию с относительной численностью

бездомных собак: плотность населения, число детей в возрасте от 1 до 6 лет на 1000 чел., миграционный прирост на 1000 чел. В результате было построено уравнение регрессии (1).

$$y = -15,9 + 0,42x_1 - 0,43x_2, \quad (1)$$

где y — число бездомных собак на 1000 чел. населения;

x_1 — число детей в возрасте 1–6 лет на 1000 чел.;

x_2 — миграционный прирост на 1000 чел.

Качество построенной регрессии подтверждает фактическое значение критерия Фишера $F = 13,27$, которое в 2,3 раза превышает табличное значение ($F_{табл} = 4,18$).

Корреляция между x_1 и x_2 слабая ($r_{x_1, x_2} = -0,24$), проверка на мультиколлинеарность также не выявила линейной зависимости факторов.

Полученные результаты, приведенные в табл. 4, указывают на наличие средней связи относительной численности бездомных собак с относительной численностью детей в возрасте от 1 до 6 лет, а также умеренной связи относительной численности бездомных собак с рождаемостью населения, относительным миграционным приростом и относительной численностью населения в возрасте старше трудоспособного.

На основе имеющихся данных проведено исследование тесноты связи с использованием аналитической группировки, где в качестве признака-фактора взяты относительное число детей в возрасте от 1 до 6 лет (этот признак взят по причине наиболее высокой корреляции), относительное число лиц старше трудоспособного возраста и рождаемость (в моделях на основе этих факторов отсутствует гетероскедастичность остатков). В результате расчетов значимость эмпирического корреляционного отношения по t -критерию выявлена лишь в случае связи относительной численности бездомных собак с относительной численностью детей в возрасте от 1 до 6 лет.

На всех представленных графиках можно выделить ряд городов с низкой относительной численностью бездомных собак, не зависящей от прочих показателей, — Владимир, Курск, Рязань, Пенза, Абакан, Иркутск. По сравнению со средними показателями городов, включенных в выборку, а также с показателями всех административных центров Российской Федерации выявленные города имеют значительно более высокую плотность населения. Таким образом, плотность населения играет важную роль в ограничении численности бездомных животных. Средние социально-экономические показатели городов представлены в табл. 5.

Таблица 4

Результаты расчетов по выявлению корреляционной связи между показателями численности бездомных собак и социально-экономическими показателями областных центров

Показатели численности бездомных собак	Социально-экономические показатели	V	Уравнение регрессии	R ²	F	Гомоскедастичность остатков	ЭКО	t-оценка ЭКО
Абсолютная численность бездомных собак, тыс. особей	Численность населения, тыс. чел.	0,63	$y = 0,01x - 0,37$	0,57	36,3	—		
	Площадь территории, кв. км	0,58	$y = 0,01x + 1,39$	0,26	9,29	—		
	Плотность населения, чел. на кв. км	0,46	$y = 0,005x + 20$	0,2	7,5	—		
	Рождаемость, промилле	0,19	$y = 2,4x - 21,2$	0,37	15,9	+	0,33	1,25
	Смертность, промилле	0,14	$y = -2,4x + 38,9$	0,15	4,7	—		
Относительная численность бездомных собак, особь на тыс. чел.	Относительный миграционный прирост, промилле	0,74	$y = -0,64x + 16$	0,18	5,8	—		
	Относительная численность детей в возрасте от 1 до 6 лет, промилле	0,18	$y = 0,46x - 22,9$	0,43	20	—	0,61	2,28
	Относительная численность населения в возрасте старше трудоспособного, промилле	0,2	$y = -0,11x + 0,34$	0,27	9,8	+	0,3	1,57
	Относительная численность детей в возрасте от 1 до 6 лет, промилле Относительный миграционный прирост, промилле	0,18 0,74	$y = -15,9 + 0,42x_1 - 0,43x_2$	0,5	13,2	+		

Таблица 5

Средние социально-экономические показатели
административных центров РФ на 01.01.2014

Группа городов	Площадь, кв. км	Численность населения, тыс. чел.	Плотность населения, чел. на кв. км	Рожда- емость, промилле	Смерт- ность, про- милле	Относи- тельный мигра- ционный прирост, промилле	Средняя зарботная плата, руб.
Все административные центры РФ	1295	492	379	13,32	11,30	7,21	32 773
Города, по которым имеются данные о чис- ленности безнадзорных собак	487	658	1349	13,37	11,78	8,88	31 305
Города с относитель- ной численностью бездомных собак, не зависящей от соци- ально-экономических показателей	200	436	2167	12,3	12,4	8.5	28 659

Источник данных: рассчитано по (Регионы... 2014).

Следует отметить, что административные центры, по которым имеются данные о численности безнадзорных собак, характеризуются высокой плотностью населения и большим относительным миграционным приростом по сравнению со средними показателями по всем административным центрам Российской Федерации.

Выводы

На основании полученных результатов можно сделать вывод о наличии связи относительной численности бездомных собак с некоторыми демографическими характеристиками горожан: относительной численностью детей в возрасте от 1 до 6 лет, относительной численностью населения в возрасте старше трудоспособного, плотностью населения, рождаемостью и относительным миграционным приростом. Корреляция плотности бездомных собак с социально-экономическими показателями городов требует дополнительного исследования на основе специальных выборочных обследований.

Положительная корреляция относительной численности бездомных собак с относительной численностью детей в возрасте от 1 года до 6 лет и рождаемостью подтверждает предположение о значительном влиянии на численность бездомных собак появления в семье детей. Обнаруженная связь объясняется наличием семейных приоритетов, отражающих приоритеты общества, в которых домашнее животное стоит на одном из последних мест. Часты случаи, когда молодая семья заводит животное, но затем, с появлением ребенка, избавляется от животного по различным причинам, самые частые из которых — агрессия животного к ребенку и аллергия.

Что касается отрицательной корреляции со смертностью, то, очевидно, случаи избавления от питомцев умерших хозяев встречаются не так часто и не оказывают существенного влияния на численность бездомных собак. Наблюдаемая на рис. 7 и 8 схожесть корреляционных полей относительной численности бездомных собак со смертностью и относительной численностью населения старшего возраста позволяет сделать вывод о значительной роли в формировании отрицательной корреляции такого фактора, как склонность пожилых людей подбирать брошенных животных.

Отрицательная корреляция относительной численности бездомных собак с миграционным приростом, скорее всего, объясняется тем, что положительный миграционный прирост характерен для

промышленных городов, в которых вопросу безнадзорности животных уделяется больше внимания. Таким образом, миграционный прирост здесь выступает не как фактор появления безнадзорных животных, а в качестве характеристики города. Кроме того, можно предположить, что производственные площади с кормовой базой (столовая, пищевые отходы) являются не только местом прикорма бездомных животных, но и местом их массового отлова.

Выявленная связь относительной численности бездомных собак с относительной численностью детей младшего возраста указывает на необходимость проведения, прежде всего, профилактических мер, направленных на повышение ответственности семей с детьми, молодых семей. Это может быть социальная реклама, размещаемая в СМИ, ориентированных на молодые семьи, в детских поликлиниках и других учреждениях, наиболее часто посещаемых молодыми родителями.

Оценка численности безнадзорных животных по социально-экономическим показателям представляется перспективной — ее применение позволит с минимальными трудозатратами сформировать и поддерживать в актуальном состоянии базу данных о численности бездомных собак в городах Российской Федерации.

Для решения проблемы безнадзорных животных на уровне домохозяйств необходимы разработка и поэтапное внедрение комплексной программы, направленной, прежде всего, на повышение ответственности и информированности населения. Регулярный учет количества бездомных животных может стать одним из важнейших инструментов такой программы.

Источники

- Березина Е. С.* Популяционная структура, особенности морфологии и поведения и роль домашних собак и кошек в распространении природно-очаговых инфекций в России: дис. д. биол. н.: 03.02.04: защищена 14.05.2015: утв. 27.10.2015. Омск, 2015.
- В Смоленской области примут закон о бродячих собаках // Смоленская газета. 2013. 25 января. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.smolgazeta.ru/events/11214-v-smolenskoj-oblasti-primut-zakon-o-brodyachix.html> (дата обращения: 01.03.2017).
- Верецагин А. О., Поярков А. Д.* Учет численности безнадзорных и бесхозяйных животных (собак) на территории г. Москвы, 2006 г. // Проблемы исследований домашней собаки. Материалы совещания. М.: ИПЭЭ им. А. Н. Северцова РАН, 2006. С. 95–114.

- Закон Иркутской области от 9 декабря 2013 г. № 109-ОЗ «Об отлове, транспортировке и передержке безнадзорных собак и кошек в Иркутской области» (с изменениями на 13.07.2016) // Законодательное собрание Иркутской области. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.irk.gov.ru/law/index.php?print=Y&PAGEN_1=2 (дата обращения: 02.06.2017).
- Закон Санкт-Петербурга «О безнадзорных животных в Санкт-Петербурге» (с изменениями на 1 июля 2015 г.). Принят Законодательным собранием Санкт-Петербурга 13 февраля 2008 года // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gov.spb.ru/law/?d&nd=8468807&nh=0> (дата обращения: 02.02.2017).
- Ивантер Э. В., Седова Н. А.* Экологический мониторинг группировок бездомных собак (на примере г. Петрозаводска) // Экология. 2008. № 2. С. 116–121.
- Как в сибирских регионах решают проблему бродячих животных // Вести Новосибирск. Россия, 1 канал. 2012. 1 августа. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nsktv.ru/news/city/kak_v_sibirskikh_regionakhreshayut_problemu_brodyachikh_zhivotnykh/ (дата обращения: 01.02.2017).
- Костицина Т.* Новости Асбеста: 700 тысяч потратили на отлов 15 бродячих собак // YSTAV.com. 2016. 7 ноября. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ystav.com/novosti-asbesta-700-tysyach-potratile-na-otlov-15-brodyachih-sobak> (дата обращения: 01.02.2017).
- Круглый стол «Кому и зачем нужны мифы о безнадзорных животных? Ищем пути решения социального конфликта»: Пресс-клуб «Зеленая лампа» от 21.02.2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.greenlamp.spb.ru/2011/02/21> (дата обращения: 01.02.2017).
- Надежкина Е.* Прекратите незаконную практику убийств животных в Краснодаре! Петиция. 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.change.org/p/руководителю-следственного-управления-прекратите-незаконную-практику-убийств-животных-в-краснодаре> (дата обращения: 01.02.2017).
- Нодельман В.* Госконтракт на убийство // Известия. 2016. 25 октября. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/639772> (дата обращения: 01.02.2017).
- Поярков А. Д., Верещагин А. О., Богомолов П. Л.* Исследование популяции бездомных собак (*canis familiaris*) на территории Москвы. Сообщение 1 // Зоологический журнал. 2011. Т. 90. № 4. С. 498–504.
- Поярков А. Д., Верещагин А. О., Богомолов П. Л.* Исследование популяции бездомных собак (*canis familiaris*) на территории Москвы. Сообщение 2 // Зоологический журнал. 2011. Т. 90. № 6. С. 724–732.
- Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов — 2014 г. / Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_14t/Main.htm (дата обращения: 01.02.2017).

Рыбалко В. А. Обзор мирового опыта в решении проблемы бездомных животных // Ветеринарная патология. 2006. № 2 (17). С. 12–18.

Рыбалко В. А. Учет безнадзорных собак в г. Петрозаводске. Оценка многолетней динамики численности // Сайт Владимира Рыбалко. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://feralan.narod.ru/petrozavodsk.html> (дата обращения: 01.02.2017).

Седова Н. А. Экологический анализ ситуации с безнадзорными собаками на примере Карелии // Ветеринарная патология. 2007. № 3. С. 124–129.

Трофимова Т. И. Демографические и миграционные процессы современного общества // Известия ИГЭА. 2007. № 2 (52). С. 110–113.

К. С. Дивисенко, О. В. Дивисенко

СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОСТИ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹

В статье на материале анкетного опроса рассматривается связь религиозного поведения с такими индикаторами социального измерения религиозности, как наличие знакомых в церковной общине, динамика социальных контактов верующих, социальные установки по отношению к представителям других религий, конфессий и деноминаций. Проведен межконфессиональный анализ церковной жизни православных и протестантов. Результаты демонстрируют существенные различия в социальном измерении религиозности относительно конфессиональной принадлежности верующих и степени их воцерковленности.

Ключевые слова: социология религии, православие, протестантизм, воцерковленность, религиозная община.

В современной отечественной социологии религии до недавнего времени основное внимание уделялось анализу динамики религиозной жизни, изучению качественных изменений в религиозном сознании и поведении, а также методологическим проблемам (Смирнов 2011: 28–30). Заметим, что в эмпирических исследованиях фокус внимания был смещен в сторону анализа индивидуальной духовности и религиозности (М. П. Мchedлов, Д. Е. Фурман, В. Ф. Чеснокова, Ю. Ю. Синелина и др.). Интерес исследователей к этому проблемному полю объясняется как поиском релевантного методического инструментария, позволяющего измерить уровень религиозности, так и попытками понимания и объяснения процессов социокультурных трансформаций, коснувшихся религиозной сферы жизни современного российского общества.

Определенные изменения произошли в последние годы: появился ряд работ, посвященных изучению религиозных (приходских) общин. Если для зарубежной социологии изучение конгрегаций стало уже традиционным направлением (Орешина 2014: 106), то российская социология религии, обратившаяся к этой малоизученной в отечественной науке теме, находится в самом начале пути, который осложняется

¹ Статья подготовлена в рамках реализации научно-исследовательского проекта «Жизненный мир верующих: теоретико-методологические аспекты исследования индивидуальной духовности и религиозности» (Грант Президента РФ. Конкурс 2015 года по государственной поддержке молодых российских ученых — кандидатов наук. № МК-6693.2015.6).

еще и тем, что не все предложенные подходы и модели могут быть использованы в силу наличия принципиальных различий в церковном устройстве и отсутствия общего культурного и исторического контекста. В отдельных исследованиях обсуждаются вопросы методологии исследования церковных общин (Забаев, Пруцкова 2012а; Орешина 2014; Подлесная 2014а), анализируются факторы формирования и функционирования общины (Забаев, Пруцкова 2012б; Подлесная 2014б), изучается роль общины в социальной работе и преодолении социальной эксклюзии (Подлесная, Мельникова 2015; Орешина 2016). Следует заметить, что в отечественных исследованиях как индивидуальной религиозности, так и конгрегаций, как правило, выносятся за скобки социальное (общинное) измерение религиозности, характеризующее степень включенности индивида в жизнь той социальной или религиозной группы, к которой он принадлежит.

В американской социологии изучение общинного измерения берет свое начало в многомерном подходе к религиозности (Glock 1962; Фолкнер 2011). Так, анализ социальных компонентов религиозности предполагается в различных методиках: Религиозная ориентация и вовлеченность (Religious Orientation and Involvement) (Hill 1999: 330–333); Религиозные переменные (Religious Variables) (King, Hunt 1972); Шкалы психологического климата в общине (Congregation Climate Scales) (Pargament, Silverman, Johnson et al. 1983).

В наиболее развернутом виде социальное измерение религиозности («церковная вовлеченность») представлено в методике Religious Involvement Inventory (RII) (Hilty, Morgan 1985). Это измерение показывает степень социальной вовлеченности в религиозную общину (церковь), ее финансовую поддержку и отношение к начинаниям и мероприятиям, проводимым под эгидой церкви. Данная шкала состоит из 14 пунктов, которые касаются наличия друзей в общине, размера и частоты пожертвований, регулярности участия в евхаристии и собраниях общины, а также оценки и удовлетворенности собственной активностью и включенностью в церковную жизнь.

Еще один пример изучения общинного измерения религиозности — исследование католических приходов Д. Лиджа, проведенное университетом Нотр-Дам в 1981–1988 гг. (подробнее см. (Орешина 2010)). Результаты свидетельствовали о том, что на привязанность верующих к общине в большей мере влияло социальное взаимодействие в приходе, нежели социально-демографические характеристики верующих и их участие в богослужебных практиках.

В отдельных отечественных эмпирических исследованиях также уделяется внимание социальному и общинному измерению религиозности. В частности, С. В. Рязанова изучала влияние религиозного окружения верующих женщин различной религиозной принадлежности на способы выражения ими религиозной идентичности (Рязанова 2011). В изучении церковной общины в малом городе П. В. Врублевской осуществлялся поиск индикаторов принадлежности человека к церковной общине (Врублевская 2015). Показано, что для определения степени вовлеченности православного верующего в общину большое значение имеют как степень близости отношений с единоверцами, так и отношения прихожан со священником во внебогослужебной практике, стаж пребывания в общине, близость места проживания к церкви.

Включенность в жизнь церковной общины является не только одним из важных индикаторов религиозности, но и фактором, оказывающим значимое влияние на социально-психологическое самочувствие верующих. Так, в исследованиях качества жизни эмпирически подтверждается влияние религиозности на оценку людьми собственной жизни (WHOQOL SRPB Group 2006). Однако связь между религиозностью и субъективным благополучием может быть не непосредственной, а зависящей от ряда других факторов — так называемых «медиаторов благополучия» (Holt, Clark, Wang et al. 2014; Joshanloo, Daemi 2015). Результаты различных исследований показывают, что одним из таких медиаторов оказывается включенность индивида в жизнь общины: участие в различного рода служениях, чувство принадлежности и востребованности, социальные связи внутри общины. Эти компоненты, сопровождающие церковную жизнь, помогают верующим преодолевать отрицательные эмоции и чувства. Это обстоятельство определяет необходимость контролировать в эмпирических исследованиях религиозности уровень включенности индивида в жизнь общины для выявления влияния как собственно религиозных факторов, так и социально-психологических.

Уточнение индикаторов включенности индивида в жизнь церковной общины², а также определение межконфессиональных особенно-

² В настоящей статье мы используем понятие «церковная община» как наиболее подходящее (универсальное) для межконфессионального исследования, но для каждой конфессии имеются особенности в его содержании. В случае православия под «церковной общиной» понимается приход, т. е. верующие люди, постоянные прихожане того или иного храма. При этом у больших храмов (соборов) может быть несколько общин

стей социального измерения церковной жизни стали одними из основных задач в нашем изучении жизненного мира верующих³. На первом этапе эмпирического исследования были проведены интервью с верующими людьми, а на втором — анкетный опрос. Качественные данные позволили понять особенности и своеобразие церковной жизни верующих для разработки и уточнения отдельных индикаторов и формулировок анкеты. В общинном измерении религиозности нами были выделены следующие компоненты: включенность во внебогослужебную жизнь общины⁴, социальные связи с верующими внутри и вне своей группы, а также социальные установки по отношению к представителям других религий, конфессий и деноминаций.

Методы и данные

Воцерковленность как «добровольное признание человеком влияния Церкви через усвоение себе установленного в ней образа жизни и образа мыслей» (Чеснокова 2004: 18) мы рассматриваем в качестве синонима понятию «религиозность» и измеряем ее по переменным, характеризующим религиозное поведение. Для выявления степени воцерковленности в православной группе верующих были использованы пять пятибалльных шкал, входящих в В-индекс (методика В. Ф. Чесноковой): частота посещения храма, частота участия в таинстве причастия, регулярность чтения текстов Священного Писания, регулярность молитвы, соблюдение церковного поста (Чеснокова 2004: 19).

Используя предложенный нами ранее принцип «числа сильных ответов» (Дивисенко 2016), мы разбили массив православных на две подгруппы: сильную ($n = 104$) и слабую ($n = 50$). В первую группу были объединены респонденты, у которых число переменных В-индекса с максимальным значением (5 баллов) составляет не менее трех, а во вторую — все оставшиеся случаи. У представителей сильной и слабой под-

(пересекающихся или не пересекающихся множеств людей), которые сформировались вокруг того или иного священника или определенного «общего дела» — социального служения, паломнических поездок и т. п. В протестантском и евангельском сообществе «церковная община» подразумевает всех членов церкви, регулярно посещающих собрания.

³ Эмпирическое исследование проведено в рамках проекта РГНФ «Религиозные знания, убеждения и практики в жизненном мире: межконфессиональные особенности (православие и протестантизм)», проект № 11–33–00381a2.

⁴ Основные результаты представлены в (Дивисенко, Белов, Тупахина 2013).

групп верующих значимо различаются не только отдельные компоненты религиозного сознания (знания и убеждения), но также ценностные ориентации и уровень субъективного благополучия (там же).

Данные получены в рамках анкетного опроса, проведенного в 2013 г. в Санкт-Петербурге. Целевая выборка предполагала опрос верующих людей: православных христиан и протестантов (представителей евангельского сообщества), которые не только лишь идентифицируют себя с той или иной конфессией, но и являются практикующими верующими. В анкетировании были использованы как бумажные анкеты, так и электронные, что незначительно расширило географию исследования (были получены анкеты от людей, проживающих за пределами Петербурга). Всего в исследовании приняло участие 222 респондента (154 православных верующих и 68 респондентов, принадлежащих к протестантским или евангельским общинам). Основные социально-демографические характеристики респондентов приведены в табл. 1.

Таблица 1

Социально-демографические характеристики респондентов

	Православие		Протестантизм, n = 68
	Сильная группа, n = 104	Слабая группа, n = 50	
Пол (абс. число)			
Женский	74	39	34
Мужской	30	11	34
Средний возраст (число лет / станд. откл.)			
Женщины	40,2 / 14,9	38,0 / 10,3	35,8 / 11,1
Мужчины	39,1 / 15,0	37,1 / 10,3	33,0 / 11,2
Все	42,8 / 14,6	41,3 / 9,9	38,7 / 10,3
Семейное положение (в %)			
не замужем	34,6	28,0	33,3
незарегистрированный брак	1,0	4,0	0,0
зарегистрированный брак	54,8	56,0	60,3
разведен(а)	4,8	12,0	6,3
вдова / вдовец	4,8	0,0	0,0
Наличие детей (в %)	52,0	54,0	47,6

Продолжение табл. 1

Уровень светского образования (в %):			
общее или полное среднее	4,8	6,0	6,0
средне-специальное	2,9	22,0	23,4
неполное высшее	7,7	12,0	9,4
высшее	79,8	56,0	43,8
ученая степень	4,8	4,0	17,2
Место проживания (в %)			
Санкт-Петербург	86,5	80,7	84,8
Ленинградская область	0,7	4,8	1,9
Другие регионы РФ	12,8	14,5	13,3

Отметим, что группа «протестанты» представлена преимущественно евангельскими христианами-баптистами (ЕХБ), христианами веры евангельской (ХВЕ) и евангельскими христианами (ЕХ) (54%). Статистически значимых различий по возрасту, числу лет после первого причастия и числу лет после крещения не обнаружено. Значимые различия по полу наблюдаются между православными и протестантами ($\phi = 0,337$; $p = 0,000$)⁵, а в сильной и слабой группах православных — по уровню образования ($\tau-b = 0,239$; $p = 0,004$).

Объем выборки позволяет проанализировать социальные установки и отношения верующих в зависимости от их конфессиональной принадлежности (православие и протестантизм) и степени воцерковленности (сильная и слабая группа православных).

Результаты

Вначале рассмотрим различия в ответах, касающихся социальных отношений внутри церковной общины. В исследовании задавался вопрос об оценке количества людей, которых респондент знает по имени в своей общине, и предлагалось три варианта ответа: «никого не знаю», «знаю немногих» и «знаю почти всех». Выбор одного из двух последних вариантов предполагал, что респонденты также укажут приблизительное число знакомых (табл. 2).

⁵ Здесь и далее ϕ — точный тест Фишера; F — F-критерий Фишера; $\tau-b$ — коэффициент корреляции Кендалла; r — коэффициент корреляции Пирсона; V — коэффициент Крамера; p — уровень статистической значимости.

Таблица 2

Относительное число знакомых среди членов религиозной общины, %

	«Сколько приблизительно людей Вы знаете по имени в Вашей общине?»		
	«никого не знаю»	«знаю немногих»	«знаю почти всех»
Православные (сильная группа)	5	77	18
Православные (слабая группа)	26	66	8
Протестанты	0	44	56

Относительно числа знакомых значимые различия наблюдаются при сопоставлении как православных (в целом) и протестантов, так и внутри православных (слабая и сильная группа), а также относительно всех трех групп верующих ($V = 0,439$, $p = 0,000$; $V = 0,378$, $p = 0,000$ и $V = 0,321$, $p = 0,000$ соответственно). Более половины протестантов (56%) знают в своих общинах почти всех членов. Не знать никого по имени среди прихожан храма в большей мере свойственно слабой группе православных верующих (четверть опрошенных). Доминирование варианта ответа «знаю немногих» (77%) у православных, в отличие от протестантов (44%), связано с тем, что приходы Православной церкви значительно больше и само устройство церковной жизни не предполагает членства, необходимости знакомства. «Знать всех» возможно только в относительно небольших православных общинах либо в отдельных приходах со старым «костяком» и устоявшимся составом прихожан.

В табл. 3 приведено распределение абсолютного числа знакомых у выбравших вариант ответа «знаю немногих».

Таблица 3

Распределение абсолютного числа знакомых среди членов религиозной общины, %

	Число знакомых (для выбравших вариант ответа «знаю немногих»)					
	до 5	6–10	11–20	21–30	31–50	более 50
Православные (сильная группа)	18	22	21	15	17	7
Православные (слабая группа)	44	27	12	9	9	0
Протестанты	0	10	13	20	37	20

Можно заметить, что абсолютное число «немногих» знакомых выше для протестантов: знают по имени более 20 человек в своей общине 39 % православных (сильная группа), 18 % представителей слабой группы и 77 % протестантов. Это распределение свидетельствует не столько о различиях в размере общин, сколько о большей включенности протестантов в общину, чем даже представителей сильной группы православных.

Второй вопрос был направлен на выявление более тесных социальных отношений с членами общины, чем простое знакомство. В табл. 4 представлено распределение ответов на вопрос: «Поддерживаете ли Вы дружеские отношения с прихожанами храма (с членами Вашей общины)⁶?» Варианты ответов: «да, это основной круг моих друзей и знакомых», «да, среди них есть мои друзья и знакомые», «нет, не поддерживаю» и «затрудняюсь ответить».

Таблица 4

Наличие дружеских отношений с членами религиозной общины, %

	Поддерживаете ли Вы дружеские отношения с прихожанами храма (с членами Вашей общины)?			
	да, это основной круг моих друзей и знакомых	да, среди них есть мои друзья и знакомые	нет, не поддерживаю	затрудняюсь ответить
Православные (сильная группа)	14	57	15	14
Православные (слабая группа)	8	47	33	12
Протестанты	43	51	2	4

Значимые различия в ответах на этот вопрос касаются не только конфессиональной принадлежности ($V = 0,376$, $p = 0,000$), но и степени религиозности ($V = 0,221$, $p = 0,044$). Ответы респондентов-протестантов сосредоточились преимущественно вокруг двух вариантов ответа: для 43% респондентов члены их общин являются основным кругом друзей, а 51% согласились с утверждением о наличии у них друзей и знакомых в их церкви. В слабой группе православных треть ре-

⁶ Здесь и далее в скобках указан вариант для протестантов.

спондентов не поддерживает отношений с членами общины, при этом почти половина в этой группе (47%) имеют знакомых и друзей из храма, в который они ходят. Для сильной группы православных оказался наиболее свойственным выбор варианта «среди них есть мои друзья и знакомые» (57%).

В третьем вопросе мы постарались понять, насколько, по мнению респондентов, изменился круг их общения по мере воцерковления. В ответ была заложена матрица 2×2 с двумя измерениями: появление новых друзей и сохранение старых знакомств. Заметим, что этот прямой вопрос не отражает в полной мере динамику социальных связей: из-за небольшой выборки мы не можем проконтролировать стаж воцерковления, возраст респондентов и другие объективные характеристики, способные оказать значимое влияние на изменение круга общения верующего. Тем не менее этот вопрос о самооценке все же может отразить некоторую тенденцию (см. рис. 1).

Значимые различия в ответах на вопрос о круге общения касаются конфессиональной принадлежности и степени религиозности ($V =$

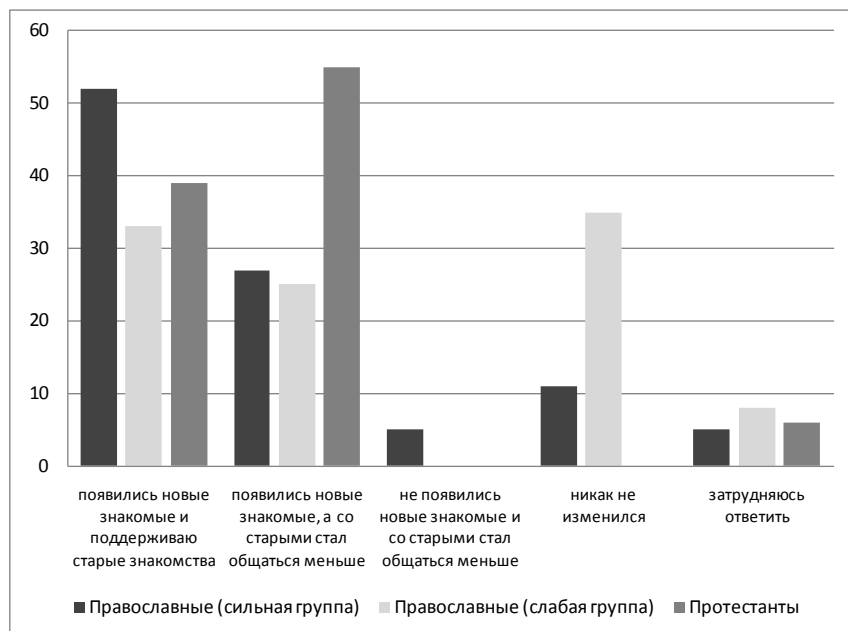

Рис. 1. Самооценка изменения круга общения, %

0,334, $p = 0,000$ и $V = 0,328$, $p = 0,002$). Так, для 52% представителей сильной группы православных воцерковление способствовало расширению круга общения, то есть появлению новых дружеских связей при сохранении старых, а 27% в этой группе стали общаться со старыми знакомыми меньше. Только 39% протестантов с приходом в церковь расширили круг знакомств, а 55% приобрели новые знакомства с утратой прежних социальных связей. Около трети представителей слабой группы православных (35%) отметили, что их круг общения не изменился, т. е. воцерковление происходило без вхождения в общину. Еще одна треть респондентов из этой группы отметила также и расширение круга знакомств.

Вопрос анкеты об изменении круга общения сопровождался вопросом о самооценке влияния религиозных убеждений на различные аспекты собственной жизни, в частности, на круг общения (ответ предполагал возможность выбора нескольких вариантов).

Как видно из табл. 5, 83% протестантов и 72% православных из сильной группы отметили, что в настоящее время их религиозные убеждения влияют на круг общения, в то время как с этим согласились только 44% православных из слабой группы. Эта же тенденция прослеживается при оценке влияния убеждений на круг общения в прошлом. Непризнание и отрицание этого влияния оказались более свойственными слабой группе православных. Таким образом, ответы респондентов показывают, что воцерковление так или иначе затрагивает социальные связи верующего: расширяя их за счет новых знакомств либо качественно меняя имеющийся круг.

Таблица 5

Самооценка влияния религиозных убеждений на круг общения, %

	Прошлое	Настоящее	Будущее	Нет	Сложно сказать
Православные (сильная группа)	31	72	17	16	3
Православные (слабая группа)	26	44	12	32	10
Протестанты	45	83	25	2	3

Удовлетворенность отношениями в религиозной общине, наряду с другими сторонами жизни, является важным когнитивным компонентом субъективного благополучия верующих. Респондентам предлагалась следующая формулировка вопроса: «В какой мере Вы удовлетворены следующими сторонами Вашей жизни?» Варианты ответов были закрыты в список, состоящий из 14 пунктов. Степень своего согласия относительно каждого пункта необходимо было выразить по шкале с пятью градациями от «совсем не удовлетворен(а)» до «вполне удовлетворен(а)» (более подробно о результатах см. (Дивисенко, Дивисенко 2017)). По всему массиву в среднем степень удовлетворенности отношениями в церковной общине несколько ниже, чем удовлетворенность отношениями с людьми своего и противоположного пола, духовенством храма (руководителями церкви), жизнью в целом, отношениями в семье. Обращает на себя внимание то, что оценка удовлетворенности отношениями в религиозной общине в сильной группе православных и протестантов приблизительно одинакова (табл. 6). Дисперсионный анализ (ANOVA) показал, что у слабой группы православных среднее значение по этому пункту достоверно ниже ($F = 13,85$; $p = 0,000$), чем у двух других групп.

Таблица 6

Удовлетворенность отношениями в религиозной общине, баллы

	Среднее значение	Стандартное отклонение
Православные (сильная группа)	4,09	0,90
Православные (слабая группа)	3,24	1,25
Протестанты	4,03	0,78
Все респонденты	3,88	1,02

Уровень эмоционального комфорта замерялся по десятибалльной шкале в ответах на вопрос: «Насколько комфортно Вы ощущаете себя в Вашей общине?» Удовлетворенность отношениями в церковной общине сопровождается у верующих ощущением комфорта ($r = 0,612$; $p = 0,000$). Аналогично предыдущему показателю, ощущение комфорта в общине достоверно ниже у представителей слабой группы православных ($F = 15,36$; $p = 0,000$) (см. табл. 7).

Таблица 7

Эмоциональный комфорт в религиозной общине, баллы

	Среднее значение	Стандартное отклонение
Православные (сильная группа)	8,05	2,10
Православные (слабая группа)	6,36	2,58
Протестанты	8,47	1,74
Все респонденты	7,78	2,26

Для оценки вовлеченности во внебогослужебную жизнь общины в анкету был включен вопрос о частоте пожертвований на содержание храма (на церковные нужды) (рис. 2).

Оказалось, что 62% православных, принадлежащих к сильной группе, и 56% протестантов жертвуют на церковные нужды от раза

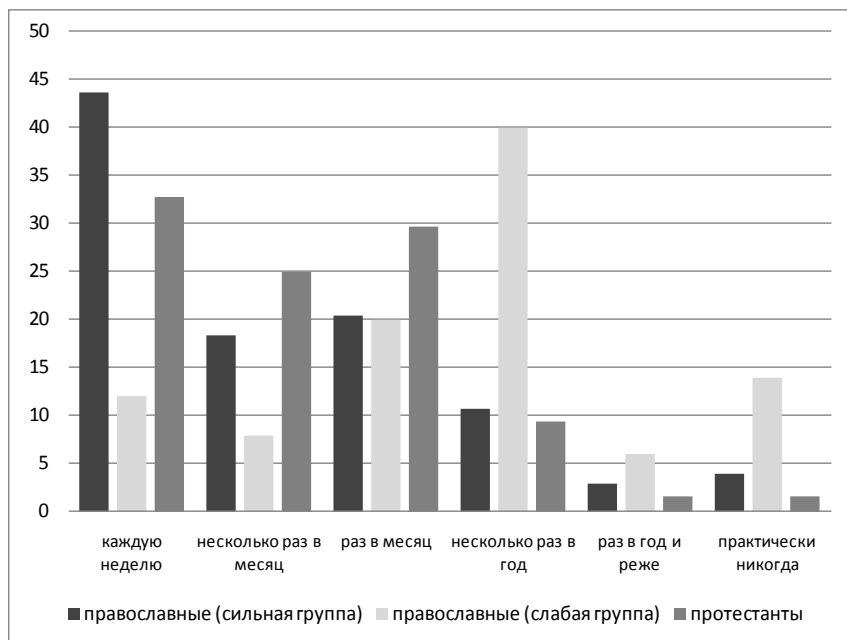

Рис. 2. Частота пожертвований на церковные нужды, %

в неделю до нескольких раз в месяц. Аналогичная частота характерна только для 20% слабой группы православных. Заметим, что данная переменная тесно соотносится с другими индикаторами, характеризующими религиозное поведение, такими как частота хождения в церковь ($r = 0,501$; $p = 0,000$), соблюдение поста ($r = 0,438$; $p = 0,000$), частота причастия ($r = 0,331$; $p = 0,000$), регулярность чтения Библии ($r = 0,292$; $p = 0,000$) и домашней молитвы ($r = 0,260$; $p = 0,000$). Однако при контроле показателя посещения церкви у православных корреляция частоты пожертвований остается только с соблюдением церковного поста ($r = 0,243$; $p = 0,003$). Это обнаружение свидетельствует о том, что показатель частоты пожертвований на церковь характеризует не только лояльность и поддержку, но и включенности в жизнь общины. Благодаря наличию связи с переменной, отражающей соблюдение поста, этот показатель может быть интерпретирован как один из компонентов, характеризующих практическую религиозность.

В нашем исследовании респондентам задавались вопросы, касающиеся не только социальных связей внутри общины, но и наличия таких связей с представителями инославия⁷, других религий и нерелигиозных людей. В вопросе «Сколько у Вас друзей или хорошо знакомых людей среди представителей перечисленных ниже групп?» для ответа предлагался закрытый список, состоящий из 12 наименований групп. Эти группы могут быть объединены в четыре кластера: атеисты, представители нехристианских религий (иудаизм, ислам, восточные религии), христианство (католики, православные, старообрядцы, лютеране, ЕХБ, ХВЕ, харизматы), свидетели Иеговы. В ответе на этот вопрос обращает на себя внимание, что статистически значимых различий между представителями сильной и слабой групп православных при ответе на этот вопрос не обнаружено. Распределение ответов православных и протестантов отражено в табл. 8 и 9 (строки упорядочены по второму столбцу).

Значимые различия в количестве личных знакомств в межконфессиональном ракурсе касаются только православных, лютеран, ЕХБ, ХВЕ, харизматов: православные и протестанты поддерживают в большей мере знакомство с представителями собственного сообщества.

⁷ Термин «инославие» мы заимствуем из православного богословия, где он используется для обозначения христианских церквей, не состоящих в литургическом общении с православием.

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос о наличии знакомых, православные, %

	Нет ни друзей, ни знакомых	Небольшое количество знакомых или друзей	Основной круг друзей и знакомых	Затруднились ответить
Православные	1	14	84	2
Атеисты	9	52	21	19
Мусульмане	39	53	1	7
Католики	46	41	3	10
Иудеи	56	30	1	14
Представители восточных религий	64	29	0	7
Лютеране	66	21	1	11
Евангельские христиане баптисты	73	18	1	8
Христиане веры евангельской	77	13	0	10
Старообрядцы	80	14	0	7
Харизматы	87	7	0	6
Свидетели Иеговы	88	8	0	4

Таблица 9

Распределение ответов на вопрос о наличии знакомых, протестанты, %

	Нет ни друзей, ни знакомых	Небольшое количество знакомых или друзей	Основной круг друзей и знакомых	Затруднились ответить
Православные	0	77	19	5
Евангельские христиане баптисты	5	33	61	2
Христиане веры евангельской	5	36	56	3
Атеисты	10	66	13	11
Харизматы	13	51	27	10

Лютеране	31	55	6	8
Католики	36	52	0	13
Иудеи	39	48	2	11
Мусульмане	53	39	2	6
Представители восточных религий	70	19	2	9
Старообрядцы	81	6	0	13
Свидетели Иеговы	84	9	0	6

Аналогичный список групп верующих предлагался в вопросе, касающемся социальных установок респондентов по отношению к представителям инославия и других религий, а также атеистам: «С кем бы Вы не хотели иметь контактов в повседневном общении?» (варианты ответа: «не хотел бы контактировать», «трудно сказать», «ничего против общения не имею»). Значимые различия в готовности контактировать с различными группами верующих выявлены только в межконфессиональном срезе. Они касаются следующих групп: харизматы ($V = 0,520$; $p = 0,000$), ХВЕ ($V = 0,514$; $p = 0,000$), ЕХБ ($V = 0,502$; $p = 0,000$), свидетели Иеговы ($V = 0,350$; $p = 0,000$), иудеи ($V = 0,293$; $p = 0,003$), лютеране ($V = 0,259$; $p = 0,001$), католики ($V = 0,210$; $p = 0,008$), атеисты ($V = 0,169$; $p = 0,047$). Во всех случаях уровень готовности контактировать у православных ниже. Отношение православных и протестантов к представителям других религий, конфессий / деноминаций представлено на двух диаграммах (рис. 3, 4).

Для православных наиболее близкими оказались представители христианства, которые присутствуют в российском обществе уже несколько веков: католики, старообрядцы, лютеране (собственно протестанты). Представители евангельского сообщества (ХВЕ, ЕХБ, харизматы) сгруппированы в отдельное образование. Последователи восточных религий, а также мусульмане, иудеи и атеисты образовали самостоятельную группу.

Иная картина наблюдается у представителей протестантизма. Точки, отмечающие нахождение ХВЕ и ЕХБ на координатной плоскости, почти совпали, так как основная часть респондентов являются представителями именно этих церквей. Вокруг них наблюдается группирование христиан вне зависимости от конфессии и деноминации. К этой христианской группе наиболее близко расположены иудеи. Как у православных, так и у протестантов на периферию вынесены свидетели Иеговы.

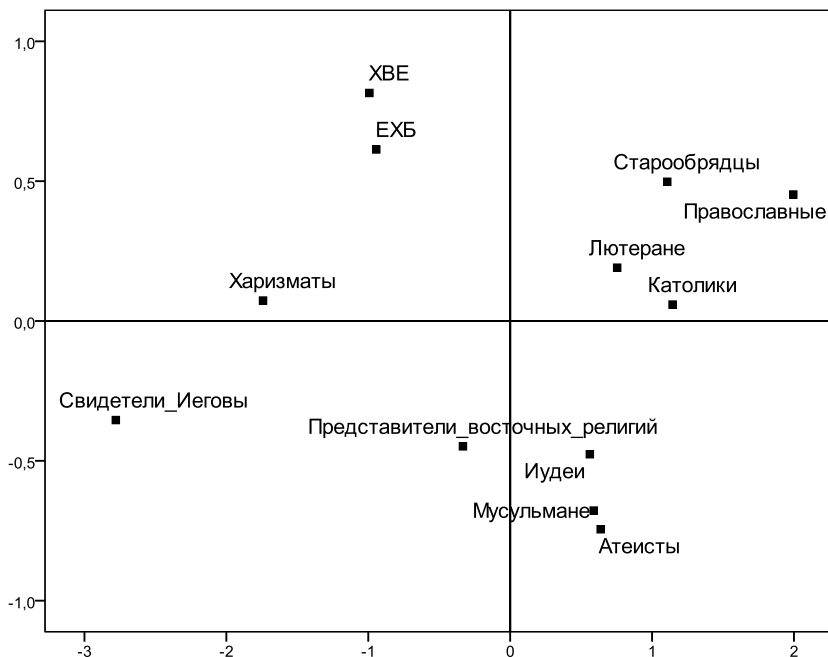

Рис. 3. Результаты многомерного шкалирования, православные

Обсуждение результатов и заключение

Проведенный анализ продемонстрировал существенные различия в религиозной жизни верующих, связанные с социальными отношениями внутри и вне общины. Значимыми факторами этих различий оказались как конфессиональная принадлежность, так и степень воцерковленности (религиозности), которые сопряжены с наличием социального капитала и определенных социальных установок.

Обнаруженные различия в православной группе респондентов свидетельствуют в пользу тезиса о том, что православные как социальная группа представляют собой неоднородное явление. Эту особенность необходимо учитывать при проведении исследований и выборе валидного методического инструментария, который смог бы выявить строго религиозный тип верующих, а не детерминированный культурой тип православного вероисповедания.

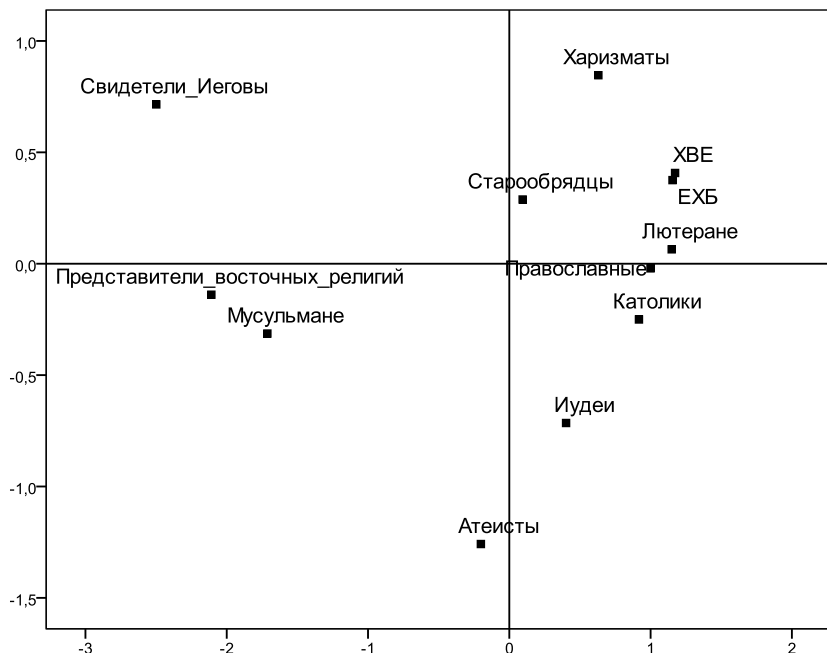

Рис. 4. Результаты многомерного шкалирования, протестанты

Идентификация индивида с православием в отечественном религиозном контексте не ведет с необходимостью к принципиальным изменениям образа жизни и образа мыслей в соответствии с религиозным вероучением. Наглядным тому примером в нашем исследовании является слабая группа православных верующих, выделенная по критерию религиозного поведения. Как показано в наших предыдущих публикациях, более редкое участие в таинствах церкви у представителей этой группы сопровождается абберациями в религиозных знаниях и убеждениях, низкой значимостью христианских ценностей, меньшей степенью удовлетворенности жизнью, а также и невключенностью в жизнь общины. Фиксация корреляции этих характеристик и отсутствие взаимосвязи с другими независимыми переменными не дает возможности однозначно ответить на вопрос, что представляет собой эта группа верующих. Воцерковление для них только началось, и эта группа является потенциалом для роста Православной церкви; либо их воцерковление уже закончилось, и поэтому дальнейшего духовного

роста не ожидается? Чем обусловлен относительно низкий уровень их субъективного благополучия: собственно религиозными факторами либо личностными особенностями, социально-психологическими, экономическими причинами или борьбой противоположных устремлений, направленных как на «горнее», так и на «дольнее»? Очевидно, что получение ответов на эти вопросы требует отдельного исследования, не только количественного, но и качественного типа.

Вовлеченность представителей сильной группы православных верующих заключается не только в более глубоком участии в богослужбной стороне церковной жизни, но и в активности в различных социальных служениях внутри и вне прихода. Они включены в общинную жизнь, имеют каноническое сознание, ценности, у них выше уровень субъективного благополучия, как в когнитивном плане, так и в эмоциональном. Можно утверждать, что эта группа верующих относится к строго религиозному типу и составляет «ядро православия» (Синелина 2012: 81). Однако для этой группы верующих требуется изучение не только корреляции, но и «каузации» — причинно-следственных связей, факторов, определяющих status quo данной социальной группы.

По рассматриваемым нами характеристикам сильная группа православных достаточно близка протестантам. Стоит также отметить, что и сам протестантизм как по вероучению, так и устроению церковной жизни является достаточно разнообразным явлением. Однако протестантизм и евангельские церкви в России объединяет статус чужака в общественном сознании. Быть протестантом при достаточно высоком уровне интолерантности в обществе — своего рода исповедничество, которое оказывает влияние на социальные и психологические особенности верующих. Этим обстоятельством вполне может объясняться динамика социальных контактов и наличие определенных социальных установок. Для этой группы верующих община, помимо всего прочего, выполняет значимую социальную функцию — в среде единомышленников легче переживаются инаковость и чуждость. В силу этого у протестантов на другом основании, чем у православных, строятся социальные установки по отношению к другим религиям: главной для них оказывается мировоззренческая близость, в то время как для православных на первый план выступает традиционность. Заметим, что именно эта культурная ценность объединила представителей двух православных групп. Вероятно, эти различия определяются также и социальными факторами: православные, как правило, имеют

мало контактов с представителями других конфессий и слабо знакомы с особенностями вероучения и религиозных практик инославных.

В заключение отметим, что экстраполяция полученных результатов достаточно ограничена в силу не только целевого характера выборки (верующие большого города), но и наличия небольшого сдвига выборки в сторону респондентов, имеющих высшее образование. Тем не менее проведенное исследование, носящее преимущественно разведывательный характер, показало существенные различия в социальном измерении индивидуальной религиозности, которые важно учитывать при компаративном изучении конфессий.

Источники

- Врублевская П. В.* Исследуя церковную общину в малом городе: роль священника и другие аспекты православной общинности // *Laboratorium*. 2015. № 3. С. 129–144.
- Дивисенко К. С.* Тесным путем и в нужном направлении: проблема выявления сильной группы православных верующих // *Социологические исследования*. 2016. № 10. С. 128–138.
- Дивисенко К. С., Белов А. Э., Тупахина О. В.* Межконфессиональные особенности практической составляющей структуры религиозного жизненного мира // *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*. 2013. № 6. С. 30–35.
- Дивисенко К. С., Дивисенко О. В.* Влияние конфессиональной принадлежности и воцерковленности на удовлетворенность жизнью верующих // *Вестник СПбГУ. Социология*. 2017. Т. 10. Вып. 1. С. 99–114.
- Забавев И. В., Пруцкова Е. В.* Община православного храма: пространственная локализация и факторы формирования (на примере г. Москвы) // *Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение*. 2012b. Вып. 3 (41). С. 57–67.
- Забавев И. В., Пруцкова Е. В.* Понятие сети в социальных науках. Попытка его использования для изучения приходской жизни в начале XXI в. // *IV Всероссийский социологический конгресс*. Уфа, 2012a. С. 4732–4739.
- Орешина Д. А.* «Партнерский приход»: сотрудничество священнослужителей и мирян как фактор развития социальной деятельности в современных приходах Русской православной церкви // *Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение*. 2016. Вып. 5 (67). С. 99–120.
- Орешина Д. А.* Изучение приходских общин в социологии: контексты исследования и основные подходы к концептуализации // *Социология*. 4М. 2014. № 39. С. 99–126.
- Орешина Д. А.* Католический приход во второй половине XX века: факторы формирования приходской общины. Материалы семинара «Социология

- религии». Серия: Проблемы организации церковных общин. Международная практика. М: ПСТГУ, 2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://socrel.pstgu.ru/wp-content/uploads/2013/09/WP_2010-03.pdf (дата обращения: 24.11.2016).
- Подлесная М. А.* Модели приходов Русской православной церкви и способы их связи с окружающей средой // Социологическая наука и социальная практика. 2014b. № 3. С. 104–118.
- Подлесная М. А.* Особенности сетевого и нишевого подходов в изучении православного прихода в России и за рубежом // Вестник Института социологии. 2014a. № 11. С. 93–105.
- Подлесная М. А., Мельникова В. В.* Религиозная община в жизни инвалидов // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 145–151.
- Рязанова С. В.* Религиозное окружение верующих женщин как фактор формирования и реализации конфессиональных представлений // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2011. № 3–4. С. 446–450.
- Синелина Ю. Ю.* Насколько православны наши православные // Журнал Московской Патриархии. 2012. № 8. С. 78–81.
- Смирнов М. Ю.* Социология религии: Словарь. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2011.
- Фолкнер Д., Де Йонг Г.* Религиозность в пяти измерениях: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2011. № 12. С. 69–77.
- Чеснокова В. Ф.* Тесным путем: Процесс воцерковления населения России в конце XX века. М.: Академический проект, 2005.
- Glock Ch. Y.* On the study of religious commitment // Religious Education: The official journal of the Religious Education Association. 1962. V. 57. P. 98–110.
- Hill P. C., Hood R. W.* Measures of religiosity. Birmingham, Alabama: Religious Education Press, 1999.
- Hilty D. M., Morgan R. L.* Construct validation for the Religious Involvement Inventory: Replication // Journal for the Scientific Study of Religion. 1985. Vol. 24 (1). P. 75–86.
- Holt C. L., Clark E. M., Wang M. Q., Williams B. R., Schulz E.* The Religion-Health Connection Among African Americans: What Is the Role of Social Capital? // Journal of Community & Applied Social Psychology. 2014. Vol. 25. P. 1–18.
- Joshanloo M., Daemi F.* Self-esteem mediates the relationship between spirituality and subjective well-being in Iran // International Journal of Psychology. 2015. Vol. 50. P. 115–120.
- King M. B., Hunt R. A.* Measuring the Religious Variable: Replication // Journal for the Scientific Study of Religion. 1972. Vol. 11. No. 3. P. 240–251.
- Pargament K. I., Silverman W., Johnson S., Echmendia R., Snyder S.* The psychosocial climate of religious congregations // American Journal of Community Psychology. 1983. Vol. 11. P. 351–381.

СЕМЬЯ И ОБЩЕСТВО

В. П. Авдеева, М. М. Русакова

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ, В ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ¹

В статье представлен обзор теоретических подходов к изучению семейных политик и систем защиты детства. На основе анализа литературы и положений теории path-dependency, а также подхода к изучению социальной политики, предложенного В. Шмидт, разработана теоретическая модель социальной политики в отношении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Методом экспертного опроса была получена информация об актуальном состоянии социальной политики в интересах детей-сирот в странах постсоветского пространства. Эмпирическое исследование продемонстрировало, что общей основой социальной политики в постсоветских странах является направленность на деинституционализацию детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Выявлен ряд общих проблем в сфере соблюдения прав детей, характерных для постсоветских стран.

Ключевые слова: дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, социальная политика, постсоветские страны, экспертный опрос.

Введение

Актуальность изучения систем защиты детства в странах бывшего СССР обусловлена, в первую очередь, значительным числом

¹ Работа выполнена по государственному заданию (тема «Демографическое и социальное воспроизводство российской семьи и благополучия детей: публичное и приватное измерения», № государственной регистрации АААА-А17-117030110147-4).

детей-сирот и детей, лишенных родительской опеки. В странах Центральной и Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии 1,3 млн детей лишены родительской опеки, при этом около половины из них проживают в учреждениях интернатного типа (Social Monitor 2015: 68). Несмотря на развитие семейных форм воспитания во многих странах рассматриваемого региона, к настоящему моменту они не могут полностью заменить практику помещения детей, оставшихся без родительской опеки, в детские дома (At home or in a home? 2010: 7). Проводимые во многих странах постсоветского пространства реформы в сфере социальной защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, дают наименее значительные результаты для детей с инвалидностью: дети с тяжелыми формами инвалидности часто живут в учреждениях с самыми неблагоприятными условиями, где существует проблема насилия и жестокого обращения (Social Monitor 2015: 68).

Согласно определению Конвенции о правах ребенка, ребенком считается «каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста» (Конвенция о правах ребенка, ст. 1). Что касается понятия «дети-сироты», в национальных законодательствах существуют различные подходы к определению этой категории. Согласно определению ЮНИСЕФ, ребенок-сирота — это ребенок, потерявший одного или обоих родителей; при этом выделяют две категории детей-сирот: single orphan — ребенок, потерявший одного родителя, и double orphan — потерявший обоих родителей. В рамках представленного исследования будут использованы следующие определения: ребенок-сирота — это ребенок, оба или единственный родитель которого умерли. Термин «социальные сироты» акцентирует внимание на причине сиротства: к социальным сиротам относятся дети, не имеющие родителей вследствие невозможности или неспособности родителей выполнять свои обязанности по воспитанию детей (Trapenciere 2014: 2). Дети, оставшиеся без попечения родителей, — это дети, которые не проживают по крайней мере с одним из своих родителей по любым причинам и при любых обстоятельствах (At home or in a home? 2010: 11).

Степень научной разработанности проблемы

Большинство российских и зарубежных исследований проблем сиротства посвящены изучению отдельных сфер жизни детей-сирот и конкретных элементов социальной политики: профилактике социального сиротства, проживанию детей в детских домах, социальной

адаптации выпускников детских домов, семейному устройству и т. д. Можно отметить недостаток сравнительных исследований социальной политики защиты детства. Сравнительный анализ ситуации в постсоветских странах производился международными неправительственными организациями на основе доступных статистических показателей. Не представлено научных исследований, которые бы включали в себя сравнение качественных показателей.

Основное ограничение для исследований, основанных на сравнении статистических данных, заключается в различиях в системах учета детей, находящихся в системе формальной опеки. В отдельных странах дети, находящиеся в школах-интернатах, в медицинских учреждениях, учреждениях уголовного правосудия, могут не учитываться в общей статистике детей в системе институционального ухода. По этой причине сравнение результатов социальной политики, в частности политики деинституционализации, по статистическим данным часто является непродуктивным (Ainsworth, Thoburn 2014: 5).

Теоретические основания изучения социальной политики в отношении детей

Социальную политику государства в интересах детей-сирот можно рассматривать с точки зрения парадигмы социального контроля. Социальный контроль в отношении детей, оставшихся без родительского попечения, проявляется в создании специализированных учреждений для их проживания и обучения. И. Гофман ввел понятие «тотальных институтов» (Goffman 1961: 4–5), к которым, наряду с тюрьмами, психиатрическими больницами, домами престарелых, относятся детские дома. По его словам, каждый институт отнимает определенное время и интересы его членов и в то же время предоставляет им определенный мир, иными словами, стремится к ограничению, «захвату». Некоторые институты в большей степени ограничивают, «захватывают» индивидов; это ограничение символизируется с помощью создания барьеров к взаимодействию с внешним миром и покиданию института (Goffman 1961: 4). М. Фуко в работе «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» (Фуко 1999) также рассматривает сиротские приюты, школы, больницы, тюрьмы и др. как «дисциплинарные институты», где ограничение пространства является новым типом контроля.

С точки зрения Дж. Эннью, сам факт проживания детей вне семьи и без опеки со стороны взрослых является угрозой консенсусу о не-

обходимости семьи. Институционализация детей-сирот представлена как одна из форм социального контроля (Ennew 2005: 131). Дж. Эннью предлагает две модели, иллюстрирующие степень ответственности государства, биологических родителей и родственников в сфере воспитания и обеспечения заботы о детях. В первом случае ответственность за благополучие ребенка делится между биологическими родителями и государством, при этом государство имеет право вмешиваться через посредничество экспертов для обеспечения соблюдения наилучших интересов ребенка. В тех случаях, когда численность детей-сирот возрастает, а ресурсы государства сокращаются, оно может быть вынуждено вернуться к помещению детей-сирот на семейное воспитание со стороны родственников или на попечение благотворительных институтов, при этом условия проживания ребенка не будут контролироваться государственными органами (Ennew 2005: 134–136). Даже несмотря на то что государство имеет право интервенции, оно может не иметь достаточных человеческих или материальных ресурсов для реализации этого права.

Изучение социальной политики в отношении детей-сирот также может осуществляться в более широком контексте семейной политики, в частности, в рамках концепции фамилиализма, которая основана на анализе роли семьи или частных домохозяйств в системе социального обеспечения населения. С. Лойтнер описывает четыре типа фамилиализма: эксплицитный, опциональный, имплицитный и дефамилиализм (Leitner 2006: 39–40). При существовании эксплицитного фамилиализма государство поддерживает семью в уходе за детьми, инвалидами и пожилыми людьми посредством различных мер семейной политики. При этом не существует системы альтернативного ухода за зависимыми категориями населения. Политика опционального фамилиализма направлена на укрепление семьи при одновременном существовании системы поддержки, временного альтернативного ухода. При имплицитном фамилиализме семья является основным гарантом заботы в системе социальной защиты населения ввиду отсутствия альтернатив. Дефамилиализм характеризуется наличием системы услуг, социальной поддержки уязвимых категорий населения со стороны государства или рынка при низком уровне поддержки семьи.

Также существует ряд подходов, анализирующих политику государства в отношении детей как самостоятельное направление социальной политики. Л. М. Фох выделяет две научные школы, представляющие различные взгляды на вопросы заботы о детях. К первой

относятся сторонники родственной опеки (kinship-defenders), которые акцентируют внимание на ценности биологической семьи для ребенка и необходимости вмешательства государства с целью поддержания и сохранения семьи вместо помещения ребенка под опеку государства или замещающих семей. Представители второй точки зрения являются сторонниками общественного воспитания детей (society-as-parent protagonists). Они придают особое значение защитной роли государства в ситуациях, когда забота родителей о ребенке оказывается недостаточной: государство обеспечивает устройство в фостерные семьи или семьи усыновителей, при этом происходит отстранение биологических родителей, если не предполагается возвращение ребенка в биологическую семью (Fox 1982).

L. F. Harding предложила развернутую классификацию существующих концепций ролей государства в сфере защиты детей в зависимости от преобладающих ценностей:

1. Принцип невмешательства и патриархальность. Согласно этой концепции, влияние и полномочия семьи не должны нарушаться, за исключением чрезвычайных ситуаций. Участие государства в жизни семьи должно быть минимальным.
2. Концепция государственного патернализма и защиты детей характеризуется значительным вмешательством государства в заботу о детях, при этом оно может носить авторитарный характер, а семейные связи — обесцениваться.
3. Современная защита биологической семьи и прав родителей. Данная концепция связана с развитием государств всеобщего благосостояния в период после Второй мировой войны. Основное отличие данной концепции от принципа невмешательства заключается в легитимации государственного вмешательства. Действия государства направлены на поддержку, защиту и сохранение биологической семьи.
4. В рамках концепции прав ребенка и освобождения ребенка дети рассматриваются как личности, обладающие правами наряду со взрослыми. Дети освобождаются от угнетения взрослых путем предоставления им социального статуса наравне со взрослыми («more adult social status») (Harding 1997: 9).

Таким образом, основные признаки типологизации семейных политик и систем защиты детей связаны с определением роли различных акторов в воспитании детей и степени вмешательства государства. В число акторов входят государство, местное самоуправление,

надгосударственные институты, общественные движения, родители и сами дети. Право принимать решение о стратегиях воспитания, образования детей, а также оценивать результаты реализации данных стратегий может принадлежать разным институтам. Современная защита детей определяется как «система практик, нацеленная на обеспечение лучшего качества жизни детей на основе баланса власти родителей, институтов и самих детей» (Шмидт 2014: 19).

Courtney М. и др., основываясь на анализе развития системы вне-семейного воспитания детей в 11 странах, выделяют ряд факторов, оказывающих влияние на развитие системы общественного воспитания детей, в их числе экономическое развитие, нестабильность в экономической сфере, в особенности экономические потрясения, религия, культура, определяющая установки в сфере взаимоотношений между ребенком, членами семьи и представителями сообщества, определенные меры семейной политики, связанные с политической идеологией (например запрет абортов) (Residential Care of Children. Comparative Perspectives 2007: 194–195). Распространение практики обучения детей в школах-интернатах также обуславливает более лояльное отношение к воспитанию детей-сирот в учреждениях интернатного типа.

К макрофакторам развития системы интернатных учреждений относятся усилия доминирующей части населения, направленные на социализацию (или ресоциализацию) и контроль коренного населения или этнических меньшинств; развитие представлений о детстве и детском развитии: восприятие жестокого обращения с детьми в качестве социальной проблемы и появление специальных мер государственной политики, направленных на ее решение, — вмешательство в дела семьи, изъятие детей из семьи. Другими факторами являются представления об «идеальном» способе воспитания детей, распространение заболеваний, социальные потрясения (война, массовая миграция населения и т. д.), уровень безработицы, стабильность в сфере занятости (Residential Care of Children. Comparative Perspectives 2009: 197–198). J. Thoburn также отмечает такие факторы, как распространенность разводов, доля семей с одним родителем, меры государственной поддержки населения, финансирование сферы здравоохранения и системы защиты детей, обеспечение ухода за детьми (развитие системы детских садов), целенаправленные стратегии борьбы с бедностью и поддержки семей, поддержка в сфере обеспечения жильем, поддержание уровня доходов населения (Thoburn 2007: 18).

Развитие социальной политики в отношении детей-сирот можно рассматривать с точки зрения теории зависимости от предшествующего пути развития (theory of path-dependency), разработанной в 1980-е гг. П. Дэвидом и Б. Артуром. Согласно теории path-dependency, процессы социально-экономического развития происходят «по инерции»; при этом влияние предшествующего развития наблюдается как на уровне отдельных институтов, так и на уровне институциональных систем (Латов 2005).

В рамках данного исследования социальная политика в отношении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, рассматривается как система институтов и идей относительно детства и принципов воспитания детей, оставшихся без попечения родителей. В роли институтов в данном случае выступают формы устройства детей-сирот, способы организации интернатных учреждений, меры государственной и негосударственной поддержки семей с детьми (профилактика социального сиротства), детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, семей, принимающих детей, а также выпускников детских домов.

Развитие социальной политики в СССР

Рассматривая историю социальной политики в отношении детей-сирот, существовавшую в Советском Союзе, можно выделить несколько ключевых периодов ее развития. После Первой мировой войны произошел значительный рост численности детей-сирот; в тот же период в России был осуществлен переход от системы социальной помощи различным группам населения, основанной на благотворительности, которая существовала с 60-х гг. XIX в., к системе государственной социальной помощи (Занозина и др. 2008: 84). С периодом Гражданской войны связан новый рост численности детей-сирот и, как следствие, количества детских домов.

Следующая волна роста численности детей-сирот приходилась на годы Великой Отечественной войны. Дети, оставшиеся без родителей, в военные годы воспитывались преимущественно в детских домах, также многие дети были переданы под опеку, на усыновление или патронатное воспитание. Все усилия государства были направлены на борьбу с беспризорностью и сиротством.

В 1960–1970-е гг. происходило изменение государственной политики в отношении детей-сирот: особое внимание уделялось мерам профилактики сиротства, которые заключались в оказании помощи

малообеспеченным семьям, защите материнства и т. д. (Занозина 2008: 147). В 1960-е гг. была сформирована система общественного воспитания, которая не только сохранилась до конца советского периода, но и оказала сильное влияние на современное состояние системы защиты детей во многих странах постсоветского пространства. Отличительной чертой данной системы являлось многообразие типов интернатных учреждений; система интернатных учреждений являлась доминирующей формой устройства детей-инвалидов, детей, совершивших правонарушения, и детей, оставшихся без попечения родителей (Шмидт 2014: 27). Основным принципом воспитания детей-сирот, характерным для советского периода до второй половины 1980-х гг., является трудовое обучение, а также принцип коллективного воспитания.

Следующий период развития социальной политики в отношении детей-сирот связан с распадом Советского Союза. Чрезмерная зависимость населения от государственной системы социального обеспечения в сочетании с экономическим кризисом 1990-х гг. и снижением уровня жизни населения привели к резкому росту числа детей, оставленных родителями в детских домах. Разрушение системы бесплатных дошкольных учреждений, существовавшей в СССР, а также трудовая миграция населения ряда стран (Азербайджана, Молдовы, Таджикистана и др.) стали факторами роста численности детей в детских домах.

Основной особенностью советской социальной политики в рассматриваемой сфере являлось длительное пребывание детей в больших изолированных детских домах. На современном этапе в странах бывшего СССР приоритетным считается семейное воспитание детей. Политика деинституционализации в России и странах постсоветского пространства началась в 2000-х гг., т. е. фактически на десятилетия позже, чем это произошло в США и Западной Европе. Начало политики деинституционализации представляет собой фундаментальное изменение принципов и идей организации формальной опеки над детьми, оставшимися без попечения родителей.

Теоретическая модель и методология исследования социальной политики

С целью целостного описания и сравнения социальных политик 15 стран постсоветского пространства разработана теоретическая модель социальной политики в отношении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Основой теоретической модели слу-

жит подход к изучению социальной политики в отношении детей, предложенный В. Шмидт, в рамках которого социальная политика в отношении детей рассматривается как одно из направлений социальной политики, элементами которого являются идеи и институты. В данном случае под идеями понимается «совокупность представлений о должном и доводов в пользу тех или иных подходов». Институты представляют собой «организационные подходы к решению практических задач» (Шмидт 2014: 13). В основу теоретической модели также легли результаты эмпирических исследований проблем детей-сирот и сравнительные исследования развития социальных политик защиты детства.

Согласно разработанной нами теоретической модели, на развитие социальной политики в отношении детей-сирот оказывают влияние следующие факторы:

1. Социально-экономические события: экономический рост, финансовый кризис, массовые миграции населения, военные действия и т. д.
2. Культурные и религиозные особенности: установки в сфере семейных и детско-родительских отношений, родства и преемственности поколений, которые оказывают влияние на преобладающие формы устройства детей, допустимость в том или ином обществе усыновления детей, не являющихся членами расширенной семьи, роль родственников при воспитании детей. Характер деятельности религиозных организаций, в частности создание приютов для детей-сирот, также представляет собой один из факторов развития системы альтернативной опеки.
3. Предшествующий опыт развития социальной политики в отношении детей-сирот. Распространенность практики воспитания детей-сирот, в особенности детей с инвалидностью, в крупных «закрытых» интернатах на современном этапе может являться наследием советской системы.
4. Семейная политика и система социальной защиты населения, которая включает в себя систему поддержки уязвимых категорий населения, наличие или отсутствие институтов альтернативного ухода за детьми, пожилыми членами семьи, инвалидами, финансирование системы здравоохранения и защиты детей, меры борьбы с бедностью и др.

5. Система представлений о детстве и детском развитии: допустимость изъятия ребенка из семьи, проживания детей в интернатных учреждениях и т. д.
6. Деятельность международных неправительственных организаций (НПО). Неправительственные организации наряду с государственными учреждениями являются акторами социальной политики и, в частности, политики в интересах детей. НПО могут оказывать влияние на положение детей-сирот путем предоставления непосредственной помощи уязвимым категориям семей, детям, проживающим в детских домах, семьям усыновителей, опекунов / попечителей, а также выпускникам интернатных учреждений. Крупные международные НПО, к которым относятся Children's SOS Villages, Save the Children и др., а также международная организация UNICEF, финансируют и лоббируют реализацию проектов, нацеленных на улучшение положения детей-сирот в соответствии с положениями Конвенции о правах ребенка. Социальная политика рассматривается как система, состоящая из семи основных элементов:
 1. Система представлений, составляющих основу социальной политики в отношении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Данный элемент включает в себя способ определения категорий «дети-сироты» и «дети, оставшиеся без попечения родителей», основную цель и приоритетные направления социальной политики государства в отношении детей-сирот, законодательные основы социальной политики, в том числе национальные стратегии и программы действий, определяющие цели и методы реализации социальной политики защиты детей, а также функционирование института детского омбудсмена и осуществление мониторинга соблюдения прав детей-сирот.
 2. Система профилактики социального сиротства, которая включает меры поддержки уязвимых категорий семей (посредством предоставления финансовой помощи, услуг по психологическому консультированию, социального сопровождения и др.), меры, направленные на укрепление семьи и сохранение детей в биологических семьях.
 3. Формы устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. К формам устройства детей относятся: детские дома семейного типа, дома-интернаты и школы-интернаты для детей с физическими или психическими нарушениями здоровья,

фостерные семьи, усыновление, опека / попечительство, а также формы устройства, связанные с культурными или религиозными особенностями населения, например приюты для детей-сирот при православной церкви и мусульманских общинах.

4. Работа с детьми, оказавшимися в системе альтернативной опеки, которая включает в себя предоставление медицинских и образовательных услуг, организацию отдыха детей, реабилитацию, профилактические программы и другие меры.
5. Работа с усыновителями, опекунами / попечителями, фостерными семьями является одним из компонентов социальной политики в отношении детей-сирот. Она может включать в себя: подготовку кандидатов в приемные родители (в форме прохождения специального обучения, психологического обследования), различные меры поддержки усыновителей, опекунов и фостерных родителей (посредством денежных выплат, оказания услуг по психологическому консультированию, создания организаций по сопровождению приемных родителей и т. д.). Также к данному компоненту относятся меры, направленные на профилактику так называемого «вторичного сиротства» — возвратов детей в детские дома.
6. Система государственной поддержки выпускников учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, представляет собой программы социализации и подготовки к самостоятельной жизни после выпуска из детского дома и поддержку выпускников детских домов.
7. Деятельность местных неправительственных организаций, которая может быть направлена на реализацию исследований и разработку научно-обоснованных подходов к профилактике социального сиротства, подготовку детей к самостоятельной жизни, профилактику антисоциального поведения или на оказание непосредственной помощи детям и семьям.

Методология исследования

Для проведения эмпирического исследования применялся метод экспертного опроса. В качестве информантов выступали представители некоммерческих организаций, деятельность которых осуществляется в сфере профилактики социального сиротства и включает взаимодействие с государственной системой социальной защиты детей,

оказание непосредственной помощи детям, проживающим в детских домах, приемным семьям, выпускникам детских домов, а также реализацию научных исследований. В исследовании приняли участие 15 экспертов, которые представляли следующие страны: Армению, Азербайджан, Грузию, Россию, Украину, Белоруссию, Молдову, Эстонию, Латвию, Литву, Туркменистан, Таджикистан, Кыргызстан, Казахстан и Узбекистан.

Эмпирическое исследование было направлено на анализ опыта реализации социальной политики в отношении детей-сирот пятнадцати стран, долгое время составлявших единое государство с общей системой социальной защиты детей-сирот. В результате были получены качественные данные, характеризующие актуальную ситуацию в сфере реализации социальной политики в отношении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также изменения, произошедшие в системе социальной политики в сфере защиты детей-сирот после распада СССР.

К ограничениям настоящего исследования относится небольшой объем выборки: участие по одному эксперту от каждой страны не позволяет в полной мере оценить изменения социальной политики в отношении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, после распада СССР. Другое ограничение связано с отсутствием данных официальной статистики и отчетов государственных и / или неправительственных организаций и национальных эмпирических исследований в сфере проблем детей-сирот, что не позволяет представителям отдельных стран дать ответы на все вопросы исследования.

В рамках эмпирического исследования осуществлялся анализ основных целей, приоритетных направлений и законодательных основ социальной политики в сфере защиты детей-сирот в постсоветских странах, форм устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, мер профилактики социального сиротства и работы с приемными родителями и усыновителями, системы государственной поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, приемных и опекунских семей, выпускников детских домов, а также распространенности деятельности международных и местных НПО, работа которых направлена на улучшение положения детей-сирот.

Результаты исследования социальной политики в отношении детей-сирот в странах постсоветского пространства

Определение категорий детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей

Несмотря на некоторые различия в определениях детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, большинство критериев отнесения детей к данной категории в странах постсоветского пространства совпадает: в 11 странах из 15-ти, к которым относятся Россия, Украина, Белоруссия, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан, Армения, Латвия и Азербайджан, ребенок признается оставшимся без попечения родителей в случае лишения родителей родительских прав, ограничения в родительских правах или изъятия из семьи без лишения родительских прав; в связи с признанием родителей безвестно отсутствующими, недееспособными или ограниченно дееспособными; в случае объявления родителей ребенка умершими; при уклонении или отказе родителей от воспитания своих детей или от защиты их прав и интересов, беспризорные дети.

Общность определений может быть обусловлена существованием единого законодательства в советский период. На современном этапе развития социальной политики в законодательстве ряда стран появляются другие категории детей, которые становятся объектом воздействия социальной политики, в частности — системы альтернативного ухода. К таким категориям относятся: дети, путешествующие без сопровождения; дети, ставшие жертвами торговли людьми, жертвами сексуального насилия; дети, лишенные опеки вследствие трудовой миграции родителей или изъятые из семей вследствие угрозы их жизни и здоровью. Расширение критериев отнесения детей к категории «лишенных родительской опеки» позволяет оказывать помощь детям, права которых оказались нарушены.

Национальная стратегия или план действий в отношении детей

В семи постсоветских странах в настоящее время реализуются национальные стратегии действий в интересах детей, к этим странам относятся Россия, Украина, Молдова, Казахстан, Латвия, Литва и Эстония. Национальные стратегии действий в интересах детей осуществлялись до недавнего времени в пяти странах бывшего СССР — Белоруссии, Таджикистане, Грузии, Армении и Азербайджане,

но к настоящему моменту в перечисленных странах не были утверждены актуальные стратегии.

В двух странах, а именно в Кыргызстане и Узбекистане, отсутствует специальная стратегия действий в интересах детей, тем не менее вопросы защиты прав детей представлены в качестве самостоятельного раздела в общих стратегиях социальной защиты населения или стратегии развития государства. В Грузии защита прав детей также является частью плана действий по защите прав человека. Только в одном государстве — Туркменистане — не были приняты программы или стратегии действий в интересах детей.

Разработка и принятие специальных стратегий, основной целевой группой которых являются дети, свидетельствует о признании детей в качестве социальной группы, обладающей особыми правами. Если в советский период система защиты детей являлась частью общей семейной политики, то в настоящее время происходит выделение политики в интересах детей в отдельное направление. Кроме того, принятию стратегий или программ действий в интересах детей способствуют рекомендации Комитета ООН по правам ребенка странам — участникам Конвенции о правах ребенка.

Законодательные основы социальной политики в отношении детей-сирот

Во всех пятнадцати странах отдельные разделы Семейного или Гражданского кодекса посвящены детям-сиротам, а именно: формам устройства детей-сирот, вопросам усыновления, опеки и попечительства, прав и обязанностей опекунов / попечителей и усыновителей и др. Специальный закон, регулирующий соблюдение прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, принят в семи странах: в России, Украине, Белоруссии, Молдове, Таджикистане, Армении и Азербайджане.

В семи странах бывшего СССР не существует отдельного закона, посвященного детям-сиротам, но приняты законы о защите прав ребенка. К таким странам относятся: Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Туркменистан, Латвия, Литва и Эстония. В Грузии не принят специальный закон о защите прав детей, тем не менее существует закон, регламентирующий передачу детей на усыновление. Принятие специальных законов, направленных на обеспечение соблюдения прав детей и, в частности, отдельных уязвимых категорий детей, также

является следствием признания детей обладателями особых прав, социальной группой с особыми потребностями.

***Приоритетные направления социальной политики
в отношении детей-сирот***

Согласно данным экспертного опроса, к наиболее распространенным направлениям социальной политики в отношении детей-сирот в странах постсоветского пространства относятся развитие семейных форм устройства и профилактика социального сиротства. Ратификация Конвенции о правах ребенка всеми странами постсоветского пространства является одним из основных факторов, обуславливающих признание на законодательном уровне приоритета семейного воспитания детей, оставшихся без попечения родителей.

***Изменения в сфере социальной политики в отношении
детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей,
произошедшие после 1991 г.***

Эксперты связывают основные изменения социальной политики в отношении детей-сирот с принятием комплекса законов, нацеленных на защиту прав детей, в том числе — социальную защиту детей-сирот. Изменение законодательства и выделение защиты детей, в особенности уязвимых категорий детей, в качестве самостоятельного направления социальной политики государства в период после распада СССР является характерным признаком для всех постсоветских стран. Также все рассматриваемые страны ратифицировали Конвенцию о правах ребенка, которая признает необходимость воспитания детей в семейных условиях. Десять экспертов, представляющих неправительственные организации в России, Белоруссии, Украине, Молдове, Латвии, Литве, Эстонии, Грузии, Молдове и Азербайджане, связывают изменения семейной политики с реформированием системы детских домов, развитием практики семейного устройства и признанием семейных форм устройства приоритетными.

Эксперты из шести стран считают, что основные изменения в сфере социальной политики в отношении детей-сирот связаны с развитием системы профилактики социального сиротства и беспризорности. Среди них Россия и Украина, где был принят ряд законов, направленных на поддержку семей с детьми, детей-инвалидов, многодетных, неполных и малообеспеченных семей; Молдова (была разработана программа, направленная на развитие родительских навыков); Грузия

(в рамках программы деинституционализации начиная с 2013 г. больше внимания стало уделяться вопросам укрепления семьи); Белоруссия (была утверждена система мер по выявлению детей, нуждающихся в защите государства, и разрешению проблем семей с целью возвращения детей в биологические семьи) и Кыргызстан.

К другим факторам, оказавшим определяющее влияние на изменение социальной политики в отношении детей-сирот, эксперты относят ратификацию международных документов, деятельность неправительственных организаций, которые финансируют социальные проекты, направленные на улучшение положения детей и соответствующие положениям Конвенции о правах ребенка, вступление в Европейский союз и, как следствие, получение доступа к грантам европейских фондов.

Мониторинг соблюдения прав детей-сирот

На регулярной основе мониторинг соблюдения прав детей-сирот проводится в девяти странах, к которым относятся Россия, Украина, Белоруссия, Молдова, Казахстан, Таджикистан, Эстония, Латвия и Литва. Также проверка детских домов осуществляется уполномоченными по правам ребенка. В Кыргызстане осуществляется мониторинг соблюдения прав детей и семей группы риска, в том числе детей-сирот.

В двух странах — Грузии и Узбекистане — мониторинг соблюдения прав детей-сирот на государственном уровне не осуществляется. В Грузии отсутствие регулярного мониторинга во всех детских домах страны связано со спецификой системы интернатных учреждений, многие из которых осуществляют свою деятельность при минимальном контроле со стороны государственных учреждений образования или социальной защиты. В Армении и Азербайджане государственными и неправительственными организациями осуществляется мониторинг детских домов, однако данные меры не являются частью государственной политики и не осуществляются регулярно.

К основным ограничениям мониторинга соблюдения прав детей-сирот эксперты четырех стран (Украины, России, Казахстана, Кыргызстана) относят формирование индикаторов на основе отчетности чиновников, при этом показатели искажаются и не отражают действительную ситуацию. Также недостатком мониторинга в России, Украине и Кыргызстане является отсутствие системы учета мнений детей, занижение показателей нарушения прав детей, а именно насилия, проявления жестокости и пренебрежения в отношении детей-сирот (как со стороны воспитателей, приемных родителей, так и внутри кол-

лектива), так как в мониторинге учитываются только те показатели, которые были доведены до сведения полиции или суда. В некоторых странах, например в Молдове, Эстонии и России, осуществляются пилотные проекты мониторинга соблюдения прав детей, в рамках которых основными информантами являются сами дети.

Несмотря на признание права ребенка выражать свое мнение, ключевым ограничением мониторинга соблюдения прав детей-сирот в большинстве постсоветских стран является отсутствие системы учета мнений детей — большинство систем мониторинга основываются на статистических показателях, которые часто не отражают действительную ситуацию в сфере соблюдения прав детей-сирот. Следовательно, само наличие системы мониторинга в той или иной стране не гарантирует получение объективных данных о положении детей-сирот.

Институт детского омбудсмена

Институт уполномоченного по правам ребенка, или детского омбудсмена, существует в семи странах бывшего СССР: в России, Украине, Казахстане, Литве, Эстонии, Таджикистане и Молдове. Основной функцией детского омбудсмена является защита прав детей в целом, а также отдельных уязвимых категорий детей. Мониторинг соблюдения прав детей не является обязательной функцией уполномоченного по правам ребенка, тем не менее во многих странах детские омбудсмены регулярно готовят отчет о положении детей. Также они выполняют контролирующую функцию, работая по индивидуальным обращениям и осуществляя проверки детских интернатных учреждений. Созданию должности уполномоченного по правам ребенка (детского омбудсмена) способствуют Комитет ООН по правам ребенка и Совет Европы. Таким образом, функционирование института детского омбудсмена в определенных странах можно интерпретировать как одно из действий, направленных на приведение системы защиты детей в соответствие международным нормам.

Формы устройства, связанные с культурными и / или религиозными особенностями населения

Ни в одной из стран постсоветского пространства нет законодательно закрепленных форм устройства детей-сирот, которые были бы связаны с культурными или религиозными особенностями населения. Несмотря на это, в ряде постсоветских стран такие формы устройства существуют.

В Западной Украине существуют особые формы устройства детей в католических и греко-католических монастырях. Римские и татарские общины принимают на воспитание детей-сирот своей национальности. В России также существует определенная региональная специфика, связанная с религиозными особенностями: меньше всего детских домов действуют в регионах, где основная часть населения исповедует ислам; в таких регионах преобладает семейное устройство детей-сирот. В Грузии функционируют дома-интернаты при мусульманских общинах и православной церкви.

Практика воспитания детей-сирот в детских домах и приютах при религиозных институтах существовала еще до создания системы государственной опеки детей. Несмотря на отсутствие законодательства, регламентирующего работу подобных институтов, они продолжают существовать и в настоящее время. Основным недостатком таких детских домов является отсутствие контроля со стороны государственных организаций и разработанных стандартов предоставления услуг. Отсутствие специалистов, способных оказывать услуги по реабилитации, также относится к недостаткам данных учреждений.

Приоритетные формы устройства детей-сирот

Во всех странах постсоветского пространства приоритетными формами устройства детей-сирот признаны различные семейные формы устройства: усыновление, опека / попечительство, фостерные семьи. При этом в десяти странах при передаче ребенка на усыновление или под опеку / попечительство приоритет отдается родственникам ребенка. К таким странам относятся: Россия, Украина, Белоруссия, Молдова, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Туркменистан, Грузия и Армения. В каждой из рассматриваемых стран помещение ребенка в учреждение интернатного типа признано крайней мерой, которую применяют только в том случае, если устройство ребенка в семью невозможно.

В двух странах установлены ограничения в сфере международного усыновления детей: в Таджикистане принят запрет на международное усыновление, в России — частичный запрет на международное усыновление. В странах — членах Европейского союза большее распространение получила практика устройства детей в фостерные семьи.

Типы детских домов

В каждой стране постсоветского пространства существуют различные типы учреждений для проживания детей-сирот и детей, остав-

шихся без попечения родителей. В тринадцати странах постсоветского пространства, а именно в России, Украине, Белоруссии, Молдове, Армении, Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане, Таджикистане, Туркменистане, Грузии, Литве и Азербайджане, функционируют следующие типы интернатных учреждений:

- 1) дома ребенка (дома малютки) для детей от рождения до 3—4 лет;
- 2) коррекционные учреждения для детей с физическими или психическими нарушениями здоровья;
- 3) детские дома общего типа;
- 4) детские дома-интернаты (школы-интернаты) — детские дома, совмещенные со школой.

Только в двух странах допускается совместное проживание детей с различными показателями здоровья: в Латвии и Эстонии дети с нарушениями психического и физического развития проживают вместе с остальными детьми. Дети с серьезными психическими заболеваниями проживают в специальных учреждениях. В детских домах в Кыргызстане допускается совместное проживание детей с физическими нарушениями здоровья с другими детьми.

Системы детских домов в странах постсоветского пространства отличаются по способу организации. В двух странах — Белоруссии и Молдове — детский дом семейного типа представляет собой семью, которая принимает на воспитание детей-сирот и / или детей, оставшихся без попечения родителей. В остальных странах детский дом представляет собой специализированное учреждение.

В Грузии значительное количество интернатных учреждений для детей-сирот (школы-интернаты и дома-интернаты) создаются при мусульманской или православной церкви или при поддержке частных спонсоров. Государственные органы не ведут учет детей, проживающих в подобных учреждениях, они не получают государственную аккредитацию, и в них не осуществляется мониторинг условий проживания детей.

Существование различных типов детских домов, в которые дети помещаются в зависимости от возраста и состояния здоровья, является наследием советской системы альтернативной опеки. Распределение детей в специализированных учреждениях по виду инвалидности является мерой социального исключения данных категорий детей. Кроме того, условия проживания в данных учреждениях, как правило, не приближены к семейным, в отличие от детских домов общего типа, где создаются малокомплектные разновозрастные группы,

за которыми закрепляются постоянные воспитатели. Школы-интернаты также унаследованы от советской системы: они были созданы в Советском Союзе в 1950-е гг. для проживания детей, оставшихся без опеки родителей в результате голода, военных действий и политических репрессий. В настоящее время школы-интернаты часто имеют коррекционную направленность.

Совмещение детского дома со школой и помещение детей с инвалидностью в специализированные учреждения приводят к изоляции детей, что нарушает базовые права детей, обозначенные в Конвенции о правах ребенка. Согласно положениям Конвенции, дети с физическими или умственными нарушениями здоровья должны вести полноценную жизнь в условиях, которые облегчают их активное участие в жизни общества.

Школы-интернаты и учреждения для детей с инвалидностью в большей степени вписываются в теорию тотальных институтов, предложенную И. Гофманом. Ограничительный характер подобных учреждений заключается в создании барьеров к социальному взаимодействию. Как следствие, выпускники закрытых учреждений оказываются наименее подготовленными к самостоятельной жизни, что подтверждается мнениями экспертов.

Программы, направленные на подготовку детей к самостоятельной жизни, реализуемые в детских домах

Программы подготовки детей к самостоятельной жизни реализуются в девяти странах, среди которых: Россия, Украина, Казахстан, Азербайджан, Литва, Латвия, Узбекистан, Армения и Эстония. В странах, в которых детский дом представляет собой семью, принимающую на воспитание детей (Белоруссия, Молдова), подготовка детей к самостоятельной жизни является одним из требований к родителям-воспитателям.

Особенно остро проблема подготовки детей к самостоятельной жизни стоит для больших закрытых учреждений: в детских домах семейного типа дети посещают обычные школы, их условия проживания максимально приближены к семейным. Тем не менее на постсоветском пространстве продолжают функционировать не только школы и дома-интернаты для детей с инвалидностью, но и детские дома «советского типа» для детей без серьезных нарушений здоровья.

Изменения состава детей-сирот, проживающих в детских домах, в течение последних 25 лет

Наименьшая численность детей, проживающих в интернатных учреждениях, характерна для стран Кавказа (Грузии, Азербайджана, Армении) и Центральной Азии (Туркменистана, Узбекистана). Статистические данные не позволяют определить, как изменилась практика помещения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в учреждения интернатного типа. В перечисленных странах не развита система профилактики социального сиротства, не осуществляется подготовка приемных родителей. Политика данных стран может рассматриваться с позиции имплицитного фамилиализма — семья является основным гарантом заботы о детях ввиду отсутствия альтернативных возможностей. При этом в странах, реализующих политику поддержки семьи (Россия, Украина, Латвия, Литва, Эстония), происходит улучшение в сфере семейного устройства детей и профилактики социального сиротства.

Увеличение доли детей-инвалидов в детских домах отмечено экспертами в России, Украине, Кыргызстане и Таджикистане; увеличение доли детей подросткового возраста — в России и Кыргызстане. В Украине, Кыргызстане и Армении отмечается увеличение в детских домах доли социальных сирот. В Эстонии произошло сокращение численности детей с инвалидностью в детских домах, что обусловлено изменениями законодательных норм: ребенка, имеющего инвалидность, нельзя поместить в детский дом по заявлению родителей.

Таким образом, основной контингент детей в детских домах составляют дети-инвалиды и дети подросткового возраста. Данная проблема существовала в период после распада СССР и, несмотря на различные стратегии реализации социальной политики, сохраняется на современном этапе. Подобная ситуация создает значительные трудности для развития семейных форм устройства: создаются «очереди» на усыновление здоровых детей младшего возраста, детям с нарушениями здоровья и детям подросткового возраста гораздо сложнее подобрать семью. Помещение детей с инвалидностью и подростков в систему альтернативного ухода может свидетельствовать о неэффективности системы социальной защиты семей, воспитывающих детей с нарушениями здоровья, и различных уязвимых категорий семей.

Основные проблемы детей-сирот

Основываясь на данных экспертного опроса, можно сделать вывод о разнородности проблем детей-сирот в отдельных странах. Дан-

ный вывод отчасти может быть обусловлен особенностями направлений деятельности экспертов, выделение тех или иных проблем также связано с существующими аналитическими исследованиями в сфере сиротства. Несмотря на это, ключевыми моментами, объясняющими наличие определенных проблем детей-сирот, являются недостатки систем альтернативной опеки.

Эксперты многих стран упоминают трудности при получении жилья, предусмотренного для выпускников интернатных учреждений. К основным проблемам детей-сирот в России относятся чрезмерное внимание со стороны непрофессиональных волонтеров, низкое качество медицинских и реабилитационных услуг, раннее начало сексуальной жизни и ряд проблем, связанных с отсутствием полового просвещения. Сходные проблемы отмечаются в Казахстане. В Молдове низкий уровень развития семейных форм устройства связан с недостаточными социальными льготами.

По мнению экспертов, во всех странах существует проблема недостаточной квалификации сотрудников детских домов, нехватки услуг по реабилитации, психологической поддержке детей. Особенно остро данная проблема стоит в детских домах, работающих при религиозных организациях или при поддержке частных спонсоров. Такие учреждения функционируют при практически полном отсутствии контроля со стороны государственных структур.

Меры профилактики социального сиротства

К мерам профилактики социального сиротства относятся: финансовая поддержка семей с низким уровнем дохода, создание центров поддержки семьи или кризисных центров со специалистами разного профиля (как правило, данные центры предоставляют услуги психолога, социального работника и др.), деятельность реабилитационных центров, предоставление питания, помощь семьям, в которых кто-либо из членов семьи имеет инвалидность (например создание центров дневного ухода), льготы уязвимым категориям семей.

В пяти странах, а именно в России, Украине, Латвии, Литве, Эстонии, помимо денежных выплат предусмотрено предоставление различных услуг семьям в кризисной ситуации. В Узбекистане предупреждение помещения детей в детские дома осуществляется посредством законодательных мер: низкий уровень доходов семьи и трудовая миграция родителей не являются основаниями для помещения детей в детские дома. Отсутствуют меры поддержки уязвимых категорий

семей в Таджикистане, в Туркменистане они ограничиваются денежными выплатами, но не осуществляется социальная работа с семьями. В Армении и Грузии дети из детских домов возвращаются в биологические семьи.

Подготовка кандидатов в усыновители, опекуны

Среди всех рассматриваемых стран только в Литве, Эстонии и Латвии существует единая программа подготовки приемных и fosterных родителей, принятая на государственном уровне. В трех странах не осуществляется подготовка потенциальных приемных родителей. К ним относятся Украина, Армения и Грузия. В остальных странах осуществляется подготовка будущих усыновителей и опекунов, но на государственном уровне не принята единая программа подготовки, содержание программ зависит от региона страны.

Наличие системы подготовки кандидатов в приемные родители способствует сокращению количества случаев возвратов детей в детские дома. Существование единой образовательной программы, принятой на государственном уровне, повышает вероятность качественной подготовки приемных родителей, так как отчасти компенсирует влияние личностного фактора специалистов, осуществляющих подготовку.

Виды помощи детям-сиротам со стороны государства

Меры государственной поддержки выпускников детских домов в большинстве стран включают в себя: выплату денежных пособий, льготы при поступлении в образовательные учреждения высшего или среднего профессионального образования, предоставление жилья, бесплатное медицинское обслуживание и т. д. Также различные меры поддержки предусмотрены для выпускников детских домов. В большинстве рассматриваемых стран лица из числа детей-сирот находятся на полном государственном обеспечении до 23–24 лет в том случае, если они продолжают обучение в учреждениях среднего профессионального или высшего образования.

Система поддержки детей-сирот и выпускников детских домов чаще всего ограничивается материальной поддержкой и различными льготами. Значительная материальная поддержка детей-сирот при отсутствии систем социального сопровождения может создавать определенные риски после выпуска из детских домов вследствие отсутствия навыков управления бюджетом и бытовых навыков.

Международные неправительственные организации

Основными некоммерческими организациями, осуществляющими деятельность практически во всех странах постсоветского пространства, являются Детский Фонд ООН UNICEF и Children's SOS Villages. Наибольшее количество международных неправительственных организаций осуществляют деятельность, направленную на улучшение положения и соблюдение прав детей-сирот, в Молдове, Украине и Грузии в сравнении с другими странами постсоветского пространства (за исключением стран — членов Евросоюза). При сотрудничестве с данными организациями реализуются проекты и программы, способствующие развитию системы социальной защиты детей-сирот, например мониторинг соблюдения прав детей, осуществляемый при участии детей.

Международные НПО оказывают методическую и финансовую поддержку проектов, направленных на улучшение положения детей, развитие форм семейного устройства и других проектов и программ, цель которых соответствует принципам Конвенции о правах ребенка. Деятельность международных НПО на территории страны свидетельствует о принятии стратегических направлений и принципов работы данных организаций.

Деятельность местных неправительственных организаций

Среди всех постсоветских стран наименее развитая система оказания помощи детям, оставшимся без попечения родителей, со стороны негосударственных организаций характерна для Туркменистана, где функционируют несколько НПО, работающих на местном уровне. Деятельность данных организаций ограничивается оказанием непосредственной помощи уязвимым категориям детей. Отсутствие неправительственных организаций накладывает определенные ограничения на функционирование системы социальной защиты детей-сирот, а именно на систему информирования населения о проблемах детей (информация может поступать только от государственных органов), возможности участия населения и институтов гражданского общества в улучшении системы оказания помощи детям-сиротам и профилактики социального сиротства. В остальных странах сфера деятельности неправительственных организаций развита в большей степени — существуют НПО, оказывающие влияние на положение детей на национальном уровне.

Заключение

Общей тенденцией, характерной для всех стран постсоветского пространства, является направленность социальной политики на деинституционализацию детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. К основным различиям в сфере социальной политики в отношении детей-сирот относятся: стандарты подготовки замещающих родителей, функционирование интернатных учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, системы мер профилактики социального сиротства. Процессы деинституционализации начались в странах постсоветского пространства примерно в один временной период — во второй половине 2000-х гг., но только в последние годы больше внимания начинает уделяться профилактике социального сиротства, а не работе с последствиями неэффективной работы системы профилактики в виде высокой численности детей-сирот.

Все страны постсоветского пространства испытывают общие трудности в сфере реализации прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. К таким трудностям относятся: социальное исключение детей с нарушениями здоровья, преобладание в общем контингенте детей, проживающих в детских домах, подростков и детей с инвалидностью, низкая эффективность системы профилактики социального сиротства. В то время как социальная политика всех постсоветских стран направлена на развитие семейных форм устройства детей и реформирование системы детских домов, дети с инвалидностью оказываются исключенными из сферы действия данной политики: если в детских домах общего типа создаются условия, приближенные к семейным, то в коррекционных детских домах и школах-интернатах нарушается право детей на проживание в семейных условиях, дети проживают в многочисленных группах, чаще подвергаются насилию и пренебрежению со стороны персонала. Существование ряда общих проблем в сфере социальной политики в отношении детей-сирот в странах постсоветского пространства объясняется в рамках теории *path-dependency*: общий опыт реализации социальной политики оказывает влияние на положение дел в настоящее время, несмотря на воздействие многих других факторов — внешнеполитический курс, «открытость» стран, в том числе к новым практикам, направленным на улучшение ситуации в сфере соблюдения прав детей, культурные особенности населения и т. д.

Источники

- Занозина В. Н., Колосова Е. М., Чистиков А. Н. Сиротство и беспризорность в России: история и современность. СПб.: Лики России, 2008.
- Конвенция о правах ребенка. Статья 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 10.05.2017).
- Латов Ю. В. Теория зависимости от предшествующего развития в контексте институциональной экономической истории // *TERRA ECONOMICUS*. 2005. Т. 3. № 3. С. 36–43.
- Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.
- Шмидт В. Обреченные на турбулентность: идеи и институты защиты детей на постсоветском пространстве // Политика семьи и детства в постсоциализме: коллектив. моногр. / Под ред. В. Шмидт, Е. Ярской-Смирновой, Ж. Черновой (Библиотека «Журнала исследований социальной политики»). М.: Вариант; ЦСПГИ, 2014. С. 13–35.
- Ainsworth F., Thoburn J. An exploration of the differential usage of residential care across national boundaries // *International Journal of Social Welfare*. 2014. Vol. 23. Issue 1. P. 16–24.
- At home or in a home? Formal care and adoption of children in Eastern Europe and Central Asia. UNICEF Regional office for Central and Eastern Europe and the Commonwealth of Independent States (CEE/CIS). The United Nations Children's Fund, 2010.
- Ennew J. Prisoners of Childhood // In: *Studies in Modern Childhood. Society, Agency, Culture*. Ed. by Jens Qvortrup. Palgrave Macmillan, 2005. P. 128–146.
- Esping-Andersen G. *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Princeton University Press, 1990.
- Fox L. M. Two value positions in recent child care law and practice // *The British Journal of Social Work*. 1982. No 12 (1). P. 265–290.
- Goffman E. *Asylums. Essays on the social situation of mental patients and other inmates*. New York: The Anchor Books Edition, 1961.
- Harding L. F. *Perspectives in child care policy*. Longman, 1997.
- Leitner S. Varieties of Familialism: Developing Care Policies in Conservative Welfare States // *End of Welfare as We Know It? Continuity and Change in Western Welfare State Settings and Practices* / Sandermann Ph. *Settings and Practices* Opladen: Verlag Barbara Budrich, 2006. P. 37–51.
- Orphans / UNICEF [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.unicef.org/media/media_45279.html (дата обращения: 29.04.2016).
- Residential Care of Children. Comparative Perspectives / Ed. by Courtney M. E., Iwaniec D. Oxford University Press, 2009.
- Social Monitor. Social protection for child rights and well-being in Central and Eastern Europe, the Caucasus and Central Asia. UNICEF, 2015.
- Thoburn J. *Globalisation and Child Welfare: Some Lessons From a Cross-National Study of Children in Out-Of-Home Care*. Social Work Monograph, 2007.
- Trapenciere I. Social Orphanhood in Latvia // *SHS Web of Conferences*. EDP Sciences, 2014. P. 1–6.

К. Ю. Ерицяи, О. И. Колпакова

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ НАПИТКОВ¹

Проблематика употребления энергетических напитков является высоко актуальной и широко дискутируется как в научных кругах, так и на уровне органов власти. Энергетические напитки на сегодняшний день занимают некое маргинальное, промежуточное положение между традиционными более-менее жестко регулируемые государством психоактивными веществами и нормативными прохладительными напитками. Выполнен аналитический обзор научных публикаций, посвященный описанию актуальных на сегодняшний день в научной среде подходов к изучению детерминации и последствий употребления энергетических напитков. Проанализированы тридцать опубликованных в последние три года (2015–2017 гг.) эмпирических научных статей, посвященных данной проблематике. Установлено, что исследования преимущественно носят количественный характер и не базируются на каких-либо теоретических моделях. Употребление энергетических напитков рассматривается в научном сообществе преимущественно в контекстах аддиктивного поведения, общих вопросов здоровья, а также в контексте рискованного поведения и микросоциальных влияний.

Ключевые слова: энергетические напитки, методический подход, обзор литературы, психоактивные вещества.

В настоящее время во многих странах мира, в том числе и в Российской Федерации, на рынке представлено большое количество энергетических напитков. Энергетический напиток — это напиток, содержащий стимуляторы нервной системы, главным образом кофеин. Производители рекламируют энергетические напитки как способствующие умственной или физической деятельности. Кофеин — распространенный психостимулятор, который уменьшает чувство усталости и сонливости, повышает умственную работоспособность и концентрацию, ускоряет пульс, обладает легким мочегонным эффектом. Период стимуляции сменяется усталостью, требующей адекватного отдыха. Действие средней дозы кофеина продолжается около трех часов, однако выводится он гораздо медленнее, поэтому при

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 117–33–01172 «Употребление молеждою ненаркотических психоактивных веществ: специфика социокультурной детерминации».

повторном употреблении возможна передозировка. При очень высоких дозах возможны психоз, повреждение мышц, аритмия и смерть. Смертельной дозой для среднестатистического человека может стать 10–15 г, что соответствует 100–150 чашкам кофе. Одна банка энергетического напитка может содержать до 500 мг кофеина (Higgins, Tuttle, Higgins 2010). Это эквивалент примерно пяти чашек кофе (100 мг на чашку) или 20 банок кока-колы (примерно 25 мг на банку). Часто энергетические напитки содержат и другие стимулирующие вещества, например теобромин, таурин, женьшень, витамины группы В, чрезмерное употребление которых также может приводить к серьезным негативным последствиям.

Негативные эффекты употребления энергетических напитков не ограничиваются вредным воздействием повышенных доз кофеина на организм. Будучи смешанными с алкоголем, тонизирующие напитки могут приводить к усилению негативных социальных эффектов алкоголизации, связанных со сниженным поведенческим контролем (Marczinski, Fillmore, Bardgett et al. 2011). Систематические обзоры многочисленных зарубежных исследований показывают, что употребление энергетических напитков ассоциировано с психологическими проблемами (такими как стресс, депрессия, тревога), поведением, связанным с риском для здоровья, а также объективными показателями нездоровья, хотя уверенно говорить о наличии и векторе причинно-следственных связей пока не представляется возможным (Richards, Smith 2016; Visram, Cheetham, Riby et al. 2015).

При этом, по данным маркетинговых исследований, в последние несколько лет в России наблюдается устойчивый рост продаж данного продукта (Nielsen 2016). Популярности энергетических напитков способствуют их тонизирующие свойства, повсеместная распространенность и дешевизна.

Таким образом, злоупотребление такими психоактивными веществами может приводить к возникновению тяжелых социально-значимых последствий. В связи со своими свойствами и особенностями позиционирования на рынке они могут восприниматься потребителями как сходные по своему воздействию с наркотическими и, следовательно, детерминироваться сходными факторами.

Употребление психоактивных веществ имеет ряд особенностей, которые обуславливают их специфику в качестве предмета социологического исследования. В числе этих особенностей необходимо учитывать, во-первых, фармакологический аспект потребления, который

выражается в специфичных для каждого типа препарата краткосрочных и долговременных эффектах потребления; во-вторых, личностно-психологический или мотивационный аспект потребления, имеющий существенную индивидуальную вариативность; в-третьих, социокультуральный аспект — культурально-детерминированные нормы и смыслы потребления различных веществ, как универсальные, так и варьирующиеся в зависимости от культурной среды, которые предписывают поводы, частоту, объем и форму потребления напитка, а также определяют символическое значение акта потребления (Одинокова 2014).

Научные подходы к пониманию употребления и злоупотребления психоактивными веществами включают в себя целый спектр различных психологических, микро- и макросоциологических теорий (Колпакова 2010; Одинокова 2014; Цветкова 2011). Однако до недавнего времени в российском обществе употребление этих веществ, в отличие от наркотических, являлось в достаточной степени социально-приемлемым и не имело отчетливого негативного или девиантного контекста. Таким образом, существующие теоретические модели алкоголизации и наркотизации могли являться не вполне релевантными для описания данного поведения.

В последние же годы наблюдаются тенденции ужесточения социального контроля над употреблением энергетических напитков. Во многих западных странах и в большинстве регионов России был введен запрет на продажу алкогольных энергетиков. Также некоторые российские регионы вводят запрет на продажу безалкогольных энергетических напитков несовершеннолетним и на их реализацию в определенных типах учреждений, а соответствующий федеральный законопроект с 2014 г. находится на рассмотрении в Государственной думе². В 2016 г. был внесен на рассмотрение проект закона о полном запрете производства и продажи безалкогольных энергетиков³. В пояснительной записке авторы, в частности, указывают на высокую

² Законопроект № 467791–6 «Об ограничениях розничной продажи и потребления безалкогольных энергетических напитков». URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=467791–6&02> (дата обращения: 04.08.2017).

³ Законопроект № 1039776–6 «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции” (в части запрета на осуществление розничной продажи слабоалкогольных тонизирующих напитков)». URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=1039776–6> (дата обращения: 04.08.2017).

распространенность употребления энергетиков: «24% россиян, живущих в городах, регулярно употребляют энергетические напитки, из них 7% пьют их ежедневно», а также ссылаются на ранний возраст начала употребления энергетических напитков среди молодежи (12–13 лет). Параллельно предпринимаются попытки ввести законодательные ограничения на рекламу энергетических напитков — соответствующий законопроект также был внесен на рассмотрение в 2016 г.⁴ Авторы данной инициативы строят свою аргументацию на том, что никакие ограничительные меры не будут эффективны, если не ограничить рекламу данного продукта, а также на необходимости защиты молодежи от негативных последствий употребления. Следует отметить, что один из аргументов к отклонению инициативы о запрете рекламы энергетиков был связан именно с недостаточной научной доказательностью наносимого данным продуктом вреда, однако инициативы о полном запрете продажи данного продукта пока не отклонены.

Таким образом, энергетические напитки на сегодняшний день имеют некое маргинальное, промежуточное положение между традиционными более-менее жестко регулируемыми государством психоактивными веществами и нормативными прохладительными напитками, предпочитаемыми определенными категориями населения. При этом социально-политический контекст регулирования рынка энергетических напитков постоянно меняется, что может влиять в том числе на восприятие употребления данного продукта обществом, а научные данные активно привлекаются для усиления легитимности того или иного решения. В связи с эволюцией как социального смысла употребления энергетических напитков, так и научного подхода к его изучению представляется важным рассмотреть последние научные работы по данной проблематике.

Целью данного аналитического обзора стало описание актуальных на сегодняшний день в научной среде подходов к изучению детерминации и последствий употребления энергетических напитков. Мы сконцентрировались на последних работах в этой области и отобрали тридцать опубликованных в последние три года (2015–2017 гг.) науч-

⁴ Законопроект № 1112079–6 «О внесении изменения в статью 7 Федерального закона “О рекламе” (в части запрета рекламы безалкогольных энергетических напитков)». URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/1112079–6> (дата обращения: 04.08.2017).

ных статей, посвященных употреблению энергетических напитков, отвечающих следующим критериям⁵:

- 1) предмет исследования: а) распространенность и практики потребления; б) детерминанты (корреляты) потребления либо в) последствия употребления энергетических напитков;
- 2) язык статьи — русский или английский;
- 3) эмпирический характер работы⁶.

Анализ статей был направлен на получение ответов на следующие вопросы:

- 1) Какие методические подходы используют исследователи, работая над данной проблематикой?
- 2) Какие теоретические модели используются в подобных работах?
- 3) Какого рода гипотезы формулируют исследователи, изучая потребление энергетических напитков, и каков общий контекст изучения потребления энергетических напитков?

Среди обнаруженных статей большинство были опубликованы в англоязычных научных журналах. Более половины статей были основаны на исследованиях, проведенных в Северной Америке (США или Канаде), по несколько работ опубликовали ученые Англии, Австралии и Нидерландов, остальные исследования были проведены в иных европейских странах. Лишь одно исследование выходило за пределы данных географических областей и было реализовано в стране Карибского бассейна. Также в обзор попало одно российское исследование.

Методические подходы к изучению потребления энергетических напитков

Подавляющее большинство исследований было проведено среди общего населения, в том числе на репрезентативных выборках отдельных стран или территорий (Pennay, Cheetham, Droste et al. 2015; Reid, McCrory, White et al. 2017; Friis, Lasgaard, Larsen 2015), однако чаще — на выборках подростков и молодежи, например школьных (Moorman-Wildevuur, Moorman, Raat 2015) либо студенческих выборках (Reid,

⁵ Благодарим за помощь в поиске и первичном анализе научных статей магистрантку факультета социологии СПбГУ А. Ф. Руппель.

⁶ Мы не включали в обзор количественные дескриптивные исследования, проведенные на малых нерепрезентативных выборках (30–70 чел.), сравнительно часто публикуемые в российских изданиях.

Ramsarran, Brathwaite et al. 2015). Единственное обнаруженное нами российское исследование, отвечающее критериям включения, также может быть отнесено к этому типу — в нем были опрошены более 1300 чел. различного возраста, однако способ формирования выборки и степень ее репрезентативности не вполне четко описаны (Застрожин, Дрожжина 2015).

Еще одним распространенным видом подхода к дизайну исследования стали когортные лонгитюдные исследования, реализованные чаще всего на студенческих или школьных выборках (Larson, Laska, Story et al. 2015; Mallett, Scaglione, Reavy et al. 2015). В ряде случаев, если того требовал исследовательский вопрос, полученная выборка редуцировалась по определенному аналитическому критерию — например употреблению алкоголя (Tucker, Troxel, Ewinga et al. 2016).

В трех случаях специфика исследовательского вопроса приводила к использованию следующих специальных выборок — мужского населения (Levant, Parent, McCurdy et al. 2015), посетителей баров (Verster, Benjaminsen, van Lanen et al. 2015) и отдельных профессиональных групп (студенты-медики) (Casuccio, Bonanno, Catalano et al. 2015).

Во всех описанных случаях исследователи использовали сугубо количественный подход к сбору и анализу данных. Данные преимущественно собирались с помощью интернет-опросов, реже — опроса по форме «карандаш — бумага», телефонного и личного интервью.

Лишь одно из обнаруженных исследований было основано на качественном подходе — оно предполагало проведение полуструктурированных интервью с молодыми потребителями смешанных с алкоголем энергетических напитков (Droste, Pennay, Lubman et al. 2016).

Использование теоретических моделей для изучения потребления энергетических напитков

Анализ статей показал, что подавляющее большинство актуальных эмпирических исследований не базируется на какой-либо теоретической модели. Исключение составили лишь три работы.

Одна из них, уже упоминавшееся выше качественное исследование Droste с соавторами (2016), основана на положениях теории социальной идентичности. Употребление энергетических напитков в данной работе изучалось в контексте его роли в культуре «ночной жизни» завсегдатаев ночных клубов.

В еще одной работе использовался гендерный подход: центральным фокусом исследования являлась связь потребления энергетиков и маскулинных норм (Levant, Parent, McCurdy et al. 2015).

Также в двух работах использовался концепт ожидаемых последствий употребления энергетиков — один из ключевых концептов социально-когнитивной теории Альфреда Бандуры (Levant, Parent, McCurdy et al. 2015; Troxel, Tucker, Ewing et al. 2016), активно применяемый в изучении потребления иных психоактивных веществ.

Изучение энергетических напитков: основные исследовательские вопросы

Можно выделить несколько основных типов исследований на основании определения предмета их изучения. Энергетические напитки могут являться самостоятельной отдельной темой изучения, и тогда в большинстве случаев в исследовании изучается опыт употребления энергетических напитков как самих по себе, так и смешанных с алкоголем. Другой тип исследований фокусируется больше на алкогольсодержащих энергетиках как подвиде алкогольной продукции. В одном исследовании энергетические напитки изучались в связке со спортивными напитками, употребление которых широко распространено среди студенческой молодежи за рубежом (Larson, Laska, Story et al. 2015), что задает иной контекст для изучения данной проблематики. Предметом еще одного зарубежного исследования стало употребление так называемых «энергетических шотов». Этот продукт, как выяснили авторы исследования, по воспринимаемым потребителями свойствам и паттернам потребления полностью сходен с энергетическими напитками, однако его оборот пока не так серьезно регулируется (Hammond, Reid 2016).

Какие же исследовательские вопросы ставят авторы эмпирических исследований потребления энергетических напитков? Можно выделить несколько групп исследований в зависимости от проверяемых гипотез.

Существенную часть работ составляют сугубо дескриптивные исследования, характеризующие паттерны потребления энергетических напитков среди разных групп. В подобных исследованиях попутно изучались ситуационный (Застрожин, Дрожжина 2015) и мотивационный (Reid, Ramsarran, Brathwaite et al. 2015; Johnson, Alford, Verster et al. 2016) контексты употребления энергетических напитков, а также

воспринимаемая эффективность возможных мер снижения потребления этих напитков (Moorman-Wildevuur, Moorman, Raat 2015).

Часто подобного рода исследования включали проверку гипотез о влиянии на потребление энергетических напитков достаточно ограниченного набора базовых социально-демографических характеристик (Застрожин, Дрожжина 2015; Reid, McCrory, White et al. 2017; Rutledge, Bestrashniy, Nelson 2016; Casuccio, Bonanno, Catalano et al. 2015).

Среди содержательных гипотез можно выделить пять наиболее распространенных типов, которые могли совмещаться в рамках одного исследования:

- 1) гипотезы о взаимосвязи употребления энергетических напитков с аддиктивным поведением — употреблением алкоголя, наркотических психоактивных веществ и немедицинским употреблением рецептурных стимуляторов (Larson, Laska, Story et al. 2015; Mann, Smith, Kristjansson 2016; Woolsey, Williams, Jacobson et al. 2015; Caviness, Anderson, Stein 2017; Haas, Beard, McKenna 2017; Friis, Lasgaard, Larsen 2015);
- 2) гипотезы о взаимосвязи употребления энергетических напитков с другими важными с точки зрения здоровья практиками: пищевым поведением (например употребление различных типов прохладительных напитков, наличие специальной диеты и пр.) (Larson, Laska, Story et al. 2015; Holubcikova, Kolarcik, Madarasova-Geckova et al. 2015); режимом сна (Levant, Parent, McCurdy et al. 2015; Larson, Laska, Story et al. 2015; Troxel, Tucker, Ewing et al. 2016; Patrick, Macuada, Maggs et al. 2016) или показателями физического (например индекс массы тела) (Reid, Hammond, McCrory et al. 2015) и психического (например депрессия) здоровья (Bonar, Green, Ashrafioun 2017; Pennay, Cheetham, Droste et al. 2015);
- 3) гипотезы о взаимосвязи употребления энергетических напитков и рискованного поведения, в частности в контексте вождения (Woolsey, Williams, Housman et al. 2017; Martz, Patrick, Schulenberg 2015) и гэмблинга (Pennay, Cheetham, Droste et al. 2015);
- 4) частные гипотезы о микросоциальных факторах употребления энергетических напитков подростками и молодежью, например, гипотезы о взаимосвязи доступности карманных денег и употребления энергетических напитков школьниками (Reid, Hammond, McCrory et al. 2015), связи употребления энергетиков с отсутствием установленных родителями правил относительно питания (Holubcikova, Kolarcik, Madarasova-Geckova et al. 2015), ака-

демической успеваемостью, способами проведения свободного времени и студенческой активностью (Martz, Patrick, Schulenberg 2015; Patrick, Macuada, Maggs 2016);

- 5) гипотезы о различии в паттернах, факторах и исходах потребления алкоголя в чистом виде и смешанного с энергетиками (Johnson, Alford, Verster et al. 2016; Cobb, Nasim, Jentink et al. 2015; Tucker, Troxel, Ewinga et al. 2016; Caviness, Anderson, Stein 2017; Verster, Benjaminsen, van Lanen et al. 2015).

Упомянувшиеся выше теоретически обоснованные исследования были построены по несколько иному принципу и включали в себя собственно социологические конструкторы. Исследование Levant с соавторами (2015) было направлено на проверку гипотезы о влиянии приверженности маскулинной идеологии на ожидания от действия энергетических напитков, которые в свою очередь способствуют увеличению уровня потребления энергетиков среди мужчин. Следует отметить, что данная гипотеза в исследовании подтвердилась. Исследование Droste с соавторами (2016) было направлено на изучение роли и личностного смысла употребления энергетических напитков — потребление изучалось в контексте его роли в социальном функционировании и поддержании социальной идентичности.

Заключение

Проведенный нами обзор показал, что тема употребления энергетических напитков остается крайне популярной для изучения социальных исследователей за рубежом. В России, несмотря на высокую частоту упоминаний данной проблематики, масштабные эмпирические исследования этой темы проводятся существенно реже.

Подавляющее большинство исследований носит исключительно количественный характер: спектр подобных исследований простирается от сугубо дескриптивных, направленных на оценку распространенности того или иного явления, до построения сложных математических моделей. При этом отчетливо видна потребность в качественных исследованиях паттернов, личностного смысла и социального контекста употребления данных психоактивных ненаркотических веществ, поскольку, как показал обзор, употребление энергетиков может быть связано с разделяемой идеологией и принадлежностью к определенной субкультуре. Очевидно, что, как и для потребления других психоактивных веществ, культуральный контекст также может играть

существенную роль, и обнаруженные в западных исследованиях закономерности могут быть неприменимы для российского общества.

Другим важным ограничением большинства рассмотренных работ является их оторванность от существующих теоретических моделей. Большинство исследований концентрировалось на изучении потребления энергетических напитков в контексте других психоактивных веществ (преимущественно алкоголя и наркотиков) — проблематики, которая имеет давнюю успешную историю изучения в рамках различных теоретических моделей. При этом данные модели практически не используются для эмпирического изучения потребления энергетических напитков. В то же время обзор показал перспективность использования для изучения потребления энергетических напитков неспецифических для поведения в сфере здоровья теоретических моделей.

Анализ проверяемых в исследовании гипотез позволяет говорить, что употребление энергетических напитков рассматривается преимущественно в следующих тематических контекстах: аддиктивное поведение, здоровье, рискованное поведение и микросоциальные влияния. При этом исследователи скорее склонны рассматривать энергетики в контексте употребления психоактивных веществ (в частности алкоголя), чем в контексте пищевого поведения. Таким образом, актуальный научный ракурс подхода к данной теме вполне соотносится с проблематизацией употребления энергетических напитков в современных российских СМИ.

Сами исследования в большинстве случаев выполнены скорее в эпидемиологическом или (реже) социально-психологическом ключе и редко являются в полной мере социологическими.

Очевидно, что на сегодняшний день не вполне изучены макросоциальный и социокультуральный аспекты потребления энергетических напитков, в первую очередь в контексте существующих в современном обществе норм и смыслов. Эти аспекты представляют собой потенциально перспективное направление исследований.

Данный обзор не являлся систематическим, т. е. в его основе не лежал сплошной систематический поиск и анализ всех имеющихся научных публикаций по определенным критериям. Таким образом, проанализированные работы могут не являться репрезентативной выборкой научных публикаций по данной тематике. Однако, на наш взгляд, подобный аналитический обзор позволяет составить представление об актуальных характеристиках научного поиска по изучаемой тематике и может быть полезен российским исследователям.

Источники

- Застрожин М. С., Дрожжина Н. А. Эпидемиологические аспекты потребления энергетических напитков на территории Российской Федерации // Вопросы питания. 2015. Т. 84. № 2. С. 19–24.
- Колпакова О. И. Социально-психологические факторы риска употребления наркотиков студентами вузов: Дисс. ... к. психол. н. СПб., 2010.
- Одиноква В. А. Обзор макро- и микросоциологических теорий проблемного потребления алкоголя // Теория и практика общественного развития. 2014. № 7. С. 32–34.
- Одиноква В. А. Теоретическое и эмпирическое определение проблемного потребления алкоголя // Теория и практика общественного развития. 2014. № 10. С. 59–63.
- Цветкова Л. А. Социально-психологические теории формирования аддикций // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2011. № 2. С. 166–178.
- Bonar E. E., Green M. R., Ashrafioun L. Characteristics of university students who mix alcohol and energy drinks // Journal of American College Health. 2017. No. 65. P. 288–293.
- Casuccio A., Bonanno V., Catalano R., Cracchiolo M., Giugno S., Sciuto V., Immordino P. Knowledge, Attitudes, and Practices on Energy Drink Consumption and Side Effects in a Cohort of Medical Students // Journal of Addictive Diseases. 2015. No. 34. P. 274–283.
- Caviness C. M., Anderson B. J., Stein M. D. Energy drinks and alcohol-related risk among young adults // Substance Abuse. 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/08897077.2017.1343217> (дата обращения: 30.08.2017).
- Cobb C. O., Nasim A., Jentink K., Blank M. D. The Role of Caffeine in the Alcohol Consumption Behaviors of College Students Caroline // Substance Abuse. 2015. No. 36. P. 90–98.
- Droste N., Pennay A. E., Lubman D. I., Zinkiewicz L., Peacock A., Miller P. The right place at the right time: The social contexts of combined alcohol and energy drink use // Drugs: Education, Prevention and Policy. 2016. P. 445–456.
- Friis K., Lasgaard M., Larsen F. B. Energy drink consumption among young adults in Denmark // 8th European Public Health Conference: Poster Displays. 2015. No. 25. P. 403.
- Haas A. L., Beard C. L., McKenna K. R. Proportion as a metric of problematic alcohol-energy drink consumption in college students // Journal of Substance Use. 2017. Vol. 22. No. 6. P. 1–6.
- Hammond D., Reid J. L. If it looks like a duck and quacks like a duck...: energy 'shots' should be regulated as energy drinks in Canada // Canadian Journal of Public Health. 2016. Vol. 107. No. 1. P. 133–135.
- Higgins J. P., Tuttle T. D., Higgins C. L. Energy beverages: content and safety // Mayo Clinic Proceedings. Elsevier, 2010. Vol. 85. No. 11. P. 1033–1041.

- Holubcikova J., Kolarcik P., Madarasova-Geckova A., van Dijk J. P., Reijneveld S. A.* Lack of parental rules increases the risk for high intake of soft and energy drinks in adolescents // *European Journal of Public Health*. 2015. Vol. 25. Supplement 3. P. 344.
- Johnson S. J., Alford C., Verster J. C., Stewart K.* Motives for mixing alcohol with energy drinks and other non-alcoholic beverages and its effects on overall alcohol consumption among UK students // *Appetite*. 2016. No. 96. P. 588–597.
- Larson N., Laska M. N., Story M., Neumark-Sztainer D.* Sports and energy drink consumption are linked to health-risk behaviours among young adults // *Public health nutrition*. 2015. Vol. 18. No. 15. P. 2794–2803.
- Levant R. F., Parent M. C., McCurdy E. R., Bradstreet T. C.* Moderated Mediation of the Relationships Between Masculinity Ideology, Outcome Expectations, and Energy Drink Use // *Health Psychology*. 2015. No. 34 (11). P. 1100.
- Mallett K. A., Scaglione N., Reavy R., Turrisi R.* Longitudinal Patterns of Alcohol Mixed With Energy Drink Use Among College Students and Their Associations With Risky Drinking and Problems // *Journal of Studies on Alcohol and Drugs*. 2015. No. 76 (3). P. 389–396.
- Mann M. J., Smith L. M., Kristjansson A. L.* Energy drink consumption and substance use risk in middle school students // *Preventive Medicine Reports*. 2016. No. 3. P. 279–282.
- Marczinski C. A., Fillmore M. T., Bardgett M. E., Howard M. A.* Effects of energy drinks mixed with alcohol on behavioral control: risks for college students consuming trendy cocktails // *Alcoholism: Clinical and Experimental Research*. 2011. Vol. 35. No. 7. P. 1282–1292.
- Martz M. E., Patrick M. E., Schulenberg J. E.* Alcohol Mixed With Energy Drink Use Among U.S. 12th-Grade Students: Prevalence, Correlates, and Associations With Unsafe Driving // *Journal of Adolescent Health*. 2015. No. 56. P. 557–563.
- Moorman-Wildeveur I., Moorman P. W., Raat H.* Reducing the consumption of energy drinks: what do young adolescents in Rotterdam indicate? // 8th European Public Health Conference: Poster Displays. 2015. No. 25. P. 239.
- Nielsen.* Ситуация и тенденции: российский рынок безалкогольных напитков. 2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nielsen.com/ru/ru/insights/news/2016/sales-of-nonalcoholic-beverages.html> (дата обращения: 04.08.2017).
- Patrick M. E., Macuada C., Maggs J. L.* Who Uses Alcohol Mixed with Energy Drinks? Characteristics of College Student Users // *Journal of American College Health*. 2016. No. 64. P. 74–79.
- Pennay A., Cheetham A., Droste N., Miller P., Lloyd B., Pennay D., Dowling N., Jackson A., Lubman D. I.* An Examination of the Prevalence, Consumer Profiles, and Patterns of Energy Drink Use, With and Without Alcohol, in Australia // *Alcoholism: Clinical and Experimental Research*. 2015. No. 39(8). P. 1485–1492.

- Reid J. L., McCrory C., White C. M., Martineau C., Vanderkooy P., Fenton N., Hammond D. Consumption of Caffeinated Energy Drinks Among Youth and Young Adults in Canada // Preventive Medicine Reports. 2017. No. 5. P. 65–70.
- Reid J. L., Hammond D., McCrory C., Dubin J. A., Leatherdale S. T. Use of caffeinated energy drinks among secondary school students in Ontario: Prevalence and correlates of using energy drinks and mixing with alcohol // Public Health. 2015. No. 106 (3). P. 101–108.
- Reid S. D., Ramsarran J., Brathwaite R., Lyman S., Baker A., Cornish D. C., Ganga S., Mohammed Z., Sookdeo A. T., Thapelo C. K. Energy drink usage among university students in a Caribbean country: Patterns of use and adverse effects // Journal of Epidemiology and Global Health. 2015. No. 5. P. 103–116.
- Richards G., Smith A. P. A Review of Energy Drinks and Mental Health, with a Focus on Stress, Anxiety, and Depression // Journal of Caffeine Research. 2016. No. 2. Vol. 6. P. 49–63.
- Rutledge P. C., Bestrashniy J., Nelson T. F. Problematic Drinking Among Postgraduate Students: Binge Drinking, Prepartying, and Mixing Alcohol With Energy Drinks // Substance Use and Misuse. 2016. No. 51. P. 972–982.
- Troxel W. M., Tucker J. S., Ewing B., Miles J. N., D'Amico E. J. Sleepy Teens and Energy Drink Use: Results From an Ethnically Diverse Sample of Youth // Behavioral sleep medicine. 2016. No. 14. P. 1–14.
- Tucker J. S., Troxel W. M., Ewing B. A., D'Amico E. J. Alcohol Mixed With Energy Drinks: Associations with Risky Drinking and Functioning in High School // Drug Alcohol Depend. 2016. No. 167. P. 36–41.
- Verster J. C., Benjaminsen J. M. E., van Lanen J. H. M., van Stavel N. M. D., Olivier B. Effects of mixing alcohol with energy drink on objective and subjective intoxication: results from a Dutch on-premise study // Psychopharmacology. 2015. No. 232. P. 835–842.
- Visram S., Cheetham M., Riby D. M., Crossley S. J., Lake A. A. Consumption of energy drinks by children and young people: a rapid review examining evidence of physical effects and consumer attitudes // BMJ Open. 2015. No. 6. P. e010380.
- Woolsey C. L., Williams Jr. R. D., Jacobson B. H., Housman J. M., McDonald J. D., Swartz J. H., Evans Jr. M. W., Sather T. E., Barry A. E., Davidson R. T. Increased Energy Drink Use as a Predictor of Illicit Prescription Stimulant Use // Substance Abuse. 2015. No. 36. P. 413–419.
- Woolsey C. L., Williams Jr. R. D., Housman J. M., Sather T. E. Age at First Use of Energy Drinks Associated With Risky Alcohol-Related Motor Vehicle Behaviors Among College Students // Journal of Child and Adolescent Substance Abuse. Vol. 26. 2017. Issue 5. P. 1–11.

О. Н. Бурмыкина

МЕЖПОКОЛЕННЫЙ СЕМЕЙНЫЙ КОНТРАКТ: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ¹

В статье представлены результаты исследования межпоколенного семейного контракта, под которым понимается комплекс норм, ожиданий и обязательств, регулирующих отношения между поколениями и возрастными группами. В качестве теоретической конструкции использовалась «модель солидарности». Изучались взгляды молодых людей на взаимные родственные обязательства взрослых детей и их родителей, а также поведение в конкретной ситуации. Эмпирический анализ показал, что представления студенческой молодежи о взаимных обязательствах поколений сохраняют традиционные черты и в то же время имеют свои особенности, позволяющие выявить возможные векторы изменений межпоколенного контракта.

Ключевые слова: семья, межпоколенные отношения, межпоколенный контракт, модель солидарности, взаимные обязательства, поколения, представления, молодое поколение.

Межпоколенный контракт представляет собой комплекс норм, ожиданий и обязательств, регулирующих отношения между поколениями и возрастными группами (Bengtson 1993). По своей сути понятие «межпоколенного контракта» является социальной метафорой взаимных обязательств поколений. Этот комплекс разделяемых норм действует на микро- и макроуровнях социальной структуры в данном социально-историческом контексте. На микроуровне — уровне семьи и индивидов — традиционный контракт между поколениями включает в себя нормы социализации (семейная социализация); нормы, связанные с доступностью ресурсов для разных поколений (семейная поддержка и помощь); нормы, касающиеся ухода за пожилыми людьми (семейный уход); культурные нормы, отражающие гендерные ролевые различия. На макроуровне — уровне общества — контракт выступает в виде существующей системы социального обеспечения и образования. Межпоколенный контракт нацелен на создание справедливого,

¹ Работа выполнена по государственному заданию (тема «Демографическое и социальное воспроизводство российской семьи и благополучия детей: публичное и приватное измерения») № государственной регистрации АААА-А17–117030110147–4).

с точки зрения каждого поколения, распределения и перераспределения семейных и общественных ресурсов.

В российском контексте контракт поколений как реальная практика существует скорее «на микроуровне — уровне межпоколенных отношений в семье (где также не имеется общепринятых нормативных оснований, на которых распределяются потоки помощи между поколениями). Контракт поколений “прописывается” и выстраивается в каждой семье по-своему как попытка собственного (внутрисемейного) решения проблемы межпоколенческой помощи и поддержки скорее на моральном, чем на материальном уровне» (Семенова 2009: 67–68).

Изучение нормативных представлений относительно родственных обязательств и ответственности, взаимной поддержки и готовности к конкретным действиям между разными поколениями семьи имеет особую значимость в странах с высоким уровнем традиционности взглядов на семейные и гендерные отношения, к каковым относится Россия (Фабрикант, Магун 2014). Международные сравнительные исследования, проведенные в европейских странах, в том числе и в России, также показали, что в странах с ограниченной социальной поддержкой люди придерживаются более строгих норм родственной ответственности (Karpinska, Dykstra et al. 2016). Было установлено, что строгое следование нормам родственного долга взрослыми детьми ведет к расширению инструментальной и финансовой поддержки, которую они оказывают своим стареющим родителям (Muresan and Naragus 2015).

Глобальные демографические тренды (увеличение продолжительности жизни, уменьшение рождаемости, старение) и локальный социальный контекст (общественные трансформации) приводят к изменениям возрастной структуры наций, политики распределения и перераспределения общественных ресурсов и доступа к ним, изменениям семейной, родственной структуры, межпоколенных отношений, соответственно — и к изменению семейного межпоколенного контракта. Особенностью современного этапа развития России является и то, что в активную жизнь вступает молодежь, социализация которой пришлась на начало нового века. Это молодое поколение отличается поведением, ценностями, взглядами на социальную реальность. Можно полагать, что сосуществование в обществе столь разных генераций приводит и к изменениям традиционного семейного контракта.

Межпоколенные взаимодействия в российских семьях трансформируются, становятся разнообразными и одновременно проблематичными, характеризуются противоречивостью и вариативностью (от взаимопонимания до разрыва). В современной социологической литературе отношения разных поколений членов семьи трактуются в рамках континуума «солидарность — амбивалентность — конфликт (кризис)». По мнению одних исследователей, российские семьи традиционно отличаются тесными межпоколенными связями, которые поддерживаются в случае как совместного, так и раздельного проживания разных поколений. Соответственно, межпоколенные отношения трактуются как солидарные (Синявская, Гладникова 2007; Корчагина, Прокофьева 2007, 2009; Миронова 2014; Настоящее и будущее семьи... 2015). Выводы этих ученых созвучны результатам исследований, проводимых в разных странах и свидетельствующих, что внутрисемейная солидарность между поколениями не ослабевает, а, наоборот, усиливается (Rossi and Rossi 1990; Bengtson & Roberts 1991; Bengtson 1993; Silverstein & Bengtson 1997; Silverstein, Gans & Yang 2006; Fokkema, Bekke and Dykstra 2008; Dykstra, Broek, Muresan, Naragus, Naragus, Abramowska-Kmon, Kotowska 2013). Родственная семейная солидарность во многом позволяет решать ряд социальных проблем, которые не в состоянии полностью взять на себя социальные институты, в частности проблемы поддержки пожилых людей (Прокофьева, Миронова 2015). Так, по результатам микропереписи населения 2015 г., население с хроническими заболеваниями, ограничивающими жизнедеятельность, получает помощь в повседневной жизни в первую очередь от родственников, проживающих совместно (61%) и живущих отдельно (24%), и во вторую — от социальных работников, медиков (13,6%) и специально нанятых людей (1,4%)². Другие исследователи говорят о межпоколенном конфликте в современной российской семье (Вдовина 2005), межпоколенческом дистанцировании и ослаблении близких родственных связей (Старчикова 2012), о кризисе межпоколенных отношений (Синельников 2015).

Теоретической конструкцией, позволяющей верифицировать основные компоненты контракта поколений на уровне семьи, является «модель солидарности», поскольку включает ее нормативное измерение —

² Рассчитано по: Итоги «Социально-демографического обследования (микроперепись населения) 2015 года». URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (дата обращения: 02.11.2017).

нормы родственного долга, реципрокности и ожиданий относительно собственного будущего, значимости семейных отношений (Bengtson & Mangen 1988; Roberts, Richards & Bengtson 1991; Bengtson 2001).

Одна из задач исследования³, посвященного изучению межпоколенных отношений в семье, — описание норм, ожиданий и обязательств разных поколений членов семьи относительно друг друга. Изучались взгляды молодых людей на взаимные родственные обязательства взрослых детей и их родителей, а также поведение в конкретной ситуации. Предполагалось, что в этих представлениях сохранится высокая приверженность моральному долгу, обязанностям, взаимной заботе. И в то же время — отразится неопределенность относительно готовности к конкретным действиям, которые во многом будут обусловлены ситуативными факторами.

Представления о родственных обязательствах *взрослых детей по отношению к родителям* таковы. Подавляющее большинство молодого поколения считает долгом и обязанностью каждого нормального сына или дочери помогать своим родителям (92%), брать на себя ответственность за заботу о них, независимо ни от каких обстоятельств и жизненных ситуаций (93%). Несправедливо перекладывать заботу о престарелых родителях только на плечи дочерей, поскольку принято считать это женской работой (82%). Дочери и сыновья должны нести равную ответственность и за уход, и за материальное обеспечение пожилых родителей (68%). Признавая моральный долг перед старшим поколением семьи, молодое поколение не всегда готово поступиться собственными интересами, в частности материальными и профессиональными. Так, вариативность проявилась в вопросах финансовой помощи родителям. Две трети полагают, что даже при ограниченных возможностях следует помогать деньгами родителям, треть — только при наличии таких возможностей. Молодые люди экономически более активны и лучше адаптированы к условиям рынка, но изменения потока материальной помощи от детей к родителям не наблюдается.

Отправление пожилых родителей доживать свой век в дом престарелых — сложная проблема не только в силу недостаточного развития подобных социальных учреждений с высоким качеством обслуживания и финансово доступных, но и в силу явной моральной подоплеки. В России было не принято отдавать стариков в «богадельню»,

³ Исследование проведено в трех вузах Санкт-Петербурга (РГПУ имени А. И. Герцена, СПбГУКИ, СПбГУЭУ) в апреле—июне 2014 г., N = 122, средний возраст — 19,5 лет.

это считалось неприличным, и семьи, как правило, сами ухаживали за своими стариками. При постановке вопроса на абстрактном уровне («В целом...») большинство респондентов (83%) считает ненормальным и недопустимым, когда пожилой человек живет в доме престарелых, хотя у него есть дети и близкие родственники. Если речь заходит о ситуациях, допускающих те или иные исключения, то только 58% опрошенных «ни в каких случаях» не отправили бы пожилых родителей в дом престарелых. Когда же респонденты сталкиваются с реальной ситуацией выбора между «работой в престижной фирме и проживанием больной мамы в специальном доме-интернате»⁴, то только половина из них (51,6%) откажется от выгодного предложения в пользу мамы, а 28,7% — предложение примут и 19,7% — не смогут сделать выбор. Таким образом, при переходе от абстрактной ситуации к реальной доминирование «морально детерминированных» оценок не столь очевидно, а рост прагматичных оценок налицо.

Оценки реальной ситуации выбора между профессиональной карьерой и проживанием мамы в интернате статистически значимо связаны с теми представлениями о взаимных обязательствах разных поколений членов семьи, которые делают акцент на долге. Респонденты, которые считают взаимным долгом старших и младших поколений членов семьи помогать друг другу; долгом взрослых детей брать на себя ответственность за заботу о престарелых родителях независимо от жизненных обстоятельств и финансовых возможностей, быть готовым изменить привычную жизнь; недопустимым ни в каких случаях проживание пожилых родителей в доме престарелых — скорее откажутся от заманчивого предложения, чем отправят маму в специализированный интернат, несмотря на нормальные условия жизни в нем и постоянный уход. Однако обстоятельства реальной жизни, как показано

⁴ Полное описание ситуации дано Н.А. Нечаевой: «Моя подруга окончила университет и получила приглашение на работу в престижной фирме, победив в большом конкурсе. Она живет с мамой, которая больна и не может сама за собой ухаживать, а будущая работа требует частого длительного отсутствия. Родственников, которые могли бы помогать, нет. Однако для мамы появилась возможность проживания в специальном доме-интернате. Условия там вполне нормальные. Что делать?» Респонденту предлагалось выбрать одно из двух суждений: «Жаль, конечно, но мне кажется, что надо искать другую работу. Как бы ни было хорошо в доме-интернате, лучше, если мама останется жить дома» / «А я думаю по-другому. Такого удачного предложения работы может больше никогда не быть. Надо воспользоваться возможностью проживания мамы в интернате: там будет обеспечен постоянный уход». В случае невозможности выбора допускался вариант ответа «затрудняюсь ответить».

выше, заставляют действовать вопреки общим представлениям, что говорит о роли ситуации в выборе того или иного поведения, о ее способности изменять намерения и общие ценностные диспозиции человека.

Взгляды молодого поколения на *отношения родителей и взрослых детей* отличаются большей дифференцированностью и неоднозначностью, особенно в том, что касается морального долга и обязанностей. В большинстве семей студентов помощь родителей взрослым детям принята, но эта помощь не считается обязанностью и долгом старшего поколения, а рассматривается как дело добровольное (84%). Взрослые дети вправе рассчитывать лишь на отдельные услуги, а не на постоянную помощь родителей (71%). Родители должны оказывать скорее моральную поддержку (77%), материальная же помощь может быть предоставлена только при наличии финансовых возможностей (72%). Хотя по многим вопросам студенты выражают скорее традиционные взгляды, значительна и доля тех, кто придерживается иных мнений или затрудняется ответить. Так, 55% респондентов считают, что независимо от жизненной ситуации детей родители всегда должны им помогать, а 40% допускают помощь только в тяжелых жизненных случаях. Две трети респондентов полагают, что мамы и папы должны помогать взрослым детям, пока те «не встанут на ноги» в материальном смысле. Треть же считает, что этого делать не стоит: родители должны дать только образование; 57% искренне не понимают тех родителей, которые не помогают своим детям, убеждая их, что они сами должны всего добиться, а 35% — могут понять таких родителей. Более 63% молодых людей допускают, что родители должны помогать, даже если не получают ответную помощь, остальные же либо сомневаются в этом, либо подобной ситуации не приемлют: родители вправе ожидать ответную помощь. Большая часть студентов (80%) придерживается традиционных взглядов на делегирование ответственности и заботы о младшем поколении членов семьи на старшее, полагая, что дедушки и бабушки должны брать на себя заботу о внуках, если их родители не могут этого сделать в силу разных обстоятельств.

Наибольшая вариативность и противоречивость проявились в ответах на вопросы о взаимной готовности взрослых детей и их родителей изменить свою жизнь, чтобы помочь друг другу в сложной ситуации. Причем распределение ответов на эти вопросы практически одинаково. Чуть больше половины молодых людей полагают, что и взрослые дети должны изменить привычную жизнь, сменить работу, чтобы заботиться о престарелых родителях (55%), и родители должны изменить

свои жизни, чтобы выручить взрослых детей, оказавшихся в трудном положении (51%). Почти четверть опрошенных не разделяет потенциальную готовность потерять профессиональный статус и доходы, кардинально поменять жизнь (26% и 28%). Каждый пятый — затруднился ответить на вопросы. Это свидетельствует об амбивалентности представлений о готовности к поведению — одновременном поддержании «противоположных» чувств и эмоций, которые следуют из-за противоположных ожиданий относительно того, как человек должен действовать. На наш взгляд, именно в таких случаях влияние ситуативных факторов становится весомым.

Исследование влияния пола, индикаторов проживания в родительском доме или вне его, места рождения респондентов и их родителей на представления о взаимных родственных обязательствах выявило следующее. Данные представления оказались гендерно не дифференцированными. Факт совместного с родителями или самостоятельного проживания студентов также не сказался на них. Фактор «место рождения» респондента и его родителей (Санкт-Петербург, другие крупные города / средние, малые города, села и деревни) дифференцировал некоторые взгляды, выявив статистически значимые, хотя и несильные связи. Студенты — коренные горожане, в отличие от студентов, родившихся в деревне, скорее считают, что родители должны изменить свою жизнь ради взрослых детей, оказавшихся в трудной ситуации. Участники опроса, оба родителя которых имели сельское происхождение, с большей вероятностью согласятся с тем, что родители должны помогать взрослым детям, пока те не достигнут материального благополучия. Респонденты, чьи матери горожанки, скорее поймут родителей, не помогающих своим детям, полагая, что они сами должны всего добиться; будут считать долгом взрослых детей заботиться о престарелых родителях даже в ущерб своей работе. Молодые люди, отцы которых родились в городе, вероятнее сочтут недопустимым проживание стариков-родителей в доме престарелых при живых детях даже в исключительных случаях.

Проведенный анализ представлений молодых людей о родственных обязательствах, ответственности и поддержке между разными поколениями членов семьи показал высокую степень согласия с общими положениями о моральном долге, обязанности, ответственности, заботе независимо ни от каких жизненных обстоятельств и ситуаций. В то же время выявились и особенности этих представлений. Наблюдается четкое разграничение «долговых обязательств» в вопросах взаимопомощи взрослых детей и их родителей: помощь родителям —

безусловный долг детей, помощь детям — дело добровольное, зависит от сложившихся взаимоотношений и чувств, испытываемых друг к другу. В вопросах, касающихся материальной взаимопомощи, молодое поколение прагматично считает, что помогать надо только при определенных условиях, по возможности. Большинство молодых людей придерживается гендерного равенства относительно заботы о престарелых родителях, не считая справедливым перекладывать ее на плечи дочерей, поскольку принято считать это женской работой. Сыновья и дочери должны нести равную ответственность и за уход, и за материальное обеспечение пожилых родителей. Представление о потенциальной взаимной готовности к конкретному поведению (изменить свою жизнь, чтобы помочь друг другу; принять или отклонить предложение о выгодной работе в ущерб интересам семьи) амбивалентно, т. е. одновременно поддерживаются «противоположные» чувства и эмоции, которые следуют из противоположных ожиданий относительно должных действий человека. Отметим, что к аналогичному выводу пришли российские исследователи при сравнении данных трех волн обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе», выделяя тенденцию «перетекания» ответов в промежуточную позицию (Народонаселение современной России... 2013). Большее значение имеют контекстуальные факторы — ситуации и конкретные обстоятельства в отношениях разных поколений членов семьи, когда жизнь заставляет действовать вопреки общим представлениям.

Вариативность взглядов молодого поколения на отношения родителей и взрослых детей, по-видимому, может объясняться отсутствием реального опыта родительства и собственным опытом отношений между поколениями в семье. Влияние фактора «места рождения» говорит о воспроизводимости практик межпоколенных отношений в семье.

Таким образом, представления молодого поколения о родственном долге, обязательствах и заботе разных поколений семьи сохраняют традиционные черты и в то же время имеют свои особенности, позволяющие выявить возможные векторы изменений межпоколенного контракта. Проведенный анализ эмпирически доказал, что межпоколенный семейный контракт меняется, но не «переписывается».

Источники

Вдовина М. В. Межпоколенный конфликт в современной российской семье // Социологические исследования. 2005. № 1. С. 102–104.

- Корчагина И. И., Прокофьева Л. М. Население России: о роли общества и семьи в поддержке детей и престарелых // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. По материалам одного исследования: Сборник аналитических статей. Вып. 1. Под науч. ред. Т. М. Малевой и О. В. Синявской. М.: НИСП, 2007. С. 313–344.
- Корчагина И. И., Прокофьева Л. М. Россияне о роли общества и семьи в поддержке детей и престарелых: изменения последних лет // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. По материалам одного исследования: Сборник аналитических статей. Вып. 2. Под науч. ред. С. В. Захарова, Т. М. Малевой и О. В. Синявской. М.: НИСП, 2009. С. 247–264.
- Миронова А. А. Родственная межпоколенная солидарность в России // Социологические исследования. 2014. № 10. С. 136–142.
- Народонаселение современной России: риски и возможности. М.: Экономическое обозрение, 2013. С. 96–108.
- Настоящее и будущее семьи в меняющемся мире. М., 2015.
- Прокофьева Л., Миронова А. Роль межсеме́йного обмена в системе материальной поддержки и ухода за пожилыми в современной России // Демографическое обозрение. 2015. № 3. С. 69–86.
- Семенова В. Социальная динамика поколений. Проблема и реальность. М.: РОСПСПЭН, 2009. С. 67–68.
- Синельников А. Б. Кризис брачно-семе́йных и межпоколенных отношений и приоритетные направления демографической политики в России: автореф. докт. дис. М., 2015.
- Синявская О. В., Гладникова Е. В. Взрослые дети и их родители: интенсивность контактов между поколениями // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. По материалам одного исследования: Сборник аналитических статей. Вып. 1. Под науч. ред. Т. М. Малевой и О. В. Синявской. М.: НИСП, 2007. С. 517–544.
- Фабрикант М., Магун В. Семейные ценности россиян и европейцев. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0613/tema01.php> (дата обращения: 02.11.2017).
- Социально-демографическое обследование (микрореперпись населения) 2015 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (дата обращения: 02.11.2017).
- Старчикова М. В. Межпоколенное взаимодействие в современной России // Социологические исследования. 2012. № 5. С. 140–144.
- Bengtson V. L., & Mangen D. J. Family intergenerational solidarity revisited // D. J. Mangen, V. L. Bengtson, & P. H. Landry (Eds.). Measurement of intergenerational relations. Newbury Park, CA: Sage, 1988. P. 222–238.
- Bengtson V. L., & Roberts R. E. L. Intergenerational solidarity in aging families: An example of formal theory construction // Journal of Marriage and the Family. 1991. No. 53. P. 856–870.

- Bengtson V. L.* Is the «Contract Across Generations» Changing? Effects of Population Aging on Obligations and Expectations Across Age Group // Bengtson V. L. and W. A. Achenbaum (eds.). *The Changing Contract Across Generation*. N. Y., 1993.
- Bengtson V. L.* Beyond the nuclear family: the increasing importance of multigenerational bonds // *Journal of Marriage and Family*. 2001. Vol. 63. P. 1–16.
- Dykstra Pearl A., Thijs van den Broek, Cornelia Muresan, Mihaela Haragus, Paul-Teodor Haragus, Anita Abramowska-Kmon, Irena E. Kotowska.* State-of-the-art report Intergenerational linkages in families (Families and Society). Working Paper Series 1. 2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.familiesandsocieties.eu/?page_id=131 (дата обращения: 02.11.2017).
- Fokkema Tineke, Bekke Susan ter, Dykstra Pearl A.* Solidarity between Parents and their adult children in Europe // *Netherlands interdisciplinary Demographic institute Report*. Knao Press, Royal Netherlands Academy of Arts and Sciences, Amsterdam, 2008. No. 76.
- Karpinska Kasia, Dykstra Pearl A., Thijs van den Broek, Djundeva Maja, Abramowska-Kmon Anita, Kotowska Irena I., Haragus Michaela, Haragus Paul-Teodor, Muresan Cornelia and Pau Mari-Klose.* Intergenerational linkages in families: The organization of caring and financial responsibilities: Summary of results (Families and Society). Working Paper Series Changing families and sustainable societies: Policy contexts and diversity over the life course and across generations 61. 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.familiesandsocieties.eu/?page_id=131 (дата обращения: 02.11.2017).
- Muresan C., & Haragus P-T.* Norms of family obligation and actual giving and receipt of financial support and care. [Familie sand Societies deliverable 7.4] 2015.
- Roberts R. E. L., Richards L. N., & Bengtson V. L.* Intergenerational solidarity in families: Untangling: the ties that bind // S. K. Pfeifer & M. B. Sussman (Eds.). *Marriage and Family Review*. Binghamton, N. Y.: Haworth Press, 1991. Vol. 16. P. 11–46.
- Rossi A. and Rossi P.* Of Human Bonding. Parent — Child relation across the Life Course. N. Y.: Aldine de Gruyter, 1990.
- Silverstein M., & Bengtson V. L.* Intergenerational solidarity and the structure of adult child-parent relationships in American families // *American Journal of Sociology*. 1997. No. 103. P. 429–460.
- Silverstein M., Gans D., & Yang F. M.* Filial support to aging parents: The role of norms and needs // *Journal of Family Issues*. 2006. No. 11. P. 1068–1084.

ГЕНДЕРНЫЕ ИДЕАЛЫ МОЛОДЕЖИ (1999–2014 ГГ.)¹

В статье рассматриваются различные аспекты трансформации гендерных идеалов студенческой молодежи. На основе результатов исследований 1999, 2007 и 2014 гг. показано, что с 1999 по 2007 г. общий вектор изменений был направлен в сторону развития эгалитарности при небольшом падении ценности традиционных черт. Во второй анализируемый период (2007–2014 гг.) траектория этих трансформаций стала принципиально иной — наблюдается «обратная волна» движения в сторону уменьшения привлекательности характеристик современно-эгалитарного идеала при стабильно высокой или еще более усиливающейся важности традиционных черт. Выявленные процессы ретрадиционализации касаются в первую очередь идеала женщины. Причем представления девушек в этом направлении изменились больше, чем взгляды юношей. На основе предложенных автором показателей зафиксировано, что степень согласованности гендерных идеалов в глазах студенческой молодежи к 2014 г. увеличилась и находится на высоком уровне.

Ключевые слова: гендерная картина мира, гендерная доминанта сознания, гендерные идеалы, идеал мужчины, идеал женщины, уровень согласованности, трансформация и ретрадионализация.

Доброта — основная черта! Доброта не какая-то малость.
Если в женщине есть доброта, значит — женщина состоялась.
Е. Евтушенко

Какой занятный общества этап,
Коварно подготовленный веками:
Мужчины стали чем-то вроде баб,
А женщины — почти что мужиками.
Е. Евтушенко

Введение. Цель и задачи исследования

С начала 1990-х гг. в различных сферах общественной жизни происходят значительные изменения, в первую очередь обусловленные про-

¹ Работа выполнена по государственному заданию (тема «Демографическое и социальное воспроизводство российской семьи и благополучия детей: публичное и приватное измерения» № государственной регистрации АААА-А17–117030110147–4).

водимыми в стране реформами. Трансформации охватывают не только политические и экономические области жизни, меняется и обыденное сознание, представления людей о себе и о том, что их окружает.

Постепенно трансформируются и гендерные отношения, активизируются процессы эмансипации, подвергаются пересмотру традиционные женские роли — матери, жены, как это бывало «на сломе эпох» и прежде (Мицюк 2015; Исупова 2000). В различных сферах экономики появляются успешные женщины-предприниматели. На экраны и страницы печатных изданий смело выходит деловая женщина — активная и независимая, не только ни в чем не уступающая мужчинам, но и со знанием дела руководящая ими. Все это находит яркое отражение в научных публикациях, посвященных как женскому лидерству, женщинам-руководителям и женскому бизнесу, так и образу женщины в целом (Бабаева, Чирикова 1996; Чирикова 1998; 2003; 2016; Бендас 2000; Исследование PricewaterhouseCoopers: Женщина-лидер в российском бизнесе 2013; Митина, Петренко 2000). Изменяются и мужские роли — главы семьи, отца (Кон 2009; Кон 2010; Нечаева 2015; Чикалова 2016).

Однако во многом остается открытым вопрос о том, насколько эти изменения реальной жизни и ее более или менее адекватного отражения в средствах массовой коммуникации затронули обыденное гендерное сознание как населения в целом, так и молодого поколения; в какой мере были приняты и усвоены новые эталонные образы женщины и мужчины на фоне традиционных идеалов отечественной культуры. Ведь и во времена значительных перемен, когда многое не только стремительно изменяется, но даже разрушается и полностью исчезает, одни структуры сознания подвержены быстрым трансформациям, другие на этом фоне сохраняют свои позиции.

Предметом данного исследования являлась одна из структур гендерной картины мира — гендерные идеалы. Цель работы заключалась в том, чтобы установить, трансформировались ли за 18 лет представления молодежи об идеальных мужчине и женщине. Для ее реализации предполагалось решить несколько задач: 1) зафиксировать черты современных гендерных идеалов; выявить, какие из них признаются большинством студенческой молодежи ценными и важными и какие, напротив, отвергаются; 2) сравнить структуру гендерных идеалов 1999, 2007 и 2014 гг. и выявить произошедшие за эти годы изменения и, наконец, 3) сопоставить представления юношей и девушек об идеальных мужчине и женщине и определить меру их совпадения / рассогласования.

Понятие «гендерный идеал». Концепция и методика исследования

В широком смысле идеал — это «образец, прообраз, высшая цель стремлений, совершенное воплощение чего-либо, представление о высшем совершенстве в каком-либо отношении» (Энциклопедия эпистемологии и философии науки 2009: 295).

Идеалы тесно связаны с проблемой смысла человеческого существования. В этом заключается их важная, во многом недооцененная в настоящее время роль — «отсутствие в жизни смысла, целей, ценностей и идеалов вызывает значительные страдания»; «...нам нужны некие абсолюты — устойчивые идеалы, к которым мы можем стремиться, и направляющие ориентиры, на основании которых можно выстраивать жизнь» (Ялом 2014: 472–473).

Гендерные идеалы — идеализированные представления о предназначении, поведении и чувствах мужчин и женщин, свойственные данной культуре (Смелзер 1994: 330, 332, 651). В нашей работе мы рассматриваем их как эталонные образы мужчины и женщины, обладающие определенной структурой, представленной набором качеств, связанных между собою неслучайным образом. Гендерный идеал — общий ориентир, путеводная звезда, которая хотя и не достижима в реальной жизни, но придает ей смысл и указывает путь, направление устремлений.

Несмотря на то что существует немалое количество исследований, посвященных гендерным идеалам, в целом они изучены в значительно меньшей степени, чем другие аспекты данной проблематики, например такие, как гендерные стереотипы или гендерные роли. Описанные в работах гендерные идеалы отличает значительная вариативность многочисленных качеств, ценимых в мужчинах и женщинах. Во многом это обусловлено как многоаспектностью самой этой структуры, так и разными задачами и сферами проводимых опросов.

Исследования идеалов, носящие прикладной характер, проводятся в сфере маркетинга и рекламы (Портрет идеального мужчины и идеальной женщины 2014; Образ идеального мужчины в сознании российских женщин 2010). По этой теме изучается общественное мнение (Самые ценные мужские качества глазами россиянок 2013; Красивая, добрая, умная: женщина-мечта для российского мужчины 2013). Для выявления гендерных идеалов у людей с разнообразными личностными особенностями используются психологические методи-

ки — личностный опросник Р. Кеттелла, семантический дифференциал (Ч. Осгуд — В. Ф. Петренко) (Сунцова 2013), методика «множественной идентификации» В. Ф. Петренко (Митина, Петренко 2000). Внимание исследователей привлекает проблема соотношения современных мужских и женских идеальных образов и традиционных культурных представлений (Берн 2007; Мацумото 2008; Лежнина 2013).

К сожалению, во многих работах не представлены концептуальная основа и априорное обоснование выбранного для изучения набора свойств. Полученные результаты нередко содержат только перечень отдельных характеристик привлекательных образов мужчины и женщины, без обобщающих типологий. Такие разрозненные свойства в большинстве случаев трудно сводимы к какому-либо «общему знаменателю», который давал бы возможность как иметь целостный взгляд на текущее состояние дел, так и более обоснованно судить о векторе трансформации гендерных идеалов.

Поскольку одним из основных принципов, на которых базируются проводимые нами исследования, является переход от накопления отдельных, не связанных между собою фактов по гендерным проблемам (важных, но не дающих ответа на фундаментальные вопросы существования и изменения гендерных отношений) к их анализу как целостных образований, имеющих определенную структуру и механизмы трансформации, гендерные идеалы рассматривались нами в качестве одного из уровней более общей системы — гендерной картины мира (Нечаева 1999). Именно общее содержание той или иной ее модели определяет типы входящих в нее идеалов мужчины и женщины.

Ранее было эмпирически подтверждено, что и в целом модели гендерных картин мира, и каждый их уровень (гендерные идеалы, общие гендерные диспозиции, ситуационные установки) представляют собой отношение между всей совокупностью их элементов и порождаемым ею интегральным свойством. В качестве таковых выступали *патриархатность и эгалитарность гендерных отношений* (Нечаева 1997).

Содержательно патриархатность базируется на признании гендерного неравенства; поддержке существования в обществе и семье разделения гендерных ролей; убеждении, что главная, активная роль должна принадлежать мужчине, основная сфера самореализации женщины — семья, рождение и воспитание детей. Эгалитарность основана на отрицании гендерного неравенства — неравноправного, подчиненного положения женщины в обществе и семье; непризнании разделения и жесткого закрепления гендерных ролей; утверждении важности для

женщины внесемейной реализации в различных сферах общественной жизни. Эти главные системообразующие свойства были названы нами *гендерными доминантами сознания*. Являясь сквозными характеристиками, своеобразными «стержнями», пронизывающими все уровни гендерной картины мира, они организуют и упорядочивают спектр взаимосвязанных черт, содержательно проявляясь по-разному в зависимости от того, какой конкретно уровень системы рассматривается, но сохраняя при этом основополагающее для модели смысловое значение — доминирующих патриархатности или эгалитарности.

В соответствии с этим для эмпирической фиксации гендерных идеалов методика включала набор из 16 индикаторов-характеристик. Опрашиваемому предлагалось выбрать из них по семь наиболее важных и ценных, с его точки зрения, для современных мужчин и женщин. Обсуждаемые далее результаты опросов получены на основе использования идентичного инструментария.

Результаты исследований

Представления студенческой молодежи об идеале женщины: 2014

Портрет современной идеальной женщины глазами студенческой молодежи представим на двух уровнях измерений. Первый — микроуровень — опирается на 16 отдельных характеристик. Важно зафиксировать, какие из них ценны, служат ориентирами, доминируют по привлекательности. Далее, поскольку гендерные идеалы представляют собой целостную подструктуру гендерной картины мира, важно установить, какие их модели (типы) и в какой мере распространены в сознании юношей и девушек. Для данной подструктуры это — измерение на макроуровне.

На основе ранжирования степени важности черт идеала женщины были выделены три группы. Первая включает те свойства, которые для подавляющего большинства являются наиболее привлекательными. Вторая — отражает качества, которые ценят около половины юношей и девушек. И наконец, третья — это то, что притягательно в женщине менее всего.

По результатам исследования 2014 г.², подавляющее большинство опрошенных главными чертами идеала женщины назвали верность

² Исследование «Гендерная картина мира молодежи». Опрашивались студенты вузов Санкт-Петербурга, объем выборки составил 122 чел., возраст от 18 до 21 года.

и преданность (93%), доброту и душевность (89%), мягкость, нежность, терпимость (88%) и ум (82%). Эти свойства занимают первые четыре ранговых места. Как видно из данных, проявив очень высокую степень единодушия, представители студенческой молодежи предпочли почти исключительно фемининные качества, традиционно связываемые с идеалом женщины.

Существенно меньшей важностью в глазах молодежи обладает другая группа качеств — ее выбрали около половины опрошенных. Они полагают, что женщина должна быть способной пожертвовать многим ради семьи (54%), быть надежной (51%), активной и энергичной (51%), сильной, уверенной в себе (50%), но одновременно и скромной (48%). Эти свойства представляет собой соединение как традиционно-патриархатных добродетелей, так и не входящих в этот образ маскулинных свойств. Хотя черты этой группы не занимают в описываемом портрете высоких ранговых мест, тем не менее их ценит весьма значительное количество молодых образованных людей.

Наконец, менее всего в современной женщине оказались привлекательными тяга к знаниям и высокому профессионализму (21%), стремление к успеху (20%), достижение материального благополучия (20%), самостоятельность и независимость (13%). И уж совсем немногие ценят уверенность в том, что в жизни важно реализовать свои способности, знания (9%), сделать хорошую карьеру (6%), быть способной многим пожертвовать ради своего дела, работы (2%).

Далее, чтобы представить идеал женщины в обобщенном виде, был использован показатель-индекс, построенный нами ранее на основе факторного анализа и включающий 8 индикаторов: 1) верная, преданная, 2) скромная, 3) способная пожертвовать многим ради семьи, 4) мягкая, нежная, терпимая; при одновременном неприятии 5) убежденности в важности реализации своих способностей и знаний, 6) стремления к самостоятельности и независимости, 7) активности, 8) силы, уверенности в себе (в факторном решении качества 5–8 имеют отрицательные факторные нагрузки) (Нечаева 1999: 10–11).

Установлено, что в 2014 г. более половины юношей и девушек (55%) предпочитали традиционно-патриархатный идеал женщины, в котором доминируют верность, преданность, скромность, мягкость, нежность и приверженность семейным ценностям. Значительная часть опрошенных (42%) являлась носителями смешанного типа женского эталона, который представляет собой соединение как традиционно ценимых женских добродетелей, так и ориентаций

на самостоятельность, самореализацию, успех, карьеру, пробивающих себе дорогу в современном обществе. И наконец, лишь 3% студентов наиболее привлекательной считают женщину, отринувшую традиционно ценимые черты и ратующую за современно-эгалитарный идеал.

Таким образом, к настоящему времени в глазах двадцатилетних студентов по привлекательности абсолютно лидируют традиционные черты женского образа — верность, преданность, доброта и мягкость в соединении с умом, оставляя далеко позади то, что связано с независимостью, мотивацией достижения и самореализацией — важнейшими чертами современно-эгалитарного идеала женщины. Вместе с тем, делая выводы, важно опираться не только на отдельные характеристики. Типологический же анализ показал, что количество тех, для кого идеал женщины абсолютно традиционен, незначительно отличается от числа выбирающих в качестве индивидуального ориентира образ женщины, в котором соединены традиционные и эгалитарные свойства.

Гендерные различия в представлениях об идеальной женщине: степень согласованности взглядов юношей и девушек

Мера согласованности гендерных идеалов — это важный показатель уровня конфликтности как отдельных гендерных экспектаций, так и гендерной картины мира в целом. На разных этапах развития общества эта мера может быть различной. Можно предполагать, что в периоды резкой смены общественных отношений и связанных с ней перемен в массовом сознании представители полов «разными глазами» смотрят на трансформации в гендерной сфере, в том числе на то, что следует считать важным, привлекательным в мужчине и женщине. Чем более не похожи их представления, чем более расходятся взгляды на то, каковы должны быть гендерные образцы, к чему следует стремиться и чему следует подражать, тем выше уровень конфликтности ожиданий и поведения в семье, на работе, в других сферах жизни вплоть до «войны полов».

Рассмотрим, насколько совпадают образы идеальной женщины в глазах современных юношей и девушек.

Чтобы иметь возможность эксплицитно, достаточно строго оценить меру согласованности их позиций по всему спектру анализируемых характеристик, ранее нами были предложены три показателя-критерия: 1) диапазон рассогласования, 2) глубина различий и 3) содержание противоречий / согласия (Нечаева 2011).

Первый из них — *диапазон рассогласования* — это соотношение количества характеристик, по которым были зафиксированы существенные (статистически значимые) различия во взглядах обоих полов, и общего числа анализируемых свойств гендерного идеала (мужского или женского).

Второй показатель — *глубина различий* — демонстрирует меру расхождения точек зрения по отдельным характеристикам привлекательных образов.

Третий — *содержание противоречий / согласия* — дает возможность раскрыть основные смысловые аспекты совпадающих и отличающихся позиций.

Эти показатели позволяют не только оценить текущее состояние дел, но и судить о динамике согласованности / противоречивости представлений об эталонных гендерных образцах. Они и были использованы в настоящей работе.

По результатам исследования 2014 г. в отношении идеального образа женщины, не приходится говорить ни о диапазоне рассогласования представлений юношей и девушек, ни о его глубине. Из 16 анализируемых характеристик нет ни одной, по которой были бы зафиксированы статистически значимые различия (применялся критерий Фишера). Иными словами, диапазон рассогласования и его глубина равны нулю. Лишь две черты продемонстрировали «маргинальные» (близкие к значимым) расхождения: студентки несколько в большей степени, чем студенты, считают важными для женщины достижение успеха и материального благополучия. Хотя в целом эти черты, как было показано выше, и теми, и другими ценятся не слишком высоко.

Итак, в 2014 г. представления юношей и девушек об эталонном женском образе были почти одинаковы.

В соответствии с третьим показателем зафиксировано, что в структуре идеала женщины существуют две ярко выраженные *зоны гендерного согласия*.

Первая охватывает качества, которые наиболее важны с точки зрения как молодых людей, так и девушек. Этот спектр свойств мы назвали *зоной обоюдной привлекательности*. Ее содержание таково.

Юноши видят идеальную женщину прежде всего доброй и душевной (97%), верной и преданной (95%), мягкой, нежной, терпимой (84%) и умной (73%). Важно подчеркнуть, что эти качества не только являются наиболее важными для молодых людей, но и выбраны абсолютным большинством.

Представления девушек очень похожи, и они почти столь же единокорны в своих предпочтениях. Женщина, служащая, по их мнению, образцом, должна быть в первую очередь верной и преданной (92%), мягкой, нежной, терпимой (89%), доброй и душевной (86%) и умной (86%). Таким образом, налицо почти полное совпадение взглядов представителей обоих полов на то, что прежде всего должно отличать современную идеальную женщину (незначительное смещение ранговых мест не может приниматься в расчет, поскольку статистические различия не значимы).

Вторая выявленная зона гендерного согласия — *зона обоюдного неприятия*. Она состоит из спектра тех свойств, которые, по мнению опрошенных, наименее ценны для женщины (качества, занимающие последние ранговые позиции), и также демонстрирует высокую степень согласия.

Малое число юношей хочет видеть в женщине стремление добиться успеха (11%), умение достичь материального благополучия (11%), самостоятельность и независимость (8%), уверенность, что главное в жизни — реализовать свои способности и знания (8%), стремление сделать хорошую карьеру (5%) и готовность пожертвовать многим ради своего дела, работы (0%).

Взгляд девушек аналогичен: немногие ценят в женщине стремление к самостоятельности и независимости (15%), уверенность, что в жизни важно реализовать свои способности и знания (9%), стремление сделать хорошую карьеру (6%) и способность многим пожертвовать ради любимого дела, работы (2%).

Таким образом, можно констатировать, что взгляды юношей и девушек на то, что ими признается наиболее и наименее важным в современной женщине, очень близки: степень согласованности их позиций высока. Это подтверждается, во-первых, тем, что нет существенных различий ни по одной из проанализированных черт. Во-вторых, в структуре образа идеальной женщины существуют две зоны гендерного согласия — зона обоюдной привлекательности (наибольшей ценности качеств идеальной женщины) и зона обоюдного неприятия (наименьшей ценности этих свойств). По содержанию первые — это черты традиционно-патриархатного идеала, являющиеся фемининными свойствами, вторые — это характеристики современно-эгалитарного идеала женщины, в котором доминируют независимость, самостоятельность и профессиональная самореализация.

Представления студенческой молодежи об идеале мужчины: 2014

По результатам исследования, молодежь считает, что идеальный мужчина должен быть в первую очередь сильным, уверенным в себе (87%), верным и преданным (82%), надежным (81%), должен уметь достичь материального благополучия (79%) и быть умным (73%). Из этих пяти качеств, занимающих первые ранговые места и характеризующихся высоким уровнем единодушия молодежи, три — сила, надежность и обеспечение достатка — традиционно являются маскулинными свойствами. Показательно, что другие качества, наиболее ценимые молодежью в мужчине — верность, преданность и ум, — к ним не принадлежат. Более того, именно эти характеристики оказались на верхних этажах предпочтений в обоих гендерных идеалах: с точки зрения молодежи, они чрезвычайно важны как для женщин, так и для мужчин. Это свидетельствует о том, что к настоящему времени гендерные идеалы как обладают яркой маскулинно-фемининной спецификой, так и содержат общие черты.

Следующую группу качеств важными считают существенно меньше опрошенных: активность, энергичность ценят 54% из них; стремление добиться успеха, многого достичь в жизни привлекают в мужчине 47%; тяга к знаниям, высокому профессионализму принадлежат эталонному образу для 42% юношей и девушек; душевность и доброта — для 38%; способность пожертвовать многим ради семьи ценят 36%.

И наконец, менее всего студенческую молодежь в мужчине привлекают стремление к самостоятельности и независимости (25%), желание сделать хорошую карьеру (24%), уверенность, что в жизни важно реализовать свои способности и знания (12%), способность многим пожертвовать ради своего дела, работы (5%), а также некоторые черты, традиционно приписываемые женскому образу, — мягкость, нежность, терпимость (12%) и скромность (5%).

Таким образом, вопреки распространенным обыденным представлениям, стремление к самореализации (прежде всего профессиональной), мотивация достижения не являются доминирующими чертами современного идеала мужчины. Даже среди студенческой молодежи — без пяти минут специалистов с высшим образованием — как скала возвышается традиционно маскулинное качество — сила, и ценится она значительно выше, чем стремление к реализации способностей и хорошая карьера.

***Гендерные различия в образе идеального мужчины:
степень согласованности взглядов юношей и девушек***

Если, как было показано выше, идеал женщины в глазах юношей и девушек отличается крайне мало — не приходится говорить о каких-либо существенных разногласиях, — то в отношении идеала мужчины дела обстоят иначе.

Во-первых, существует некоторый диапазон рассогласования взглядов: по 6 из 16 характеристик зафиксированы статистически значимые различия (применялся критерий Фишера, $p < 0,05$). Это означает, что образ современного привлекательного мужчины в глазах юношей и девушек не столь монолитен — между ними существуют и точки разногласий. Что же это за свойства? Рассмотрим их.

Девушки больше, чем юноши, хотели бы видеть в мужчине верность, преданность, надежность, материальное благополучие и ум.

Студенты же большее значение, чем студентки, в мужском идеале придают стремлению к профессионализму и желанию реализовать свои способности и знания.

Глубина этих противоречий составляет 16–25%: меньшая — когда речь идет о надежности мужчины и самая большая — в отношении достижения материального благополучия (87% девушек наделяют этим качеством идеального мужчину и 62% молодых людей).

Как видно из этих различий, девушки оказались консервативнее. Их образ идеального мужчины более традиционен и близок к его патриархатным ролям — защитника, добытчика и кормильца. Хотя большинство юношей тоже считает это важным, однако придает этому меньшее значение, чем девушки.

Трансформация гендерных идеалов: 1999–2014 гг.³

Первый уровень изменений — отдельные черты эталонных образов мужчины и женщины. «Внутри» каждой подструктуры гендерной картины мира происходят постоянные трансформации — она не остается статичной, даже если на каком-либо временном отрезке эти изменения не достигают такой критической массы, таких величин, чтобы

³ Исследование «Гендерная картина мира населения Санкт-Петербурга — 1999»; общий объем репрезентативной по полу и возрасту выборки равен 702; подвыборка молодежи в возрасте до 25 лет с высшим и незаконченным высшим образованием составила 110 чел. Исследование «Гендерная картина мира молодежи — 2007»: опрашивались студенты вузов Санкт-Петербурга; объем выборки составил 213 чел., возраст опрашиваемых — от 18 до 24 лет.

стал возможен переход всей подструктуры в новое состояние, в другой, принципиально отличный от прежнего тип отношений. В том, что касается гендерных идеалов, это означает, что хотя как целостная подсистема они могут оставаться длительное время неизменными, тем не менее происходят важные «подвижки» их отдельных характеристик. Учет этих «частных» сдвигов на микроуровне крайне важен потому, что, во-первых, это дает основание судить о возможном векторе трансформации всей подструктуры в ближайшей перспективе; во-вторых, появляется «панорамное видение» — принятие в расчет не только того, что сегодня наиболее ценится (или не приветствуется) в гендерных идеалах, но и явлений, которые только начинают «набирать силу» или, напротив, угасать. Иными словами, видеть на общем фоне давно устоявшегося то, что только пришло в движение и может играть значительную роль завтра, хотя в абсолютном выражении еще и не велико.

Если же совокупные изменения отдельных характеристик становятся достаточно большими, это находит отражение на новом уровне трансформации. Другой становится вся подсистема — изменяется тип гендерного идеала. В данном случае это фиксировалось с помощью интегрального показателя, о котором шла речь выше, и его динамики.

Рассмотрим, каково содержание этих изменений и в каком направлении они происходили в течение двух периодов — с 1999 по 2007 и с 2007 по 2014 г.

Изменение идеала женщины

В целом первый из указанных временных интервалов (1999–2007 гг.) характеризуется небольшим падением ценности почти всех качеств, принадлежащих традиционному полюсу взглядов на женщину и ценимых большинством студенческой молодежи. Подчеркнем, что уменьшение традиционности образа идеальной женщины охватывало весь спектр характеристик этого типа. В большей степени это коснулось таких качеств, как надежность, скромность и ценность семьи (табл. 1).

Напротив, росла значимость большинства маскулинных свойств: стала более привлекательной сильная, уверенная в себе женщина, активная и энергичная, стремящаяся к успехам и достижениям. Однако если изменения на полюсе традиционности протекали в одном направлении и не были гетерогенными, то трансформации в эгалитарном типе носили амбивалентный характер. Росло желание быть

активной и сильной, но падало стремление к самостоятельности и независимости — основе эгалитарного идеала женщины. Увеличилась ценность успеха и карьеры, но уменьшилась значимость их фундамента — знаний и профессионализма.

Таблица 1

Представления молодежи об идеале женщины
В % к числу опрошенных; каждый респондент должен был сделать 7 выборов, поэтому сумма ответов превышает 100 %

№	Черты идеала	1999 г. N = 110		2007 г. N = 213		2014 г. N = 122	
		%	ранг	%	ранг	%	ранг
1	Мягкость, нежность, терпимость	87	1	82	2	88	3
2	Верность, преданность	84	2	80	3	93	1
3	Доброта, душевность	82	3	80	3	89	2
4	Ум	79	4	86	1	82	4
5	Надежность	63	5	47	6	51	6
6	Способность пожертвовать многим ради семьи	62	6	44	8	54	5
7	Скромность	45	7	28	9	48	8
8	Сила, уверенность в себе	45	7	56	4	50	7
9	Стремление многого достичь в жизни, добиться успеха	31	8	45	7	20	10
10	Активность, энергичность	29	9	52	5	51	6
11	Тяга к знаниям, высокому профессионализму	27	10	20	10	21	9
12	Стремление к самостоятельности и независимости	26	11	20	10	13	11
13	Умение достичь материального благополучия	18	12	20	10	20	10
14	Уверенность, что главное в жизни — реализовать свои способности и знания	15	13	16	11	9	12
15	Стремление сделать хорошую карьеру	6	14	15	12	6	13
16	Способность пожертвовать многим ради дела, работы	1	15	3	13	2	14

В это время взгляды юношей и девушек существенно отличались. Диапазон рассогласования позиций был довольно велик: статистически значимые различия были зафиксированы по 9 из 16 характери-

стик. За несовпадением точек зрения отчетливо просматривались две гендерные доминанты. Носителями первой — традиционной — были студенты, в большей степени ценящие в женщине верность, надежность, скромность, преданность семье. Ко второй — эгалитарной — более склонны были студентки, ратовавшие тогда за сильную, уверенную в себе, успешную, самостоятельную и независимую женщину.

Второй из рассматриваемых периодов — 2007–2014 гг. — отличается противоположными тенденциями. Все структурные элементы идеала женщины «двинулись» в обратном направлении. Ценность традиционно ценимых качеств стала расти, в ряде случаев достигая значений, превышающих не только показатели 2007 г., но и 1999 г. Напротив, то, что казалось содержательным вектором будущих изменений, стало терять свою привлекательность: так, важность успеха снизилась с 45% до 20%; и без того малое стремление к успешной карьере стало привлекать в женщине совсем немногих представителей образованной молодежи (с 15% до 6%).

При этом важно уточнить, что менялись взгляды как девушек, так и юношей. И хотя происходило это в одном направлении — в сторону усиления традиционности, для первых количество изменившихся характеристик идеала женщины было несколько большим, чем для вторых.

Так, с точки зрения студенток, в 2014 г. по сравнению с 2007-м еще большее значение приобрели верность и преданность — с 73% до 92%. (Здесь и далее приводятся только те свойства гендерных идеалов, изменения которых за указанный период статистически значимы.) Возросла ценность семьи — с 34% до 52%. Значительно привлекательнее стала женская скромность — с 17% до 44%. Существенно меньшую роль стали играть стремление добиться успеха — падение с 56% до 25%. Снизилась и ценность независимости и самостоятельности — с 28% до 15%. Еще меньше стало тех, кто важной чертой женщины считает стремление к реализации своих способностей и знаний, — с 20% до 9%. В глазах девушек с 20% до 6% понизилась и без того невысокая привлекательность карьеры.

В том же направлении идеал женщины менялся и в представлении студентов. Они стали еще больше ценить доброту — с 79% до 97%. Именно эта черта в образе наиболее привлекательной современной женщины достигла почти максимального значения и для юношей является самой важной. Хотя и высоко, но меньше, чем ранее, ими стал цениться в женщине ум — с 89% до 73%. Совсем небольшое значение

придается успеху — его привлекательность упала с 31% до 11%. Остальные характеристики существенных изменений не претерпели.

Все описанные изменения на уровне отдельных черт (индикаторов) указывают на то, что свойства, которые приобрели еще большее значение в глазах как студенток, так и студентов, принадлежат традиционно-патриархатному идеалу женщины. Напротив, то, что в их представлениях стало играть меньшую роль, является существеннейшими чертами современно-эгалитарного образа привлекательной женщины. Эти явления служат важными аргументами доказательства процессов ретрадиционализации гендерных идеалов. Причем это происходит в большей степени за счет того, что «на исходные позиции» 1999 г. возвращаются взгляды нового поколения образованных девушек.

На основе интегрального показателя мы имеем возможность сравнить изменения всей подструктуры идеала женщины как целостного образа. Оказалось, что тех, для кого эталоном служит традиционный тип привлекательной женщины, в 2014 г. стало столько же, сколько их было в 1996-м⁴ — 55%. Незначительно возросло (с 37% до 42%) количество юношей и девушек, придерживающихся смешанного типа, и чуть сократилось (с 8% до 3%) число приверженцев чистой эгалитарности.

Таковы основные тенденции трансформации эталонного образа женщины, не оставался неизменным и мужской идеал.

Изменения идеала мужчины

Общий вектор движения образа привлекательного мужчины был таким же, как и идеала женщины, но изменения происходили иначе. Ни к 2007, ни к 2014 г. не было падения ценности традиционных качеств. Напротив, от периода к периоду зафиксирован рост количества их приверженцев (табл. 2). Важная особенность этого роста заключается во все большем признании студентами того, что мужчине подобает быть не только сильным, надежным, но и верным, преданным и добрым. Иными словами, зафиксировано увеличение привлекательности не только маскулинных качеств, но и фемининных. Это означает, что хотя по-прежнему идеал мужчины обладает яркой гендерной спецификой, она становится уже менее абсолютной.

⁴ Исследование «Гендерная картина мира населения Санкт-Петербурга — 1996»; выборка репрезентативна по полу и возрасту, ее объем равен 1070; подвыборка молодежи в возрасте до 25 лет с высшим и незаконченным высшим образованием составила 156 чел.

Таблица 2

Представления молодежи об идеале мужчины

В % к числу опрошенных; каждый респондент должен был сделать 7 выборов, поэтому сумма ответов превышает 100%.

№	Черты идеала	1999 г. N = 110		2007 г. N = 213		2014 г. N = 122	
		%	ранг	%	ранг	%	ранг
1	Сила, уверенность в себе	78	1	84	1	87	1
2	Ум	75	2	80	2	73	5
3	Умение достичь материального благополучия	74	3	76	3	79	4
4	Активность, энергичность	65	4	66	4	54	6
5	Надежность	62	5	66	4	81	3
6	Верность, преданность	50	6	60	6	82	2
7	Стремление к самостоятельности и независимости	47	7	31	10	25	11
8	Стремление многого достичь в жизни, добиться успеха	45	8	61	5	47	7
9	Тяга к знаниям, высокому профессионализму	45	8	36	8	42	8
10	Способность пожертвовать многим ради семьи	39	9	32	9	36	10
11	Стремление сделать хорошую карьеру	36	10	38	7	24	12
12	Уверенность, что главное в жизни — реализовать свои способности и знания	28	11	11	12	11	14
13	Душевность, доброта	21	12	32	9	38	9
14	Мягкость, нежность, терпимость	19	13	17	11	12	13
15	Способность пожертвовать многим ради дела, работы	11	14	5	13	5	15
16	Скромность	5	15	5	13	5	15

Выводы

На основании проведенных исследований можно считать эмпирически обоснованным утверждение о том, что стабильность гендерных идеалов в качестве целостной подструктуры гендерной картины мира является высокой: за проанализированный период они не претерпели

кардинальных изменений. По-прежнему высоким остается общее количество студенческой молодежи, в самосознании которой доминируют традиционные черты эталонных образов мужчины и женщины.

В то же время «внутри» этой подструктуры происходят постепенно накапливающиеся трансформации. Два временных периода — с 1999 по 2007 и с 2007 по 2014 г. — характеризуются разными тенденциями этих перемен. В первый из них общий вектор изменений отдельных черт гендерных идеалов был направлен в сторону развития эгалитарности. Причем это происходило в большей степени за счет трансформации представлений девушек. А это в свою очередь привело к другой специфической характеристике этого времени — значимому несовпадению позиций студентов и студенток. Во многих аспектах они смотрели на гендерные идеалы разными глазами.

Особенностями второго периода являются, во-первых, смена траектории развития гендерных предпочтений — падает привлекательность современно-эгалитарного идеала при стабильно высокой или возрастающей ценности традиционных черт. Во-вторых, к 2014 г. возрастает гендерная согласованность в оценке мужских и женских идеалов. Это происходит главным образом за счет изменения эталона привлекательной женщины, и меняют взгляд на него вновь в большей мере сами девушки.

Вместе с тем важно принимать во внимание, что, несмотря на явные процессы ретрадиционализации гендерных идеалов, довольно большое количество опрошенных (чуть менее половины) идеалом считают женщину, сочетающую в своем образе традиционные добродетели и эгалитарные черты.

В заключение следует подчеркнуть необходимость серьезного изучения факторов, способствующих как сохранению традиционных гендерных идеалов и шире — соответствующих картин мира, так и развитию современно-эгалитарных представлений. В целом установлено, что эгалитарные взгляды больше распространены в странах, «характеризующихся такими показателями, как относительно высокий уровень социоэкономического развития, значительный процент протестантов среди населения при небольшом количестве мусульман, значительная часть женщин, работающих вне дома и учащихся в высших учебных заведениях, а также высокая степень индивидуализма» (Мацумото 2008: 276). Для решения этой задачи применительно к нашей стране необходимо проведение специальных исследований, требующих разработки соответствующего методологического подхода и методики,

чтобы обоснованно судить о том, какие факторы и процессы обуславливают в определенные временные периоды вектор развития гендерных отношений. Но все это — предмет уже другого исследования.

Источники

- Бабаева Л. В., Чирикова А. Е. Женщины в бизнесе // Социологические исследования. 1996. № 3. С. 75–81
- Бендас Т. В. Гендерные исследования лидерства // Вопросы психологии. 2000. № 1. С. 87–95.
- Берн Ш. Гендерная психология. Законы мужского и женского поведения. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007.
- Женщина-лидер в российском бизнесе. Исследование Pricewaterhouse Coopers // Центр гуманитарных технологий. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gtmarket.ru/news/2013/07/02/6055> (дата обращения: 02.11.2017).
- Исупова О. Г. Социальный смысл материнства в современной России («Ваш ребенок нужен только Вам») // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 98–107.
- Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009.
- Кон И. С. Мальчик — отец мужчины. М.: Время, 2010.
- Красивая, добрая, умная: женщина-мечта для российского мужчины // ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/religion-lifestyle/holidays-customs/article/krasivaja-dobraja-umnaja-zhenshchina-mechta-dlja-rossiiskogo.html> (дата обращения: 02.11.2017).
- Лежнина Ю. П. Трансформация гендерных ролей в современной России // Общественные науки и современность. 2013. № 14. С. 165–176.
- Мацумото Д. Человек, культура, психология. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2008.
- Митина О. В., Петренко В. Ф. Кросскультурное исследование стереотипов женского поведения // Вопросы психологии. 2000. № 1. С. 68–86.
- Мицюк Н. А. Отказ от материнства как жизненная программа. Об умонастроениях женщин в России на рубеже XIX–XX веков // Человек. 2015. № 2. С. 77–95.
- Нечаева Н. А. Патриархатная и феминистская картины мира: анализ структуры массового сознания // Гендерные тетради / СПб филиал Института социологии РАН. Вып. первый. СПб., 1997. С. 17–44.
- Нечаева Н. А. Идеал женщины в структуре гендерных картин мира // Гендерные тетради / СПб филиал Института социологии РАН. Вып. второй. СПб., 1999. С. 5–19.
- Нечаева Н. А. Гендерные идеалы: новые тенденции во взглядах молодежи // Социология вчера, сегодня, завтра. Новые ракурсы. III Социологические

- чтения памяти В. Б. Голофаства / Под ред. О. Б. Божкова. СПб.: Эйдос, 2011. С. 315–325.
- Нечаева Н. А.* Гендерные роли // Семья в России и Китае: процесс модернизации / Под ред. И. И. Елисеевой и Аньци Сюй. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 327–351.
- Образ идеального мужчины в сознании российских женщин // Старт маркетинг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.startmarketing.ru/news/90/print> (дата обращения: 02.11.2017).
- Портрет идеального мужчины и идеальной женщины. Исследование «Старт Маркетинг» // Центр гуманитарных технологий. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gtmarket.ru/news/2014/02/26/6607> (дата обращения: 02.11.2017).
- Самые ценные мужские качества: глазами россиянок // ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/religion-lifestyle/moral-relations/article/samye-cennnye-muzhskie-kachestva-glazami-rossijanok.html> (дата обращения: 02.11.2017).
- Сунцова Я. С.* Образ современной и идеальной женщины у мужчин с разными личностными особенностями // Вестник Удмуртского университета. 2013. Вып. 3. С. 54–63.
- Чикалова Е. А.* Новая значимость родительства // Новая значимость семьи и межпоколенных отношений для России и Китая. Препринт. СПб.: Росток, 2016. С. 43–54.
- Чирикова А. Е.* Женщина во главе фирмы. М.: Институт социологии РАН, 1998.
- Чирикова А. Е.* Женщина и мужчина как топ-менеджеры российских компаний // Социологические исследования. 2003. № 1. С. 73–82.
- Чирикова А. Е.* Женщина и мужчина как топ-менеджеры российских компаний: новый взгляд на старую проблему // Гендерные ценности в XXI веке: Материалы XIII Международных гендерных чтений «Гендерные трансформации в современном мире». Ростов-на-Дону, 25 марта 2016 г. / Под ред. Савченко Л. А. Ростов н/Д: Изд-во Южного федерального университета, 2016. С. 178–192.
- Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+, Реабилитация, 2009.
- Ялом И.* Экзистенциальная психотерапия / Пер. с англ. Т. С. Драбкиной. М.: Класс, 2014.

И. И. ЕЛИСЕЕВА

**ИЗУЧЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДОМАШНИХ ХОЗЯЙСТВ
ПРЯМЫХ РОДСТВЕННИКОВ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ¹**

Отмечая дефицит современных прикладных социологических исследований всероссийского масштаба по проблемам семьи и межпоколенных отношений, автор концентрирует свое внимание на методологических аспектах проектов такого рода. Обсуждаются такие вопросы, как определение объекта исследования, формирование выборки, программа исследования, методы анализа и моделирования. Делается попытка сравнения содержания понятий «расширенная семья» и «семейная группа». Проблема семейных групп рассматривается в контексте линии жизни как последовательная цепь событий: а) выделение индивида из родительской семьи; б) проживание с партнером. Отмечается возможное нарушение этой последовательности в условиях России. Подчеркивается значимость построения логит-моделей в связи с расширением спектра выбора в поведении индивидов в отношении вступления в брак, регистрации брака, рождения ребенка или отказа от детей, ухода за престарелыми прародителями и прочее.

Ключевые слова: семья, семейная группа, расширенная семья, поколение, межпоколенная связь, трансфер, асимметрия, контакт, модель.

Введение

В настоящее время прикладная российская социология переживает сложный период дефицита полноценных крупномасштабных эмпирических исследований, основанных на репрезентативных стратифицированных выборках. Это дорогостоящие работы. В постперестроечный период они проводились в основном за счет зарубежных, преимущественно международных организаций и были нацелены в первую очередь на изучение негативных явлений в российской жизни: алкоголизации населения, потреблении наркотиков и психотропных средств, проституции, преступности и доверии населения к милиции / полиции, распространенности и профиле бедности и т. п.

¹ Работа выполнена по государственному заданию (тема «Демографическое и социальное воспроизводство российской семьи и благополучие детей: публичное и приватное измерения», № государственной регистрации AAAA-A17-117030110147-4).

Проблематика социологии девиантного поведения и социального контроля, а также социального неравенства отодвинула на задний план исследования семьи, межпоколенных отношений.

Важным шагом в развитии эмпирических исследований в России стало создание выборочной сети до сих пор существующего лонгитюда РМЗЭ, реализуемого НИУ ВШЭ и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения университета Северной Каролины и Института социологии РАН, а также проведение НИСП двукратного массового обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (2004 г. и 2007 г.). Однако и в этих обследованиях проблемы взаимосвязей и взаимодействия прямых родственников, представляющих разные поколения, не были основным предметом изучения. Лишь теперь феномен семьи, связи поколений начинает обозначаться в российской социологии как особая тематическая область, да и то в большей мере с позиций противостояния молодого поколения («поколения Z») старшему поколению (Отцы и дети 2005; Иванова 2016). Не отрицая воздействие экстерналий, отметим и иную направленность исследований, нацеленных на более глубокое понимание значения семьи, родительства, детства, взаимных обязательств, понимание того, что в стремительно меняющейся реальности индивид нуждается в неких паттернах, среди которых семья, родительство занимают далеко не последнее место. Из современных исследований, посвященных межпоколенным связям, отметим работы А. А. Мироновой (см., например, Миронова 2016) и О. Н. Бурмыкиной (Бурмыкина 2015, 2016). В работах А. А. Мироновой содержатся подтверждения ранее полученных результатов о значимости межпоколенного взаимодействия, его асимметричности, наличии и структуре межпоколенных трансферов (в рамках взаимодействия прямых родственников разных поколений), зависимости от характеристик представителей поколений (возраста, занятости, состава домохозяйства и др.) (ср., например, Миронова 2016; Ружье и др. 1983). Важный шаг к осмыслению семьи как сетевой структуры и включению российского контекста в канву зарубежных исследований сделан О. Н. Бурмыкиной (Бурмыкина 2015). Нельзя не отметить обзор подходов к исследованию частных межпоколенных трансфертов, выполненный Е. В. Гладниковой (Гладникова 2009), а также диссертацию И. Ю. Крецер «Социокультурные паттерны родственных отношений в условиях больших городов (на примере Санкт-Петербурга)», в которой обозначены координаты усложнения родственных связей при наличии сиблингов (Крецер 2017).

Зарождение системного исследования межпоколенных контактов, их функциональной направленности, интенсивности и основных факторов поддержки связано с нашими работами 1970-х — 1980-х гг. (см., например, Ружже, Елисеева, Кадибур 1976, 1983). В этих и других публикациях обоснованы принципы жизнедеятельности и типологии семей прямых родственников разных поколений, раскрыты механизмы и основополагающие факторы их взаимосвязей и взаимодействия. Задача данной статьи состоит в том, чтобы обозначить контуры методологических аспектов изучения этой проблемы с позиций итогов прошлых исследований.

Определение объекта исследования. Формирование выборки

Современная распространенность термина «домохозяйство», а не «семья» объясняется растущей долей одиночек как особого типа домохозяйств, наличествующего и среди молодого поколения, и среди пожилых. По данным ВПН-2010, домохозяйства, состоящие из одного человека, составляли 14% российских домохозяйств, тогда как по переписи 2002 г. — 11,8%. Среди домохозяйств из двух и более человек, согласно данным ВПН-2010, 44% имели детей моложе 18 лет, по данным ВПН-2002 таких домохозяйств было 52%². При этом семья остается основной формой организации приватной жизни россиян (89% населения страны проживают в семьях).

Семья характеризуется общностью пространства жизнедеятельности, сложившимся ритмом повседневности, совместным владением и использованием недвижимости, как нажитой за период существования семьи, так и наследованной. Одной из важнейших функций семьи является репродуктивная функция, соответственно, в семье, как правило, растут дети (по данным ВПН-2010, только 16,6% брачных пар не имеют детей)³. На определенном этапе происходит выделение сына или дочери из родительской семьи. Это событие может быть вызвано вступлением в брак или сожительство либо не быть непосредственно связано с сексуальной жизнью. Можно ожидать, что эта связь проявится с некоторым лагом, поскольку пространственная обособленность

² Всероссийская перепись населения 2010 // Демоскоп. 2011. № 491–492, 19–31 августа. [Электронный ресурс]. URL: demoscope.ru/weekly/2011/0491/perep01.php (дата обращения: 03.11.2017).

³ ВПН-2010, т. 6.

молодого человека и ведение собственного хозяйства в большинстве случаев приводит к созданию семьи нового поколения.

Самостоятельность молодой семьи не означает разрушения межпоколенных контактов (Голофаст 2006; Миронова 2016; Бурмыкина 2015, 2016). Они проявляются в установках старшего поколения на заботу о младшем, а молодых — о родителях. Поддерживается своего рода «межпоколенный контракт», составляющий важную компоненту повседневной жизни. По своей эффективности и гибкости, умению приспособиться к изменившимся условиям взаимодействие семей прямых родственников разных поколений намного опережает действенность публичных институтов.

В самом начале исследований, т. е. в 1970-е гг., нами был введен термин «семейная группа», подчеркивающий особенности изучаемого объекта. Нельзя сказать, что прошедший с тех пор почти 50-летний период подтвердил укорененность этого термина в российской социологии. Вместе с тем не выявились и какие-либо принципиальные противопоказания его использования. В принятой нами концепции объект исследования — семейная группа — представлен двумя нуклеарными семьями (домохозяйствами) разных поколений, связанных прямым родством и потребностью во взаимном общении и взаимопомощи. Такое ограничение объекта исследования соответствует модальным типам семей прямых родственников.

В 1990-е гг. появилось понятие «расширенная семья» (extended family). Обычно его использование опирается лишь на один аспект — наличие и постоянство родственных связей, но не нацелено на разделенность, автономию семей, частота контактов не оговаривается (см., например, Bengston 2001; Сюй Аньци (Xu Anqi), Сюэ Яли (Xue Yaly) 2015). Соответственно, в тематику исследований расширенной семьи не включается такая важная характеристика, как пространственная дистанция между семьями (домохозяйствами) прямых родственников разных поколений. Результаты наших исследований показали зависимость частоты межсемейных контактов от удаленности проживания: существенное снижение частоты контактов наблюдалось при затратах времени на дорогу, превышающих полчаса (Ружже и др. 1983). В исследованиях А. А. Мироновой «критическое значение» дистанции увеличилось до одного часа (Миронова 2016). В США при аналогичной постановке задачи был установлен ареал, покрывающий территорию трехчасовой доступности, и только превышение этой дистанции показало снижение активных межпоколенных контактов (посещений).

Методологические проблемы изучения такого специфического образования, как «семейные группы», проявляются уже на стадии организации массового социологического исследования. Совершенно очевидно, что генеральные параметры отсутствуют: сколько семейных групп имеется в стране, регионе, конкретном поселении, какова структура и средний размер домохозяйства молодого поколения и домохозяйства старшего поколения, каков характер их взаимодействия — эти и другие характеристики семейных групп могут быть получены лишь эмпирическим путем, а *posteriori*. Соответственно, формирование выборки путем случайного или механического отбора исключается за отсутствием того, что принято называть *frame*, т. е. сведений о генеральной совокупности. Широко практикуемый метод «снежного кома» не позволит узнать, какова распространенность семейных групп и как живет это образование, в котором автономные интересы каждого домохозяйства сочетаются с общими, создающими новые стимулы. Достоверную информацию может дать только непредвзятый отбор.

Обеспечить объективность выборки позволяет использование принципов пространственного отбора (при условии неукоснительного следования принятым правилам). Если проект осуществляется в крупном городе, то предварительно проводится зонирование его территории по характеру застройки и плотности заселения. То же относится и к территории муниципалитетов. Очевидна целесообразность организации многоступенчатой выборки. За единицу отбора на первой ступени может быть принята территория, обслуживаемая одним почтовым отделением (или соответствующая одной избирательной комиссии). Территориальные ячейки отбираются по выделенным зонам пропорционально численности населения. Далее определяется центр каждой территориальной ячейки (по максимальной плотности), рассчитывается число домохозяйств, приходящихся на данную территориальную ячейку, после чего в домах, отнесенных к ее центру, проводится сплошное посещение жилых помещений. Программа обследования каждого отдельного домохозяйства определяется ответом на вопрос: «Есть ли у Вас (Вашего мужа / жены) родители, проживающие в данном поселении, с которыми Вы поддерживаете регулярные контакты (не реже одного раза в месяц)?» При отрицательном ответе опрос завершается. При утвердительном ответе интервьюер задает все остальные вопросы программы обследования.

Такая организация сбора данных позволит установить важнейшую характеристику: распространенность семейных групп в структуре

домохозяйств, т. е. долю домохозяйств разных поколений, связанных прямым родством и проживающих в пределах одной административно-территориальной единицы. Сравнительно низкая миграционная подвижность россиян приводит к тому, что примерно у 67% домохозяйств имеются прямые родственники (родители или дети) в пределах данной территории (Голофаст 2006), из которых 80% могут быть отнесены к семейным группам по критерию частоты контактов — реальных или виртуальных (не реже одного раза в месяц).

В наших обследованиях опрос проводился в каждом втором жилом помещении (Ружже и др. 1983). Однако при этом возникает вероятность смещения результатов, которая при сплошном наблюдении отсутствует. Объем выборки может быть определен, исходя из потребностей последующего анализа: устанавливается максимальная размерность двумерной или трехмерной таблицы сопряженности и задается минимальная численность единиц в каждой клетке таблицы (см. Ружже и др. 1983: 33). Такой расчет не исключает определения объема выборки, обеспечивающего требуемую точность результатов по тем переменным, по которым это можно сделать.

Заметим, что для современных работ характерно невнимание к процедуре сбора данных, их достаточности и репрезентативности. Если прежде публикации социологических работ включали сравнение структур выборочной и генеральной совокупностей по ключевым переменным, то теперь чаще всего социологи сразу же переходят к интерпретации («как показало наше исследование...», «полученные результаты подтвердили...») (см., например, Российская повседневность в условиях кризиса 2009; Иванова 2016).

Межпоколенные связи

V. Bengtson называет три причины повышения значимости межпоколенных контактов: 1) демографическая — увеличение продолжительности жизни, старение населения, в результате чего имеет место совместная долгая жизнь поколений; 2) возрастание значимости родителей и других родственников в выполнении семейных функций; 3) усиление и повышение гибкости межпоколенной солидарности со временем (Bengtson 2001).

Каждый индивид, взрослея, приобретает друзей, коллег по профессии, и этот круг меняется; меняется место работы, место житель-

ства. В круговороте жизни родственные связи играют роль якоря, базовой компоненты.

Рост продолжительности жизни как глобальная тенденция актуализирует исследования межпоколенных родственных связей в различных контекстах: воспитание новых поколений, уход за престарелыми, взаимопомощь и формы ее проявления — межсемейные трансферты (монетарные и немонетарные), их направленность (от старшего поколения к младшему — «нисходящие», и наоборот — от младшего к старшему, т. е. «восходящие», по терминологии А. А. Мироновой), оказание эмоциональной поддержки и т. д. Рост продолжительности жизни приводит к тому, что объектом исследования могут выступать не тричетыре, а то и пять сосуществующих поколений, связанных прямым родством (Елисеева 2011). Сосуществование, «перехлест» поколений вызывает особые социальные отношения, к изучению которых отечественные исследователи, как уже было отмечено, только приступают (Родители и дети, мужчины и женщины... 2007). Проблемы межпоколенных связей усугубляются неравномерностью замещения поколений: уходят многочисленные когорты, рожденные в послевоенные годы, в 1946—1953 гг., в возраст зрелости вступают родившиеся во времена начала проведения в нашей стране социальной политики, в 1982—1983 гг. На смену им приходят малочисленные группы тех, кто родился в начале-середине 1990-х гг. Новый скачок в увеличении численности последующего поколения связан с внедрением «материнского капитала» (2007—2008 гг.), эффект которого трудно не признать. Рождаемость растет: в 2007 г. общий коэффициент рождаемости составлял 11,3 промилле, а в 2013 г. — 13,3 промилле, в 2016 г. — 12,9 промилле. Причем если в 2007 г. доля первенцев среди родившихся составляла 58,8%, то в 2016 г. она снизилась до 40,4%, а доля рождений вторых детей почти сравнялась с долей первенцев и составила 39,9%⁴. Неравновесность поколений в населении России сигнализирует, что только лишь помощь родственников не может обеспечить уход за престарелыми и их поддержку. Все отчетливее обозначается необходимость активного взаимодействия семьи, государства и бизнеса на рынке оказания таких услуг, как уход за престарелыми, уход за детьми, их воспитание

⁴ Важнейшие социально-экономические показатели Российской Федерации в зеркале статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/smi/prez-3009.pdf (дата обращения: 24.08.2017).

и обучение (Aging, intergenerational relations, care systems and quality of life... 2001).

Проведенные исследования, как отмечалось выше, подтверждают сохранение значимости родственных межпоколенных связей, несмотря на нуклеаризацию семей (Ружже и др. 1983; Миронова 2016; Бурмыкина 2015). Отделение взрослых детей от родителей не приводит к изоляции молодой и родительской семей. Отдельное проживание молодой семьи не означает нежелание стариков участвовать в воспитании внуков и воспринимать внимание и заботу их и детей. Этот вывод опирается на генерализацию множества особенностей в реальных контактах между прямыми родственниками, которые происходят с разной частотой, в различных формах под воздействием состава домохозяйств как молодого, так и старшего поколения, занятости и других факторов, а также пространственно-временной дистанции между ними.

Нами была установлена устойчивая асимметрия трансфертов старшего и младшего поколений (приоритет потребностей младшего поколения), которая нашла подтверждение в более поздних исследованиях (Миронова 2015; Бурмыкина 2015). Малодетность и существенные различия в средней продолжительности жизни мужчин и женщин в России, доходящие до 10 лет и более в настоящее время и сохраняющиеся, в соответствии с прогнозом, до 2030 года⁵, приводят к упрощению структуры семейных групп прямых родственников. Однако рост частоты рождений вторых (и последующих) детей, а также другие факторы, которые обсуждаются ниже, будут способствовать умножению и усложнению родственных связей.

Сохраняется значимость наличия в семейной группе ребенка (детей) дошкольного и младшего школьного возраста. Воздействие этого фактора на частоту и мотивацию межпоколенных контактов не снижается. Нами были выделены стадии взаимодействия семей прямых родственников и их зависимость от возраста младшего ребенка: до 3-х лет, 3–6 лет, 7–12 лет. По достижению младшего подросткового возраста (12 лет) ребенок приобретает навыки самообслуживания, так что потребность в повседневном присмотре и бытовой помощи теряет свою остроту. По мере старения родственников происходит переориентация структуры межпоколенного взаимодействия — от приоритета нужд молодой семьи к главенству потребностей родственников стар-

⁵ Предположительная численность населения Санкт-Петербурга и Ленинградской области до 2030 г. Статистический бюллетень. СПб.: Петростат, 2010. С. 46–47.

шого поколения. В наших исследованиях переломными характеристиками оказались возраст женщины в старшей семье (70 лет и более) и ее одиночество (Ружже и др. 1983). А. Миронова получила результаты, подтверждающие отказ от «безвозмездной самоотверженности» старшего поколения, но не в столь пожилом возрасте, а в возрасте 62—65 лет (Миронова 2016). Возможно, это свидетельствует об изменении стандартов жизни, желании пожилых «пожить для себя» в условиях растущего долголетия, а также отражает развитие спектра услуг по присмотру и воспитанию детей, предоставляемых как общественным сектором, так и социально-направленным бизнесом.

Как уже отмечалось, важным условием частоты и характера взаимодействия родственников выступает пространственная дистанция (время, затрачиваемое на дорогу с целью посещения родственников). При затратах времени на дорогу до получаса обеспечивается сохранение интенсивных повседневных контактов, дистанция до часа обеспечивает наличие устойчивого межличностного общения путем взаимных посещений с медианной частотой один раз в неделю, свыше одного часа — приводит к преобладанию виртуальных контактов. Такого рода критические точки, безусловно, существуют объективно, они изменяются под влиянием условий жизни и потребностей людей. Приведенные конкретные значения отражают специфику условий города-миллионника в определенный период. В настоящее время все большее распространение получают межпоколенные коммуникации с помощью технических средств (по телефону, посредством Интернета — по Skype, электронной почте, семейной сети) как проявление возрастающей ценности эмоциональной поддержки родственников при активном участии младших поколений — помощи детей и внуков в адаптации старших к изменению инфраструктуры и атрибутов повседневной жизни, вхождению в повседневность смарт-технологий, использованию технических новшеств. В свою очередь старшее поколение сохраняет свою роль в передаче личного и социального опыта детям и внукам.

Результаты проведенных нами исследований подтвердили сохранение межпоколенных трансфертов в российских семьях, что является непреложным свидетельством существования межпоколенной солидарности (Бурмыкина 2015; Бурмыкина 2016; Миронова 2016).

Нагрузка родственного взаимодействия неравномерно распределяется между поколениями. При наличии четырех поколений, где G_0 — старшие родственники (прародители), G_1 — дети (родители),

G_2 — внуки, G_3 — правнуки, выявлена концентрация эмоциональной и немонетарной нагрузки на поколении детей (G_1). Установлен факт гендерного неравенства в межпоколенном общении: если в России эта нагрузка ложится в основном на женщину в молодой семье (на определенном этапе — на женщину в старшей семье), то, например, в Китае — на молодого мужчину, который по традиции обязан заботиться о своих родителях до конца их жизни, а также о своей семье. Подчеркнем неравномерность нагрузки межпоколенного общения на представителей разных поколений на разных стадиях развития семейной группы: на стадии формирования молодой семьи, ухода за внуками $G_0 > G_1$; по мере старения представителей старшего поколения происходит перераспределение нагрузки — $G_0 < G_1$. Эти соотношения не являются абсолютными и во многом зависят от развитости социальной инфраструктуры и проводимой социальной политики. Например, в Китае, где пенсионная система слабая, основная нагрузка традиционно ложится на сына, G_1 , который может иметь свою собственную семью и должен заботиться о своих детях, так что $G_0 < G_1 > G_2$.

Проблема межпоколенных связей приобретает новые грани при распространении сожительства, повторных браков. Возможно, как-то проявится воздействие однополых браков, смены пола и создание семей трансвеститов. Их включение в репродуктивные процессы приведет к проблемам родительства и распределения обязанностей в семье, прежде всего, в отношениях к ребенку / детям. Специфика родственных отношений возникает и при наличии «суррогатных матерей» и «отцов-доноров» (эта тема уже обозначилась). Пока что все эти проблемы вряд ли можно считать актуальными для современных исследований межпоколенного взаимодействия, основанных на количественных методах. Однако очевидна необходимость разработки правовых аспектов возможных коллизий в семейных структурах такого эксклюзивного состава.

Переменные

Чаще всего изучение межпоколенных связей ограничивается тремя поколениями: прапродители — родители — дети, звеньями непосредственного общения. Опыт проведенных эмпирических исследований позволяет выделить довольно ограниченный набор переменных, имеющих непосредственное отношение к интенсивности межпоколенных связей (при условии проживания всех поколений в одном городе / территориальном образовании). Это возраст женщины в молодой семье

(поколение G_1 , родители), состав семьи родителей, возраст женщины и состав семьи прародителей (G_0), возраст младшего ребенка (G_2), частота посещений, направление контактов и помощи («нисходящее» и «восходящее»), мотивы и содержание контактов, время на дорогу к родственникам, виртуальные контакты посредством интернет-технологий (Skype, электронная почта и т. д.), с чьей стороны прямые родственники старшего поколения (прародители) — со стороны отца или матери (мужа / жены); занятость родителей (G_1), занятость прародителей (G_0); кто обычно осуществляет межпоколенные контакты. Такие переменные, как характер занятия женщин и мужчин в том и другом поколениях, условия жизни, доход могут играть роль второго плана в формировании межсемейных контактов. Событийные факторы лишь корректируют эмоциональную близость родственников. С точки зрения внешних проявлений и возможностей измерения определяющая роль, как показывает наш опыт, принадлежит демографическим характеристикам.

Подходы к моделированию

Ограничив объект исследования тремя поколениями, перейдем к обсуждению подходов к моделированию межпоколенных связей. В приведенном выше перечне переменных выделяется одна — частота посещений (непосредственных контактов), которая может рассматриваться как результирующая переменная (y) по отношению ко всем другим ($x_1, x_2, \dots, x_n$), выполняющим роль факторов, т. е. объясняющих переменных. Тогда можно представить частоту взаимных посещений как некую функцию:

$$y = f(x_1, x_2, \dots, x_n).$$

При этом многие из объясняющих переменных являются неколичественными или могут быть представлены таковыми. При введении в модель им присваиваются метки, т. е. качественные переменные преобразуются в количественные. Такого рода сконструированные переменные принято называть фиктивными (Елисеева, Курышева 2010).

Если исходная переменная (номинальная) является дихотомической, то формируется одна фиктивная переменная, принимающая два значения: $z = 1$ — наличие какого-либо признака и $z = 0$ — его отсутствие. В случае трех градаций (например, для трех уровней образования: высшее, среднее специальное и общее среднее) в модель

вводятся две фиктивные переменные z_1 и z_2 . При этом $z_1 = 1$ для высшего образования и $z_1 = 0$ для иного уровня образования; $z_2 = 1$ для среднего специального образования и $z_2 = 0$ для иного уровня образования. Если номинальная переменная имеет k градаций, то в модель вводятся $k - 1$ фиктивных переменных. Уменьшение на единицу числа вводимых в модель фиктивных переменных по сравнению с числом градаций номинальной переменной связано со стремлением не попасть в «ловушку» при оценивании параметров регрессии, которая возникает при введении в модель фиктивных переменных. Если число таких переменных будет соответствовать числу градаций номинальной переменной, то матрица исходных данных станет вырожденной и оценка параметров модели регрессии окажется невозможной.

Введение в модель фиктивных переменных может преследовать разные цели:

- оценка различий, возникающих в моделируемом показателе за счет особенностей отдельных единиц совокупности при неизменном влиянии других переменных — факторов;
- оценка влияния структурных различий единиц совокупности на характер зависимости объясняемой переменной от объясняющих переменных (факторов), измеренных на интервальной или порядковой шкале;
- оценка влияния номинальной переменной на моделируемый показатель.

Соответственно этим целям, фиктивные переменные используются в регрессионном анализе, анализе таблиц сопряженности и временных рядов.

В случае простого (с одной независимой переменной) линейного регрессионного анализа фиктивные переменные вводятся следующим образом:

$$y = a + bx + cz + e \quad (1)$$

$$y = a + bx + cz + d(xz) + e, \quad (2)$$

где y — зависимая переменная, измеренная на интервальной шкале;
 x — независимая переменная (объясняющий фактор);
 z — фиктивная переменная, соответствующая двум градациям качественного признака (0,1).

В уравнение (2) введено взаимодействие объясняющей переменной x с фиктивной переменной z .

При большом количестве объясняющих переменных модель (1) принимает вид:

$$y = a + b_1x_1 + b_2x_2 + \dots + b_kx_k + c_1z_1 + c_2z_2 + \dots + c_mz_m + e. \quad (3)$$

В модель (3) включено k объясняющих переменных (x) и m фиктивных переменных (z).

Поскольку каждая из указанных выше переменных имеет больше двух градаций и является номинальной, число оцениваемых параметров регрессионной модели может составить 14–16. Это означает, что объем выборки должен включать не менее 100 семейных групп, т. е. семей / домохозяйств, разных поколений, связанных прямыми родственными узлами. Очевидно, что велика вероятность возникновения эффектов мультиколлинеарности, из-за которых многие параметры модели оказываются статистически незначимыми или неинтерпретируемыми.

Возможен иной подход к моделированию, учитывающий структуру связей между самими объясняющими переменными, т. е. построение структурной модели. Для этого должна быть сформирована матрица, основанная на гипотезах о механизмах детерминации соответствующих переменных. При решении задачи на примере изучения связей между тремя поколениями можно построить матрицу, аналогичную представленной в таблице.

Таблица

Исходная структура (условная)

	x_1	x_2	x_3	x_4	x_5	x_6	x_7	x_8
f_1	1	0	0	0	0	0	0	0
f_2	0	1	0	0	0	0	0	0
f_3	0	1	1	0	0	0	0	0
f_4	0	0	1	1	0	0	0	0
f_5	0	1	1	0	1	1	0	0
f_6	0	0	1	0	0	1	0	0
f_7	0	1	0	0	0	1	1	0
f_8	1	1	1	1	1	1	1	1

Примечание: x_1 — расстояние на дорогу, x_2 — возраст женщины в семье прародителей, x_3 — возраст женщины в семье родителей, x_4 — возраст младшего ребенка, x_5 — занятость прародителей, x_6 — наличие брачной пары в семье родителей, x_7 — занятость родителей, x_8 — частота межпоколенных контактов.

Последовательность переменных в матрице определяется их отнесением либо к экзогенным, либо к эндогенным переменным. Модельная спецификация структуры представлена в виде матрицы нулей и единиц. Столбцы матрицы ассоциируются с переменными, а строки — с функциями. Наличие единицы на пересечении j -го столбца и i -й строки означает, что j -я переменная присутствует в i -й функции; ноль в этой же позиции символизирует отсутствие переменной в данной функции. В соответствии с исходной матрицей строится система уравнений и производится оценка параметров. Заметим, что структурная модель должна быть предварительно проверена на внутреннюю логическую непротиворечивость.

Семейные группы в контексте линии жизни

Структура семейной группы аккумулирует в себе возраст рождения первого ребенка, продолжительность жизни мужчин и женщин, интенсивность разводов и вступления в брак, возраст выделения из родительской семьи, возраст начала сексуальных отношений, возраст создания устойчивого союза / брака и др. Непосредственно формирование и жизнедеятельность семейной группы зависит от возраста выделения из родительской семьи, рождения первенца, продолжительности жизни, разности в продолжительности жизни мужчин и женщин. Из всего множества характеристик главную роль играют возраст отделения сына или дочери от родительской семьи, начало жизни с партнером и становление родительства.

Линия жизни индивида представляет собой многомерный процесс, т. е. серию процессов, каждый из которых имеет собственные характеристики: выделение из родительской семьи (Y_t^A), вступление в первый союз (Y_t^B), родительство (Y_t^C), где $t = 1, 2, 3 \dots T$. Эти процессы можно представить как дихотомические: 0 — живет с родителями, 1 — покинул родительский дом; 0 — не живет с партнером, 1 — живет с партнером; 0 — не является родителем, 1 — является родителем.

Оставляя в стороне процесс родительства представителей молодого поколения, представим возможные сочетания этих событий: (0, 0) — живет с родителями и не в союзе с партнером; (1, 0) — оставил родительский дом, не в союзе с партнером; (0, 1) — живет с родителями, но имеет союз с партнером; (1, 1) — оставил родительский дом, живет в союзе с партнером. Таким образом, начальная и конечная точки процесса: живет с родителями, не в союзе с партнером (0, 0) — оста-

вил родительский дом, живет в союзе с партнером (1, 1). В этом случае должны быть оценены две взаимосвязанные модели: модель вероятности покинуть родительский дом, когда индивид вступает в союз, и модель вероятности создания союза, когда индивид покинул родительский дом.

Нередко оба события (выделение из родительской семьи и вступление в союз) происходят параллельно и являются взаимосвязанными. При моделировании двух параллельных и, по-видимому, взаимосвязанных процессов у них должна быть общая история, H_{t-1} , так что:

$$\begin{aligned} & \Pr(Y_t^A = y_t^A, Y_t^B = y_t^B | H_{t-1} = \\ & \Pr(Y_t^A = y_t^A | H_{t-1}) \cdot (Y_t^B = y_t^B | H_{t-1}). \end{aligned} \quad (4)$$

В результате могут быть построены модели для двух типов переходов:

(А) Живет с родителями — Оставляет родительский дом.

(В) Не состоит в союзе — Вступает в союз.

Обе эти модели предполагают моделирование времени до наступления того или иного события в зависимости от набора характеристик (ковариат). Такого рода модели предложены Д. Коксом и получили название *survival analysis* или *hazard model*.

В регрессионной модели Кокса (hazard-модели) в качестве зависимой выступает переменная времени:

$$h(t) = h_0(t) \exp(\alpha_1 x_1 + \dots + \alpha_k x_k), \quad (5)$$

где

$h_0(t)$ — базовый уровень риска;

$x_1, x_2, \dots, x_k$ — объясняющие переменные.

Применительно к нашей задаче опыт построения двух вероятностных моделей (*hazard model*) показывает, что оставление родительского дома является первым, и это событие стимулирует вступление в союз, а не наоборот (Billari, Rohwer 1999). Для разных поколений временной интервал между этими событиями и последующим рождением ребенка будет различным, причем разрыв изменяется по странам мира для мужчин и женщин. Заметим, что в условиях России весьма высока вероятность того, что последовательность событий будет нарушаться, т. е. вступление в союз может предшествовать отделению от родительского дома.

Часто в задачах моделирования социальных процессов используются logit-модели, которые относятся к моделям дискретного выбора (бинарного или множественного). Логит-модели позволяют моделировать зависимость выбора двух и более альтернатив от набора характеристик, которыми обладает агент, делающий выбор.

Общая формула логистической регрессионной модели следующая:

$$Y \sim B(1, p),$$
$$p = E(Y|X) = \frac{\exp(\beta X)}{1 + \exp(\beta X)}, \quad (6)$$

где

$B(1, p)$ — биномиальное распределение с вероятностью результата p ,

Y — зависимая переменная;

$X = (x_1 \dots x_k)$ — независимые переменные;

β — структурный параметр модели.

Распространенность таких моделей объясняется расширением спектра выбора респондентов: вступать в брак (в смысле регистрации брачных отношений) или нет, рожать ребенка / детей или нет, осуществлять уход за престарелыми родителями своими силами или привлечь работников социального бизнеса или государственной социальной службы. В любом случае та или иная постановка задачи моделирования межпоколенных связей будет способствовать более глубокому пониманию проблемы.

Заключение

Межпоколенные связи принадлежат не только традиционному, но и современному обществу. Актуальность их исследования растет в связи с демографическими и социальными процессами. С течением времени межпоколенные связи становятся все более разнообразными в результате роста числа участников родственных контактов: распространения семей с двумя и более детьми, наличия сводных братьев и сестер как характеристики, сопутствующей высокой разводимости. Происходит развитие сетевого взаимодействия домохозяйств, растет вовлеченность мужчин в родительство, учащается взаимодействие свояков и своячениц (родителей мужа и жены). Все эти частные аспекты интегрируются в расширении разнообразия типов семей и образа жизни. В качестве подтверждения последнего отметим некоторые

моменты, получившие отражение в книге о. А. Кураева «Женские вопросы к Церкви» (Кураев 2017) и затронутые на встречах автора книги с читателями в июне 2017 г., в ходе которых обсуждались вопросы: «Могут ли быть супружеские отношения в пост?», «Сделать аборт или родить вне брака?» и т. п. То, что вопросы такого рода возникают, подтверждает дисперсность, многогранность реальности, сосуществование традиционного мышления и поведенческих установок наряду с такими явлениями, как смена пола или отказ от рождения детей (*free-child family*).

Усложнение структуры родственных взаимосвязей привело к постановке задачи выявления социально значимого члена «расширенной семьи». Результаты, полученные О. Н. Бурмыкиной (Бурмыкина 2015), свидетельствуют о приоритетной роли матери, затем, с довольно большим отрывом, обозначена значимость отца; следующий уровень «расширенной семьи» составляют братья и сестры, бабушки и дедушки; еще реже социально значимыми членами оказываются дяди и тети и другие родственники. Налицо сетевая структура расширенной семьи с выраженным ядром и периферией. Это явление, наряду с приостановлением процесса нуклеаризации семей, свидетельствует о возникновении новых потребностей в родственном общении и взаимопомощи. Существенный прогресс достигнут в области изучения частных межпоколенных трансфертов.

Каждое исследование межпоколенных отношений вносит свой вклад в контекст результатов и выводов, полученных предшественниками.

Краткий обзор методологических проблем изучения межпоколенных связей свидетельствует о потребности в развитии научной методологии: уточнении объекта исследования, принципов организации сбора данных, актуализации программы исследования, разработки методологии анализа при переходе от индивидуальных к социальным характеристикам межпоколенного взаимодействия.

Источники

- Бурмыкина О. Н. Межпоколенные взаимодействия в семье: поддержка и социальные сети // Семья в России и Китае: процесс модернизации / Под ред. И. И. Елисеевой и Аньци Сюй. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 199–232.
- Бурмыкина О. Н. Новые тенденции в развитии семьи и межпоколенных отношений // Новая значимость семьи и межпоколенных отношений для

- России и Китая. Препринт. РГНФ, грант № 16–23–22–002. СПб.: Росток, 2016. С. 55–72.
- Гладникова Е. В. Обзор подходов к исследованию частных межпоколенных трансфертов // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 5. С. 93–110.
- Голофаст В. Б. Социология семьи. Статьи разных лет / под ред. О. Б. Божкова. СПб.: Алетейя, 2006.
- Елисеева И. И. Старение населения и организация жизни пожилых людей: случай России // Петербургская социология сегодня. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 11–35.
- Елисеева И. И., Курешева С. В. Фиктивные переменные в анализе данных // Социология 4М. 2010. № 30. С. 43–63.
- Иванова Е. И. Поколение в зеркале социально-демографического анализа. М.: РГГУ, 2016.
- Крецер И. Ю. Социокультурные паттерны родственных отношений в условиях большого города (на примере Санкт-Петербурга): Автореферат дисс. ... канд. социол. наук. СПб.: СПбГУ, 2017.
- Кураев А. В. Женские вопросы к Церкви. М.: Проспект/РГ-Пресс, 2017.
- Миронова А. А. Частные межпоколенные трансферты в различных типах домохозяйств: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2016.
- Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
- Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под ред. Т. М. Малевой и О. В. Синявской. М.: НИСП, 2007. С. 517–544.
- Российское население в условиях кризиса / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крум-ма, Н. Е. Тихоновой. М.: Альфа, 2009.
- Ружжже В. Л., Елисеева И. И., Кадибур Т. С. Опыт исследования семейных групп // Социологические исследования. 1976. № 1. С. 113–120.
- Ружжже В. Л., Елисеева И. И., Кадибур Т. С. Структура и функции семейных групп. М.: Финансы и статистика, 1983.
- Сюй Аньци, Сюй Яли. Структура семьи // Семья в России и Китае: процесс модернизации / под ред. И. И. Елисеевой и Аньци Сюй. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 145–196.
- Ageing, intergenerational relations, care systems and quality of life — an introduction to the OASIS project / S. O. Daatland, K. Herlofson (eds). Norwegian Social Research. NOVA rapport 14/01.
- Bengtson V. Beyond the nuclear family: The increasing importance of multigenerational bonds (The Burgess Award Lecture) // Journal of Marriage and Family. 2001. Vol. 63 (1). P. 1–16.
- Billari F. C., Rohwer G. Some Developments in Methods for Life Course Analysis and Their Applications / Societa Italiana di Statistica, Atti della XXXIX Riunione Scientifica, Istituto di Statistica e Matematica, Istituto Universitario Navale. Napoli, 1999. P. 325–336.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О. Б. Божков, С. Н. Игнатова

ЧТО СЕГОДНЯ АКТУАЛЬНО ДЛЯ РОССИИ?

Впечатления о некоторых социологических конференциях 2017 г.

Сегодня трудно говорить что-либо внятное о будущем России. Зато в последние годы социальные исследователи стали все чаще обращаться к прошлому. Как правило, речь идет об официальной и неофициальной истории, мемуарах и воспоминаниях, генеалогиях, автобиографиях. Не только в социологии, но и в других гуманитарных дисциплинах многие отмечают своеобразный автобиографический бум. Только за первые шесть месяцев 2017 г. состоялся целый ряд конференций, где доминировали исследования автобиографий, проблем памяти, исторические сюжеты. Перечислим лишь те, в которых нам довелось участвовать:

Международная конференция **«Рынок исторического (со)знания»** (Москва, Международный мемориал, Лаборатория публичной истории, 19–20 января);

Международная конференция **«Память миграции — Миграция памяти»** (Хельсинки, университет в Тампере, 23–24 марта);

XXIV Международный симпозиум **«Пути России. 1917–2017: Сто лет перемен»** (Москва, РАНХиГС, МВШСиЭН, 24–25 марта);

15-е биографические чтения памяти Вениамина Иофе **«Право на имя: Биографика XX века»** (Санкт-Петербург, Фонд В. В. Иофе, 20–22 апреля);

Шестой Методологический семинар памяти Г. С. Батыгина **«Эвристический потенциал социального знания: потребности общества и возможности науки»** (Москва, ИС РАН, 26–27 апреля);

Международная конференция **«Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: Люди, тексты, практики — II»** (Москва, НИУ ВШЭ, 1–2 июня).

В этом списке и конференции с «большим стажем», своеобразные «периодические издания» (например, Чтения памяти В. Иофе, семинар памяти Г. С. Батыгина, симпозиум «Пути России»), и те, которые начинают свой, возможно, долгий путь (например, «Автобиографические сочинения...» или «Рынок исторического (со)знания»).

Так как автобиографические материалы привлекают внимание психологов, социологов, культурологов, историков, лингвистов, каждая из названных конференций, по сути, становится междисциплинарной. Но, к сожалению, на них очень редко обсуждаются методологические и теоретические проблемы, в том числе и проблемы собственно междисциплинарности.

Мы занялись несложной арифметикой. Все доклады, представленные на обозреваемых научных мероприятиях, разделили на четыре класса по характеру эмпирического материала, который лег в их основу:

- *единичные случаи (кейсы)*, например¹, Антон Лютынский (Институт истории университета им. Яна Кухановского в Кельцах, Польша) «События в Кельцах 4 июня 1946 г.: особенности локальной коммеморации»; Марина Крышталева (Государственный музей-заповедник «Петергоф», СПб) «Память эмигранта: случай Александра Бенуа» и др.;
- *группы более или менее однородных кейсов*, например, Олег Божков, Светлана Игнатова (СИ РАН, СПб) «Три волны миграции в России 1950–2000-х гг.: разрыв памяти поколений»; Алиса Максимова (НИУ ВШЭ, СПб) «Проблемы изучения обыденных представлений о прошлом на примере жителей малых городов»;
- *теория и / или методология изучения автобиографий (генеалогий)*, например, Дарья Хлевнюк (Stony Brook University, Нью-Йорк) «Новая культура памяти и способы ее изучения»; Ольга Малинова (НИУ ВШЭ, Москва) «Политическое использование прошлого и символическая политика властвующей элиты: теоретические и методологические аспекты исследования»;
- *не определенные, т. е. те, которые не попали ни в один из этих классов.*

Результат наших подсчетов представлен в табл.

¹ Примеры приведены из разных конференций.

Таблица

Эмпирическое обобщение докладов на научных конференциях 2017 г.

	Мемориал 19–20.01	Хельсинки 23–24.03	Фонд Иофе 20–22.04	НИУ ВШЭ 1–2.06	Итого
Единичный кейс	7	6	16	25	54
Группа кейсов	11	14	7	18	50
Теория и / или методология	12	0	0	13	25
Не определено	1	0	0	0	1
Всего	31	20	23	56	130

Представленные цифры вполне красноречивы: 42% докладов описывают единичные кейсы, еще 38% посвящены группам однородных кейсов и только 19% содержат либо попытки теоретизирования или классификации автобиографий / личных документов либо посвящены методологии их анализа. Однако беда в том, что даже хорошо описанные отдельные случаи не дают возможности выйти на какие-либо обоснованные выводы ни о состоянии общества, ни о социальных процессах.

В таблицу не включены два научных мероприятия. Во-первых, Методологический семинар памяти Г.С. Батыгина «**Эвристический потенциал социального знания: потребности общества и возможности науки**». Во-вторых, симпозиум «**Пути России. 1917–2017: Сто лет перемен**», в рамках которого был проведен Круглый стол Вольного исторического общества на тему «Какое прошлое нужно будущему России?» (модераторы: Григорий Юдин (МВШСЭН, НИУ ВШЭ), Александр Рубцов (ИФ РАН, КГИ); выступающие: Илья Венявкин («Прожито»), Василий Жарков (МВШСЭН), Андрей Колесников (Центр Карнеги), Алиса Максимова (НИУ ВШЭ), Мария Мацкевич (СИ РАН), Вячеслав Морозов (Тартуский университет), Константин Морозов (РАНХиГС), Михаил Рожанский (Центр независимых социальных исследований и образования — Иркутск), Никита Соколов (ВИО), Андрей Тесля (ТОГУ), Николай Эппле («Ведомости»)).

Семинар памяти Г.С. Батыгина, как следует из его названия, предметно выпадает из обозреваемого круга конференций. Но мы сочли необходимым включить его в настоящий обзор именно по той причине, что он как бы восполняет отмеченный нами пробел, так как посвящен эвристическому потенциалу социального знания.

Пожалуй, самой интересной и насыщенной на этом семинаре была секция «Запрос современного российского общества к социальным наукам», где наиболее глубокими, по нашей оценке, были доклады В. Г. Николаева (к. соц. н., НИУ ВШЭ, Москва) «Быстрое общество и медленное исследование: (не)актуальность символического интеракционизма»; О. А. Моляренко (НИУ ВШЭ, Москва) «Объективация статистики как ловушка государственного управления»; С. Г. Кордонского (к. ф. н., НИУ ВШЭ, Москва) «Запросы современного российского общества к социальным наукам: опыт фонда “Хамовники”» и О. Н. Яницкого (д. ф. н., ИС РАН, Москва) «Глобальные социобиотехнические системы: к обоснованию концепции».

Хотя на секции «Модели социальной реальности: примеры конкретных исследований» было несколько докладов, которые, по сути дела, описывали единичные кейсы, которые и не предполагали глубоких обобщений и выводов, характеризующих тенденции социальных процессов в обществе. Среди них: доклады Т. Н. Журавской (Дальневосточный федеральный университет, Владивосток) «Модель взаимодействия с властью в локальном контексте, или В поисках административной ренты»; Д. М. Рогозина и О. В. Пинчук (РАНХиГС, Москва) «Семья и труд в жизни заводских работниц»; Т. А. Евченко (руководитель проекта в Фонде поддержки социальных исследований «Хамовники», Ульяновск) «Схемы промысловой деятельности риелторов»; С. В. Мохова (НИУ ВШЭ, Москва) «Инфраструктура рынка ритуальных услуг: социокультурный анализ».

Моя коллега из Австрии (в прошлом гражданка России) пару лет назад побывала на семинаре, в котором и я хотел участвовать, но не смог в силу загруженности. Подавляющее большинство докладов этого семинара основывались именно на описании отдельных кейсов. Естественно, я поинтересовался, какое впечатление осталось у коллеги. «Ты знаешь, — сказала она — было очень интересно: много тонких и точных наблюдений. Но когда уже вечером просмотрела свои записи, чтобы лучше зафиксировать услышанное, оказалось, что фиксировать, собственно говоря, нечего. Интерпретация наблюдений показалась если не сильно натянутой, то, во всяком случае, весьма спорной. Ну да, молодые люди открыли для себя что-то новое, но к социологии, к пониманию каких-то тенденций в обществе, это не имеет отношения».

Такое же впечатление оставили и эти сообщения.

Круглый стол Вольного исторического общества (ВИО) «Какое прошлое нужно будущему России?», собравший (что характерно) социологов, историков, политологов, публицистов, предваряли два тезиса:

- 1) представления о прошлом задают траектории развития общества на будущее. Россию принято считать страной с особым отношением к истории. Одна из заметных книг в этом интеллектуальном жанре называется символически: «Прошлое толкует нас». В политической актуализации истории эта формула выглядит иначе: «Мы сами толкуем себя через прошлое». В отсутствие собственно политического языка (а именно в условиях его смысловых деформаций и явной ригидности) язык истории часто становится преимущественным, а иногда и единственным языком настоящего;
- 2) в последние несколько лет на первый план в жизни страны вышла историческая политика, что подтверждает: будущее России определяется в работе с ее прошлым.

Отсюда проистекает целый ряд актуальных вопросов. Как возникает сегодня наше будущее прошлое? Как в этом процессе соотносятся идеология и профессиональная историческая работа? Как меняются формы исторической памяти? Кто заинтересован сегодня в изменении исторического сознания России и какие группы реализуют это изменение? Обладает ли государство монополией на создание исторической политики? Как может выглядеть историческая память, которая обеспечит стране примирение?

Исследованию этих вопросов посвящены аналитический доклад и социологическое исследование «Какое прошлое нужно будущему России», проведенные ВИО в 2016 г. К участию в Круглом столе были приглашены авторы отчета, эксперты в области исторической политики и исторической памяти. Одним из важных сюжетов в дискуссии стало, в том числе, обсуждение вопроса о том, как индивидуальные воспоминания (автобиографии) встраиваются в общую историческую память и влияют на восприятие настоящего.

Правда, участники Круглого стола практически не обращались к данным эмпирических исследований. Они делились подчас парадоксальными размышлениями по обсуждаемому вопросу и их размышления будили мысль, поднимали новые вопросы, которые настоятельно требуют глубоких исследований. В целом такого рода сообщения, на наш взгляд, ближе всего к научной публицистике.

Отрадно, что социальные исследователи через автобиографии, воспоминания простых людей пытаются реконструировать повседневность прошлого. Однако такая поляризация, когда с одной стороны, увлечение отдельными случаями, а с другой — сильный крен в публицистику (хоть и научную), настораживает. Ибо вне поля зрения чаще всего оказывается «среднее звено» — методология, технология получения достоверного, обоснованного и, стало быть, надежного знания об обществе. И в этом отношении на семинаре памяти Г. С. Батыгина была сделана серьезная попытка привлечь внимание коллег именно к этому звену в цепочке научного познания общества и его проблем.

IN MEMORIAM

Список наших планов рос быстрее, чем мы могли их реализовать

Светлой памяти Светланы Игнатовой

Шокирующая, убийственная новость — 3 ноября 2017 г. не стало Светы Игнатовой. Буквально за несколько минут до кончины она была в одном с нами строю: на конференции, посвященной столетию революции 1917 г., звучал наш с ней доклад «Сто лет трансформаций “жилищных биографий”».

Мы — ее друзья и коллеги — знали, что она тяжело больна, и всегда поражались ее потрясающей энергии, интеллектуальной активности и тому мужеству, с которым она этой болезни противостояла. Кто-то может подумать, что именно смертельная болезнь подгоняла Свету, заставляла спешить. Но я-то знаю, что это не так, что и будучи сильно больной она жила в обычном для нее напряженном ритме.

Наше тесное сотрудничество началось 16 лет назад, в 2001 г., когда Света не только согласилась принять участие в сельской экспедиции по гранту РФФИ, но и активнейшим образом включилась в организацию этого проекта, в формирование группы интервьюеров и их обучение. И все 8 лет, что мы ездили в экспедиции, она оставалась неперменным их участником, организатором, да и во многом вдохновителем этих проектов. С того времени Света стала моим постоянным

соавтором статей и докладов на многочисленных конференциях и семинарах.

В прошлом году, когда мы с Татьяной Протасенко затеяли конкурс автобиографий «Моя жилищная история», Светлана не просто поддержала эту идею, но и включилась в ее реализацию. Она взяла несколько глубоких биографических интервью у тех, кто мог не получить информацию о конкурсе, и у тех, кто по разным причинам не смог бы самостоятельно эту историю описать. Стоит отметить, что Светлана была блестящим интервьюером. Более того, когда стали поступать материалы на конкурс, Света не только внимательно читала все тексты, но сразу же начала их описание и анализ.

И это несмотря на то что и в собственном секторе у нее дел было выше головы. Думаю, не обижу ни Галину Васильевну Еремичеву, ни кого-либо из сотрудников сектора, если скажу, что и здесь Света была «мотором» и суперактивным членом коллектива. Ее работоспособность была совершенно потрясающей.

Мне довелось близко познакомиться со Светой не только по работе, но и в обычной жизни. После смерти моей жены именно в ее доме я нашел поддержку и тепло человеческого общения. На даче в Бобровке (это на берегу Суходольского озера в районе станции Гроново) по выходным, как правило, собиралось много друзей Светы и ее мужа. И было совершенно неважно, чьи именно эти друзья. Друзья — и этим все сказано. Здесь не надо было никому говорить, что делать. Особенно когда Света оказалась заметно ограничена болезнью. Каждый сам брал на себя определенную часть нескончаемой домашней и дачной работы. Атмосфера в Бобровке всегда отличалась весельем, шутками, розыгрышами и — главное — доброжелательностью и неподдельным интересом к каждому. Думаю, что именно Света и ее муж естественным образом создавали и поддерживали эту удивительную атмосферу.

За свою короткую — всего 50 лет — жизнь Светлана успела сделать очень много и до последнего дня строила планы. Об этом она всегда говорила с юмором: «Олег, я придумала еще один хомут на наши головы». Число «хомутов» росло быстрее, чем мы успевали реализовать наши планы. Хочется надеяться, что последние все-таки будут реализованы. А это: инициативный проект по исследованию принципов и методологии междисциплинарных исследований; второй тур сельских экспедиций, под который подана заявка на грант; книга по материалам сельских экспедиций (заготовок накоплено уже немало).

Завершение этих проектов станет самой лучшей памятью о соратнике и друге.

Особенно обидно, что болезнь подкосила Свету, что называется, «влет», на пике творческой активности. Всем, кто знал Светлану, кто дружил или просто сотрудничал с ней, будет катастрофически ее не хватать. Мы глубоко скорбим вместе с семьей и родными. Имя — Света, Светлана — ей очень подходило и отражало сущность этого замечательного светлого человека.

Олег Божков, Социологический институт РАН

SUMMARIES

L. G. Titarenko

Modernization potential of Belarusian students: survey evidence

Modernization potential of the students of the Republic of Belarus in the contemporary society is discussed. The author states that in order to be successfully included into the process of modernization of Belarusian society the students should have the values that correspond to the objectives of modernization. The empirical data show that only a part of the students really obtain these values and can be viewed as modernization resource. The other part of the students are committed to the traditional values that do not allow to become the forefront of the modernization.

Keywords: modernization potential, work, students, value orientations, innovation, development, Belarus

G. N. Sokolova

Belarusian labor market under conditions of structural changes in economy: effectiveness of mechanisms for adjustment

In this article the mechanisms for labor market adjustment to structural changes in the economy are analyzed. It is revealed, that the mechanisms for quantitative adjustment are connected with preservation of unnecessary labor, weaken competition for workplaces; the mechanisms for qualitative adjustment don't provide reaction of educational services market to structural changes in economy; the mechanisms for wages don't stimulate labor transition into new spheres in economy; the mechanisms for institutional adjustment don't promote coordination of the named mechanisms action. For successful adaptation of labor market to structural changes in economy is necessary: reduction of inefficient workplaces; socially responsible restructuring (including over retraining and modern methods of personnel work); coordination of educational services market and labor market; realization by wages of the function stimulating workers to productive and qualitative work; increase of labor market institutional flexibility.

Keywords: labor market, mechanisms for quantitative adjustment, mechanisms for qualitative adjustment, mechanisms for wages, mechanisms for institutional adjustment

O. B. Bozhkov, S. N. Ignatova

Professional competences of head of municipal self-government institutions

Municipal authorities are the most important institute of the Russian administrative system. The state exercises control of the economic and social sphere of society at the local level through these authorities. The identity and professional competence of heads of local authorities is treated as one of the main factors of maintaining society, creating the conditions for its preservation, and sometimes even development. Studying of professional competences was carried out on the basis

of allocation of three criteria of competence: personal, cognitive and organizational within the analysis of daily practices of professional activity of heads of rural municipal services.

Keywords: municipal administration, competence-based approach, professional competencies, daily practices

E. V. Tykanova

The city as a territory of inequality: contestation of garage spots demolition in St. Petersburg

The article discusses the opportunities of civic participation for city dwellers in the urban decision making. The theoretical background of the article are L. Thevenot's pragmatic sociology and S. Arstein's "ladder of citizen participation". The empirical base of the study is a series of semi-structured interviews with members of garage spots owners in St. Petersburg involved in urban contestation against massive garage demolition. I conclude that the owners of garage spots resort to a large range of instruments of urban space contestation in view of low efficacy of legal actions. Strong advocacy groups (city authorities and buildings developers) appeal largely to laws, but they employ a variety of other instruments for legitimating their actions as well. As a result, the interaction among urban activists and city authorities occurs on the level of "therapy", "informing" and "manipulation", according to Arstein's terminology.

Keywords: contestation, urban space, conflict, advocacy groups, civic participation

I. V. Rusakova

Influence of demographic processes on the number of homeless animals in Russian cities

The article deals with the connection between the demographic consequences of globalization and the growing number of homeless animals. The review of publications on this subject allows us to conclude that there is no data on the number of homeless animals in most regions, and, consequently, the unjustified costs are not measures to regulate it. It is necessary to develop a unified methodology for the registration of homeless animals in populated areas and to monitor its application to certain indicators. A method of indirect estimation of the number of neglected animals by demographic indicators is proposed. A correlation was found between the relative number of neglected dogs in the cities of the Russian Federation with the relative number of young children and persons older than the able-bodied, as well as with the birth and death rates of the population.

Keywords: number of homeless animals, birth rate, mortality, migration increase, population

K. S. Divisenko, O. V. Divisenko

The social dimension of religiosity: the experience of empirical research

The article presents the results of an empirical study of Orthodox and Protestant believers. Connection of religious behavior with such indicators of the social dimension of religiosity as acquaintances in the church community, dynamics of social contacts of believers, social attitudes toward representatives of other religions and denominations is considered. An interconfessional analysis of the features of church life was conducted. The results demonstrate significant

differences in the social dimension of religiosity concerning the confessional belonging of believers and the degree of enchurchment.

Keywords: sociology of religion, Orthodoxy, Protestantism, enchurchment, church community

V. P. Avdeeva, M. M. Rusakova

Social policy for orphans and children left without parental care in post-Soviet countries

The article reviews the theoretical approaches to the study of family policies and child protection systems. Based on the literature analysis and theory of path-dependency, as well as the on the approach proposed by V. Schmidt, a theoretical model of social policy for orphans and children left without parental care was developed. The expert survey method was used to obtain the data on the current state of social policy for orphans in post-Soviet countries. The empirical study demonstrated that the general basis of social policy in the post-Soviet countries is the deinstitutionalization of orphans and children left without parental care. Also, a number of problems in the sphere of child rights observance typical for the post-Soviet countries were revealed.

Keywords: orphans, children left without parental care, social policy, post-Soviet countries, expert survey

K. Y. Eritsyan, O. I. Kolpakova

Modern approaches to the study of energy drinks

Problems related to the use of energy drinks are widely discussed both in scientific community and among decision makers. Nowadays use of energy drinks has a marginal position between the use of drugs which is relatively well regulated by the government and the use of soft drinks which is regarded as a normative behavior. The article contains the review of scientific publications describing modern approaches to the study of determination and consequences of energy drinks use. 30 empirical scientific publications issued in the period from 2015 to 2017 are analyzed. One of the important conclusions is that researches are mainly quantitative and are not based on specific theoretical models. Use of energy drinks is considered in the scientific community mostly within the contexts of addictive behavior, public health, risky behavior and microsocial influences.

Keywords: energy drinks, study design, literature review, psychoactive substances

O. N. Burmykina

Intergenerational family contract: the views of young generation

The article presents an empirical analysis of the intergenerational family contract, which is a set of norms, expectations and obligations regulating relations between generations and age groups. As a theoretical design, the “solidarity model” was used. The views of young people on mutual kinship obligations of adult children and their parents, as well as behavior in a specific situation, were studied. Empirical analysis has shown that student’s views on mutual obligations of generations retain their traditional features and at the same time have their own characteristics that allow us to identify possible vectors for changes in the intergenerational contract.

Keywords: family, intergenerational relations, intergenerational contract, a model of solidarity, mutual obligations, generation, views, the younger generation

N. A. Nechaeva

Student youth gender ideals (1999–2014)

The article describes different aspects on gender ideals transformation among student youth. Based on research results from 1999, 2007 and 2014, the paper demonstrates that from 1999 to 2007 the vector of changes was directed towards the development of egalitarianism with a slight fall in the value of traditional features. During the second analyzed period (2007–2014) the trajectory of these transformations became fundamentally different — there is a “reverse wave” of movement towards a fall in the attractiveness of the modern egalitarian ideal with the consistently high or even more increasing value of traditional features. The revealed processes of retraditionalization firstly concern the ideal of a woman. Moreover, the young women’s views change more than the men’s in the direction of traditionalism. Based on the indicators proposed by the author, it was found that the degree of coherence of gender ideals in the eyes of student youth has increased by 2014 and is at a high level.

Keywords: gender worldview, gender dominant of consciousness, gender ideals, men’s ideals, women’s ideals, degree of coherence, transformation and detraditionalizing

I. I. Eliseeva

Interaction of Households of Direct Relatives of Defferent Generations: Methodological Aspect

Noting the shortage of modern applied sociological research of the All-Russian scale on family problems and intergenerational relations, the author concentrates his attention on the methodological aspects of such projects. Such issues as determination of the object, sampling, survey program, methods of analysis and modeling are discussed. It is made the attempt to compare the contents of definitions: “extended family” and “family group”. The problem of family groups is considered in the context of the life line as a sequential chain of events: a) the individual is separated from the parent family; b) union with a partner. There is a possible violation of this sequence, especially in the Russian conditions. The importance of constructing logit-models in connection with the widening of the range of choice in the behavior of individuals with regard to marriage, registration of marriage, the birth of a child or abandonment of children, etc. are underlined.

Keywords: family, family group, extended family, generation, intergenerational relation, transfer, asymmetry, contact, model

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авдеева Владлена Павловна, Avdeeva Vladlena P. — магистр социологии, младший научный сотрудник Социологического института РАН, vladlena.avdeeva@gmail.com

Божков Олег Борисович, Bozhkov Oleg B. — старший научный сотрудник, руководитель Научно-исследовательского центра «Биографический фонд» Социологического института РАН, olegbozh@gmail.com

Бурмыкина Ольга Николаевна, Burmykina Olga N. — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Социологического института РАН, o_burmykina@mail.ru

Дивисенко Константин Сергеевич, Divisenko Konstantin S. — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Социологического института РАН, k.divisenko@socinst.ru

Дивисенко Ольга Владимировна, Divisenko Olga V. — ассоциированный научный сотрудник Социологического института РАН, olga.tupahina@gmail.com

Елисеева Ирина Ильинична, Eliseeva Irina I. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Социологического института РАН / зав. кафедрой статистики и эконометрики СПбГЭУ, irinaeliseeva@mail.ru

Ерицян Ксения Юрьевна, Eritsyen Ksenia Y. — магистр психологии, младший научный сотрудник Социологического института РАН, ksenia.eritsyan@gmail.com

Игнатова Светлана Николаевна, Ignatova Svetlana N. — старший научный сотрудник Социологического института РАН, s-ignatova@yandex.ru

Колпакова Ольга Игоревна, Kolpakova Olga I. — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Социологического института РАН, kolpakova@ngostellit.ru

Нечаева Наталья Александровна, Nechaeva Natalia A. — научный сотрудник Социологического института РАН, n_nechaeva@yahoo.com

Русакова Инна Викторовна, Rusakova Inna V. — магистр экономики, заместитель директора по общим вопросам Социологического института РАН, rusakova_i@mail.ru, rusakova@socinst.ru

Русакова Майя Михайловна, Rusakova Maia M. — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Социологического института РАН, руководитель Научно-исследовательского центра социологии детства / доцент кафедры прикладной и отраслевой социологии Социологического факультета СПбГУ, rusakova.maia@yandex.ru

Соколова Галина Николаевна, Sokolova Galina N. — доктор социологических наук, профессор, зав. отделом экономической социологии, заслуженный работник образования Республики Беларусь, gnsokolova@tut.by

Титаренко Лариса Григорьевна, Titarenko Larissa G. — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Белорусского государственного университета, ассоциированный научный сотрудник Социологического института РАН, larissa@bsu.by

Тыканова Елена Валерьевна, Tykanova Elena V. — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Социологического института РАН / старший преподаватель Социологического факультета СПбГУ, elenatykanova@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Принимаются к печати рукописи научных статей на русском и английском языках, ранее не публиковавшиеся.

Не принимаются тексты учебно-образовательного, научно-популярного и публицистического характера.

Все рукописи рецензируются.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Гонорар авторам за публикацию материалов не предусматривается.

Объем рукописей статей — от 0,5 до 2,0 а. л. (1 а. л. = 40 000 знаков, включая пробелы).

Рукописи необходимо высылать на электронный адрес редакции: si_ras@mail.ru

Помимо текста рукописи публикационный материал должен содержать следующие сведения:

- информацию об авторе (соавторах), включающую фамилию, имя и отчество на русском и английском языках, ученую степень и ученое звание (при наличии), место работы/учебы (полное официальное название учреждения без аббревиатур), должность по месту работы, почтовый адрес (с индексом), номер телефона (с указанием кодов), адрес электронной почты;
- подробное резюме на русском и английском языках объемом 150–200 слов;
- ключевые слова (3–10 слов) на русском и английском языках;
- название статьи на английском языке;
- приставный библиографический список литературы.

Рукописи принимаются в электронной версии в форматах *.doc, *.docx, *.rtf.

Ссылки на источники даются по тексту в скобках (фамилия автора, пробел, год, двоеточие, страница), а также в виде списка литературы в конце рукописи статьи в алфавитном порядке, начиная с публикаций на русском языке.

Примеры библиографического описания:

Бурдые П. Биографическая иллюзия // *Интер.* 2002. № 1. С. 75–83.

Гофман Э. Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу. М.: Смысл, 2009. 319 с.

Егорова М.С., Зверева О.В. Влияние структуры семьи на представления дошкольников о желаемой семье // *Психологические исследования:*

электрон. науч. журн. 2009. № 5 (7). [Электронный ресурс]. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2009n5-7/219-egorova7> (дата обращения: 02.04.2013).

Denzin N.K. Evolution of Qualitative Research // The SAGE Encyclopedia of Qualitative Research Methods / ed. by Lisa M. Given. Los Angeles: Sage Publications, 2008. Vol. 1. P. 311–318.

Doronicheva E.V., Kulkovab M.A., Shackleyc M.S. Exploitation of Lithic Raw Material in The Northwestern Caucasus Upper Paleolithic // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. Vol. 41. Issue 2. June 2013. P. 40–53. URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.aeae.2013.11.004> (date of access: 20.03.2014).

Giddens A. New rules of sociological method: A positive critique of interpretative sociologies. Stanford: Stanford University Press, 1993. 193 p.

Rønnow-Rasmussen T., Zimmerman M.J. (eds.) Recent Work on Intrinsic Value. Dordrecht: Springer Netherlands, 2005. 425 p.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ – 2017

Сборник научных трудов

Выпуск 8

Сайт издания: <http://www.pitersociology.ru/>

Адрес редакции: 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, каб. 526.

Тел.: +7 (812) 316–24–96

Факс: +7 (812) 316–29–29

E-mail: si_ras@mail.ru

Корректоры *А.В. Ланина, Т.В. Никонова*

Оригинал-макет *С.В. Кассина*

Дизайн обложки *И.А. Тимофеев*

Подписано в печать 04.12.2015 Формат 60×90 ¹/₁₆

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.-печ. л. 13,38. Тираж 300 экз. Заказ № 1007

Издательство «Нестор-История»

197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7

Тел. (812)235-15-86

e-mail: nestor_historia@list.ru

Отпечатано в типографии «Нестор-История»

Тел. (812)235-15-86

